

Андрей Музыченко

МЕЖДУМИРЕЦ
Гнев

Андрей Музыченко
Междумирец: гнев

«Автор»

2026

Музыченко А. В.

Междумирец: гнев / А. В. Музыченко — «Автор», 2026

Человек, оставшийся совсем один, способен на множество безрассудных поступков, схожих с безумием. Могучий воин-маг в отставке Мерион Ворха, живший до недавних пор в ином мире, попал на Землю в следствие катастрофы, инициатором которой стало ангелоподобное божество. Мир Мериона был разрушен, а сам он остался совсем один посреди незнакомого города. Ему посчастливилось не без помощи обустроиться в этом мире, найти работу, обзавестись жильём и вести быт обычного человека. Однако вскоре его стал преследовать страх того, что катастрофа придёт и в этот мир. Его охватило отчаяние. И он, Мерион, решил отправиться в академию магов "Перун", дабы убедиться в силе магов Земли. Надежды у него уже не было. Он бы с радостью обменял её на могущество, которое он тренировал потом и кровью, ибо слишком поздно понял, сколько бедствий оно несёт за собой. Эта история расскажет о том, насколько огромна вселенная и насколько отчаянными могут быть решения, принятые человеком - могучим, но загнанным в угол.

© Музыченко А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава:	5
МЕЖДУМИРЕЦ	6
Глава первая	7
Глава вторая	17
Глава третья	27
Глава четвёртая	38
Глава пятая	52
Глава шестая	66
Глава седьмая	75
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Междумирец: гнев

Глава:

А. В. Музыченко

МЕЖДУМИРЕЦ

Гнев

Назло всем сомнением... Своим и чужим...

Глава первая

Сон. Боль и пламя.

Огонь. Всё горит. В ушах трещит древесина. И крики.

Тот, кого называют величайшим героем, пытался спасти соратников. Сохранить их жалкие жизни — пусть ценой рук и ног. Он кинул паникующий взгляд вправо: там девочка рыдала над обугленным телом.

— Мама! Мама! — её крик перекрыл треск пламени.

Слёзы падали на почерневшие, усохшие руки матери. Девочка тряслась над дотлевающим трупом, не замечая, что сама уже горит. Потом её крик резко стих, она бессильно рухнула рядом, и пламя охватило её целиком.

Герой перевёл взгляд в другую сторону — полыхали маленькие дома, внутри люди кричали в агонии, метались как полоумные. Он уже поднял руки, чтобы одним махом потушить всё пламя — для него это пустяк. Но в то же мгновение огонь окрасился в белый, излучая нестерпимый свет. Он усилился, заплясал быстрее, вырываясь к небесам.

Оглушительный грохот. Герой закрывался руками. Когда грохот стих, на месте домов были лишь почерневшая земля и разлетевшиеся куски пламени. Вспышка не оставила от поселения ничего.

Он поднял голову. Небо алое, будто его тоже заволокло огнём, и оно вот-вот сгорит, оставив пустоту. В центре неба, словно фонарь, зависла белая фигура. Силуэт был похож на человеческий, но по бокам расправлены светящиеся крылья — каждое размером с самого носителя, словно отдельный человек, поддерживающий своего спутника в вышине.

Фигура вся белая, но с её головы назад текли чёрные, как смоль, волосы. Они поглощали свет крыльев, суля пустоту, что надвигается на мир его — героя — мир.

Белый силуэт махнул рукой вправо — вокруг героя выросло широкое кольцо пламени, медленно двигавшееся к нему. Герой не был готов умирать. Он поднял руки на уровень врага и согнул пальцы. Силуэт окутала широкая голубоватая шарообразная клетка. Герой сжал кулак — клетка стремительно сузилась, но, коснувшись фигуры, разлетелась осколками, которые голубыми искрами упали вниз и погасли.

Фигура развела руки в стороны. Череду грохотов оглушает героя — словно сами горы, окружавшие равнины, поднялись с подножий. Небо посветлело, поменяло цвет с алого на белый, скрывая в сиянии белую фигуру. И прежде чем окончательно потерять зрение, герой услышал громкий смех триумфа...

Мерион подскочил на своём месте так, словно его ужалили. Люди в автобусе посмотрели на него с недоумением. Похоже он уснул по дороге. Ну что ж, Стас же говорил, что дорогу запоминать нельзя. Да, на автобусе были занавешены окна, однако Мерион мог узнать, как автобус едет и без визуального ориентира.

Под давлением взглядов Мерион Ворха опустил голову и неудобно заёрзал на своём сиденье, почувствовав стыд. Поняв, что на него больше никто не смотрит, он поднял голову и осмотрелся. Внутренность автобуса не изменилась: всё те же заклеенные чёрной плёнкой окна, желтоватый свет от ламп, закрытая кабина водителя, те же люди.

— Могу его понять. Я тоже очень волнуюсь, — говорила полушёпотом девчонка, сидящая на задних местах со своей подругой. — Да и как тут не волноваться? Это же элитная академия магов!

И ведь действительно, невозможно не переживать с учётом этого обстоятельства. Хотя решение о поступлении всех людей в этом автобусе уже принято, осознание того, что всякий из них был отобран руководством, как лучший из лучших, было просто нереально принять как данность.

Хотя человек, который сидел через проход от Мериона, глядя на его расслабленный вид, был уверен, что его поступление было предreshено. Это был парень с золотистыми волосами, зачёсанными назад. Одет он был в белую футболку и чёрные джинсы. На его левой щеке красовался широкий рваный шрам, проходящий от уголка рта до виска. Он скрестил руки за головой и едва уловимо ухмылялся, закрыв глаза. Судя по всему, его мало что волновало. Он открыл один глаз и глянул в сторону Мериона, но тот своего взгляда не отвёл. Парень слегка нахмурил свои крючковидные брови и ухмыльнулся сильнее, словно говоря про себя: «А ты хорош», и отвернулся.

Мерион нервно вздохнул и откинулся на сиденье, подставив под голову руки, чтобы завязанные в пучок чёрные волосы не давили на голову, и закрыл свои серые глаза. «Как бы опять не уснуть», — сказал про себя Мерион. Он закрыл глаза и расслабился, однако продолжал активно думать, чтобы не впасть в дрему, хотя он, даже если бы сильно захотел, не смог бы заснуть. Но, всё же, он считал, что лучше перестраховаться.

— Уважаемые пассажиры, — заговорил через какое-то время водитель по микрофону, — автобус подъезжает к пункту назначения. Убедительная просьба: отключите приборы аудио- и видеозаписи.

«А колонки здесь качественнее, чем в других автобусах», — пришло в голову Мериону.

Прошло уже около полутора лет, как он загадочным образом попал в этот мир. Мерион родом из другого мира, однако тот был уничтожен каким-то вторженцем, обладающим нереальным могуществом. Как и зачем — неизвестно.

Когда Мерион попал в этот мир, он был совершенно сбит с толку и напуган. В его мире не было таких чудес, как автомобили, высокие здания, асфальтные дороги, электроприборы. Всё это сводило его с ума.

Он бы так и остался на улице, если бы не решил спасти прохожего человека от летящего в него автомобиля. Как оказалось, он был очень важным человеком в тех местах, в которых очнулся Мерион. Мало того, что в оплату за своё спасение этот человек ознакомил и продолжал знакомить Мериона с этим миром, так ещё и сделал ему необходимые документы, легенду, устроил на работу, дал денег, взял квартиру в аренду и даже купил ему телефон.

Родной мир Мериона не был настолько «архаичен», как можно было подумать. Да, там не было таких технологий, а также экономической и социальной системы, как здесь, однако всё же он был чуть продвинутое, чем этот мир в средние века. Именно те эпохи, исходя из истории, более всего походили на родной мир Мериона. И всё же, там были науки, своя экономика. Сам же Мерион был обучен грамоте и простым математике и физике. И, что странно, язык этого мира был очень похож на язык его родины в «Касле», — именно так назывался его мир. Этот же мир звался Землёй. Странно: назвать целый мир в честь грязи под ногами — особенно когда суши на планете меньше, чем воды. Название же «Касл» произошло от имени, как считалось, первого человека — Касселан.

Внезапно чернота, словно дымка, сошла с окон, будто всё это время автобус ехал через чёрный туман. Через окна можно было увидеть, что автобус стоит среди четырёх серых бетонных стен, высота которых была около пяти метров. Одна из дверей автобуса с характерным шипением распахнулась, и в неё вошёл довольно высокий человек. Это был молодой мужчина с усами и козлиной бородкой. Его тёмно-русые волосы были выбриты по бокам, а сверху были собраны в маленький пучок. Одет он был в строгий деловой костюм в виде чёрных пиджака и брюк, белой рубашки и тёмно-синего галстука.

— Добрый вечер, — прокашлявшись, сказал он голосом, с которым ему впору быть диктором в рекламе или новостях. — Меня зовут Эдуард, и мне было поручено провести для вас экскурсию по академии «Перун» и прилегающим к ним территориям. Что ж, не будем тянуть с приветствиями.

Одна из девочек сзади Мериона подняла руку. Эдуард взглянул на неё с интересом.

— Вы хотите что-то спросить? — удивился он.

— Да, спросить, — ответила она смущённо. — А вы — один из преподавателей в академии?

Эдуард хмыкнул, но затем попытался выдать это за кашель, чтобы сохранить серьёзность.

— Все нет. Я — такой же студент, как и вы, — ответил он. — Я учусь на третьем курсе факультета «Стихийной силы». Насколько я знаю, вы все здесь выбрали факультет «Боевой техники».

Все пассажиры кивнули, в том числе и Мерион.

— Я знаю с этого факультета множество очень хороших людей. Действительно хороших, — сказал Эдуард с удовольствием. — Ну а теперь отложим все вопросы к концу экскурсии.

Эдуард пару раз хлопнул в ладоши, и двери автобуса закрылись. Автобус тронулся. Когда автобус выехал за пределы бетонных стен, за окнами показались зелёные равнины со скоплениями деревьев вдали, будто оказались они на обычной трассе посреди широкой никем не занятой местности. Все пассажиры были в недоумении.

— Эта большая природная территория окружает город Явинов. Она обладает огромной площадью и была создана для полевых практик и индивидуальных тренировок студентов академии, — говорил Эдуард всё тем же дикторским голосом. — А называется она «Велес». К слову, самостоятельно вам будет разрешено выходить за город только со второго курса.

Мерион хмыкнул. Его устраивало, что ему будет дозволено тренироваться и отрабатывать навыки не в застроенных «каменных джунглях» без шанса выйти наружу, а на зелёных просторах, где никто не сможет предъявить ему в том, что он что-то рушит, что он что-то не так делает, да и вообще никто не сможет его потревожить.

Похоже, Мерион уже забыл, что ближайший год эти зелёные луга и рощицы в дальних её частях он не увидит.

Автобус, проехав ещё немного, вновь остановился, только в этот раз открылись все три двери.

— Можете выйти на улицу и подышать свежим воздухом, — объявил Эдуард. — Если хотите, можете покурить, только никакого алкоголя и наркотических веществ.

Все пассажиры гурьбой повалили из автобуса, но Мерион не торопился покинуть транспорт. Он не чувствовал в этом необходимость. Эдуард выходил последний и взглянул на него. Сначала он было открыл рот, чтобы что-то сказать, но он потупился, а затем пожал плечами, как бы говоря: «Ну как хочешь», и покинул автобус вместе со всеми.

Проводив их всех взглядом, Мерион развязал свой пучок и откинулся до упора, одной рукой опираясь на ручку сиденья, опершись щекой о кулак, а другой — держа маленькую тёмную ленточку, которой и были завязаны волосы. Его чёрные волосы спускались до плеч, слегка закрывая лицо передними локонами. Под его глазами залегли тёмные мешки. На лице проре-

зались морщины, которые, хоть и выглядел Мерион, как подросток, говорили о том, что он был уже далеко не молод.

Держа до этого ленту двумя пальцами и предаваясь воспоминаниям, Мерион не сразу заметил, как его пальцы сами собой сжались в кулак. Но потом он опомнился и завязал волосы в слабый пучок с мыслями: «И так сойдёт».

— Так, ну хорошо, время вышло, — объявил Эдуард. — Попрошу всех зайти обратно в автобус.

Толпа студентов вновь заполнила транспорт. В нос стрельнул мощный запах сигарет. В общем-то, Мерион не был из тех, кто курит, но и запах табака ему не был отвратителен, хотя ощущения были не из приятных. И автобус вновь тронулся с места и поехал на повышенной скорости.

Вскоре в окне, под смеркающим небом, возникли постройки со светящимися окнами. «Неужели уже приближаемся к городу?» — подумал Мерион. Через какое-то время в окнах только и были видны здания. С виду он мало чем отличался от обычного города. Во всяком случае, от Ростова-на-Дону, где и жил до этого Мерион, Явинов отличала лишь опрятность, которая здесь была значительно выше.

По Явинову, как по обычному городу, разъезжали автомобили, ходили пешеходы, стоял шум автомобильных сигналов, возбуждённых разговоров и громких объявлений. Если бы здесь каким-то образом оказался обычный человек, он бы с первого взгляда не понял, что это город магов.

— Это и есть Явинов, — объявил Эдуард студентам, которые как один прильнули к окнам. — Город, который принадлежит академии. Помимо студентов, проживающих в этом городе, здесь живут маги различных классов и назначений, а также их семьи. Здесь есть свои магазины, бутики, мастерские, да вообще всё. Тремя словами: полное удобство горожан.

«На словах всё подозрительно хорошо», — подумал Мерион невзначай, хотя его взгляд был прикован к многочисленным рекламным баннерам и вывескам, словно Мерион первый раз оказался в городе.

— Нет никакой необходимости выезжать из города. Этому способствует также обособленная экономика, придуманная специально для этого города. Об этом вам подробнее расскажет ваш куратор. А то столько мороки с ней. — Эдуард вздрогнул. — Сейчас мы находимся в «Чёрном районе», в секторе «Вий». Не пугайтесь названий, по удобству они между собой никак не отличаются. Честно говоря, этот район мне даже милее остальных. В секторе «Кощей» есть очень хороший и красивый парк, обязательно посетите. Хотя вам разрешат выходить из своего сектора только во втором семестре.

Пока внутренняя часть сознания Мериона, натренированная множеством ошибок прошлого, занималась медленным выбросом энергии в окружающую среду, внешняя размышляла над тем, в каком же доме, секторе и районе ему предстоит жить. Стас говорил, что успел выбрать ему довольно хорошее место жительства, но от изложения каких-либо, не то что подробностей, — да даже наводящих деталей — он воздержался. Мерион всегда ненавидел эту черту в нём: его склонность к созданию впечатлений. Впрочем, у него это очень хорошо получается. А Мериону, — он это отметил у себя в голове, — имеет смысл поучиться терпению. Это был парадокс, ведь Мерион, как показывало то, через что он прошёл, был им не то что не обделён, а даже преисполнен.

Смотря на все эти дома, Мерион чувствовал себя странно. Было ощущение чего-то до ужаса знакомого в этих пейзажах, хотя он, Мерион, находился здесь совсем впервые. И предчувствие. Очень плохое предчувствие.

В этот момент перед его глазами возникли языки пламени, обвившие дома, точно змеи, а темнеющее небо за окном на мгновение окрасилось в алый. Мерион схватился за голову с

полутоном от вызванной внезапными воспоминаниями острой боли. Все взгляды устремились на него, а Эдуард обеспокоенно подбежал к нему.

— Что с тобой? Всё в порядке? — встревожился он. От его поставленного тона не осталось и следа.

— Я... Всё в порядке... — Мерион держался за голову и упирался рукой в спинку переднего сиденья, из-за которой на него выглядывал парень строгого вида, но тоже с обеспокоенным выражением лица.

— Точно? Может тебе лучше на улицу выйти? — предложил Эдуард. — А то ты единственный, кто не вышел. Может тебе воздуха не хватает?

— Я... Да нет... Всё нормально... — убеждал Мерион. — У меня бывает такое, не переживайте.

— Ну, смотри, — сказал Эдуард, судя по тону, не особо доверяя его словам. — Если станет плохо, сразу сообщай.

Эдуард прокашлялся.

— Так вот, о чём это я. — Дикторский голос Эдуарда вернулся, и он продолжал рассказывать о городе Явинов.

Если вкратце, то далее он рассказывал о площади города, его населении, плотности населения и о достопримечательностях, о которых, к сожалению, мир не имеет права знать.

Явинов был скрыт от простых людей, и даже маги не имели права приходить сюда и уходить отсюда сами. Для того, чтобы попасть в Явинов, было необходимо не только владеть магией, но также побывать в этом городе хотя бы раз, к примеру, побыть хотя бы одно время студентом академии «Перун». Либо же мага, при хороших способностях, могут сюда вызвать в командировочном порядке.

Также те, кто уже живут здесь, могут пригласить сюда мага либо своих родственников, — последним даже не обязательно быть магами. Однако приглашённый должен пройти ряд процедур, среди которых психологические тесты, — Мерион усмехнулся идее о том, что он бы никогда в жизни не попал в город, если бы не академия, — и юридическое соглашение о неразглашении.

Ещё Эдуард рассказывал о том, что Мерион и так уже знал: студенты будут жить внутри города, и у каждого из них будет своё место жительства: свой участок либо своя квартира. Каждый из студентов вправе делать у себя дома что хочет, но в рамках разумного, ведь каждый месяц к ним будет приходить инспекция, чтобы удостовериться в состоянии жилища, доверенного студенту.

— К слову, скажу по секрету: совсем необязательно держать жилище прям в блеске, — сказал Эдуард. — Достаточно лишь того, чтобы нигде не лежал мусор и ничего из того, что было в доме до вашего заезда, не было сломано.

Автобус остановился. И снова распахнулись двери.

— Вот мы и приехали. Следуйте за мной, — поманил всех Эдуард.

В этот раз вышел и Мерион. Оказавшись снаружи, он увидел огромное здание, отливающее с разных сторон серебром и золотом, а над большим входом в виде ворот красовались большие светящиеся голубым буквы, складывавшиеся в слово «ПЕРУН».

«Так вот она какая — академия магов», — подумал Мерион. В его родном мире владеть своей маной было обычным делом, а тут это считается элитой. Хотя это можно было объяснить тем, что на Касле было почти невозможно выжить без магии. Атака вампиров, оборотней, троллей, великанов там было чем-то само собой разумеющимся, а тут все эти твари — забавная сказка, о которой интересно слушать.

И тут толпа двинулась к зданию. Потупившись, Мерион поспешил за остальными, оказавшись в самом конце группы. Войдя в здание, парни и девушки стали с изумлением огляды-

вать необычный дизайн здания. Белое сияние отскакивало от пола, потолка и стен, ослепляя своих посетителей. Стиль помещения больше напоминал техническую станцию-лабораторию из фантастических фильмов, где экспериментируют с генной инженерией и создают гигантских роботов-убийц.

В голове Мериона возникла белая вспышка. Он вновь приложил руку ко лбу, но в этот раз он сдержал стон. Заметив, как взгляд Эдуарда скользнул по нему, Мерион сделал вид, будто потирает лоб, надеясь, что он ничего не понял. Не хватало ему ещё ходить по врачам... То есть... по врачам.

Идя вдоль зала, навстречу группе студентов вышла другая группа из одного из боковых от большой лестницы наверх прохода, но уже с другим провожатым. Это был парень в белой футболке и тёмно-зелёных спортивных штанах, подстать его глазам. Его огненно-рыжие волосы были растрёпаны во все стороны, будто он недавно пережил взрыв. А в области его левого глаза располагалось пятно мясного цвета, словно от давнего ожога. Он шёл непринуждённо, держа руки в карманах.

— О! И ты здесь, Эдик! — крикнул он Эдуарду, махнув рукой.

— А ты думал, — ответил Эдуард рыжеволосому.

Подойдя друг к другу, они с размаха схватили друг друга за руки, после чего по помещению разошёлся мощный хлопок, и пожали их.

— А куда ты так разоделся? — спросил рыжеволосый. — Как жених, чес слово. Одежда бы нормально. Глянь на меня.

Парень демонстративно оттянул края футболки.

— А чё, так можно было? — удивился Эдуард. — Блин, стыдно теперь.

Рыжеволосый расхохотался.

— Да расслабься, шикарно выглядишь! Нет, правда! — сказал он и шлёпнул Эдуарда по плечу.

— Кстати, Сень. Я бы не советовал тебе задерживаться после экскурсии, — сказал Эдуард с серьёзным видом.

Он поманил Сеню пальцем, тот подставил ухо, и Эдуард начал что-то нашёптывать. Лицо Сени исказилось, приняв испуганное выражение в виде широко раскрытых рта и глаз, а затем сменилось на невозмутимое.

— Понял тебя, — ответил он, будто ничего не произошло. — Ну ладно, не буду тебя задерживать. Веди своих первашей.

— Да не мои они, — отрезал Эдуард. — Я их веду только потому, что Трофим сильно занят.

— Да-а... это... иди давай, — махнул на него рукой Сень.

Эдуард цокнул языком и махнул на него в ответ, после чего подошёл к своей группе.

— Никуда не разбегаемся, идём за мной, — сказал Эдуард своим вновь рекламным голосом и повёл студентов за собой.

После этой встречи группа Эдуарда прошла по нескольким коридорам и кабинетам. Он показал спортивный зал, столовую, библиотеку, развлекательный зал, да даже бассейн. Этот бассейн располагался на самом нижнем этаже, глубоко под землёй. И он был гораздо больше, чем какие-либо из тех, что видел Мерион за полтора года жизни на Земле. Его площадь ничем не уступала площади стадиона, а даже может и превосходила. Мерион боялся представить, насколько этот «бассейн» глубокий. Хотя ему больше подходило название «озеро» или «водохранилище».

— Штука в том, что в обычных бассейнах магам особо не поплавать, так как плавают они очень быстро, а воду разбрызгивают — жуть просто, — объяснял Эдуард. — Однако, сразу

говорю, батофобам лучше избегать даже лестницы, ведущей сюда. Глубина бассейна составляет около десяти метров.

[полтора года назад]

Стояло солнечное утро. Прекрасная погода. Горожане Ростова-на-Дону, как обычно, куда-то спешили, хотя было воскресенье. И Стас, мужчина средних лет с короткими каштановыми волосами, невысокого роста, в деловом костюме и в очках, спешил по своим делам. Он не был сосредоточен, а лишь с улыбкой наслаждался прекрасной погодой — тёплым солнечным днём, коих в середине весны было очень мало. Даже не пришлось ветровку надевать, что было очень удобно, хотя Стас и имел привычку не носить сумки, а располагать все свои вещи по карманам, что выглядело несуразно, словно по его телу разрослось множество опухолей. «Зато удобно и ничего не оттягивает», — отвечал всегда Стас, когда ему говорили об этом.

Увидев, как молодая женщина гуляла с детьми — маленькие мальчик и девочка шли в припрыжку — Стас улыбнулся. У него ведь тоже были дети. Две очаровательные девочки: Ульяна и Злата. Они в детстве всегда переругивались друг с дружкой, но, когда Стас приходил с работы, они обе тут же забывали свои распри и бежали встречать отца. Жена даже в шутку говорит, что ему нужно ускорить своё производство лишь для того, чтобы приходиться домой пораньше, дабы они спокойно убрались в своей комнате.

Они обе были большими умницами: Ульяна — отличница по всем предметам, особенно по математике, как её отец; Злата же пошла другим путём — она стала актрисой и выступает в театре. Её руководитель сулит ей большую и успешную карьеру не только в эстраде, но и в кинематографе. Он утверждает, что Злата умеет подделывать любую эмоцию и подделывает бесподобно, что Стас и без того уже знал.

А его жена, Анна, работает менеджером по продажам, не выходя из дома, что раньше позволяло ей приглядывать за девочками. Сам же Стас работал генеральным директором крупной сети предприятий, чем зарабатывал приличное состояние. Все его проблемы с партнёрами и покупателями ему помогал решить навык оратора, что, Стас в этом не сомневался, и дало Злате врождённое начало актёрства.

Бум!!!

Послышался нереальный грохот. Стас обернулся. Он увидел, как разлетаются куски асфальта, и белую вспышку, которая быстро сошла на нет. В центре всего этого взрыва повалился на оголённую землю человек. Выглядел он странно: одет он был в акетон серого цвета, на который был надет на уровне груди трёхлинейный кожаный ремень, который выглядел так, будто на него должен крепиться меч на стороне спины, — так должен выглядеть рыцарь, но никак не мужчина в наше время; его угольно-чёрные волосы были завязаны в тугий пучок. Некоторые люди с беспокойством подбежали к нему. Один мужчина перевернул его и обнаружил множество царапин на его лице, акетон был разрезан в районе груди, задев кожу. Сам акетон был запачкан кровью. Парень был весь бледный, будто уже умер.

— Срочно! Вызывайте скорую! — крикнул этот же мужчина.

Стас мигом потянулся к телефону, однако, увидев, как половина людей на улице достали свои телефоны, чтобы набрать необходимый номер, бросил эту затею. Странное происшествие, конечно, но беспокоиться, по всей видимости, не о чем. Парень получит своевременную помощь и будет в порядке. С этими мыслями он и пошёл дальше.

Однако, не успел он даже начать думать о происшествии, как услышал скрип колёс об асфальт. Вновь обернувшись, он увидел мгновение того, как машина на полной скорости несётся в него. Время будто бы остановилось. Остановилось и тело Стаса. С прежней скоростью

шли только его мысли. И всё, о чём он думал, — это его жена и дочери: «Как же они будут, если он не вернётся домой? Что будут думать о своём отце, который так неуклюже погиб? Будут ли они его презирать за то, что оставил их? Или мирно простятся с ним и забудут? Хорошо, если второе»...

И не успел Стас попрощаться с ними, как вдруг прямо перед ним приземлился человек. Лишь мгновение спустя он осознал, что это был тот самый парень, который секунду назад лежал на асфальте, полумёртвый. Вдруг произошло что-то невероятное: полумёртвый сделал полувывод вперёд, отведя одну руку назад, а вторую выставив перед собой. Машина остановилась, врезавшись в его руку, а парень был непоколебим, будто бы он только что поймал не автомобиль, а бейсбольный мяч. Капот машины смялся.

Время окончательно пришло в свой ритм, и Стас, шокированный и до смерти испуганный, повалился на плитку тротуара. Его тело даже дрогнуть не смело. Только что, он чуть не погиб, а его спасли сверхъестественные силы. Однако прежде, чем эти мысли дошли до него, он увидел, что машина, будто бы нарочно, продолжала ехать, однако парень в аетоне не давал ей сдвинуться даже на миллиметр.

Стас быстро перекидывал взгляд с парня на автомобиль. Человека за рулём он не видел, но понял, что он преднамеренно хотел его убить. Судя по звуку, водитель поддал газу, но парень держался. И тут рука, отведённая назад, пришла в движение. Плавным и медленным махом она пошла вверх и, не успел Стас опомниться, напряглась, сжав кисть в кулак. Стас прямо видел, как от этой руки к той, что держала автомобиль, прошёл быстрый импульс. В мгновение ока автомобиль весь смялся, а стёкла превратились в мелкую труху, выпав внутрь мелкой крупой. Теперь автомобиль точно остановился, а парень, превратив его в ненужный металлолом, выпрямился, плавно собрав руки.

Из водительского места, выбив дверь ногой, вывалился мужчина с полностью изрезанным лицом — изрезанным и до смерти напуганным. Неуклюже он сгруппировался и рванул со всех ног в случайную сторону. Парень в аетоне спокойно смотрел на него, а затем сделал один шаг. *Один шаг.* Однако, сделав его, он оказался прямо у него за спиной, хотя мужчина успел убежать уже примерно на двадцать метров от него. Парень схватил его за горло и поднял вверх. Мужчина схватился за его руку и отчаянно дрыгал ногами, атакуя его стопами и коленями, но парень, опять-таки, был словно скала.

— Не позволю... убивать, — медленно и тихо проговорил парень. — Не позволю.

Парень поднёс руку к его лбу, выставив два пальца, и, молниеносным, еле-еле заметным движением он ткнул сложенными указательным и средним пальцами по голове водителя. Мужчина бессильно обмяк в его руке, словно кукла, откинув голову назад. Парень уронил его на землю. Мужчина упал навзничь. Из его рта обильно пошла пена. Парень закачался на месте и взглянул на Стаса.

— Позовите... стражников, — сказал он и вновь взглянул на мужчину. — А лучше... лекарей.

Осознав, что парень вот-вот упадёт, Стас поднялся и подбежал к нему, успев прибыть прямо перед тем, как его колени коснулись земли. Обхватив его и закинув его руку за плечо, Стас пытался удержать его на себе. Достав телефон, он вызвал платную бригаду врачей, которая, — он знал это, — доедет оперативнее. И только после этого он позвонил на работу и сказал, что задержится на пару часов.

Прошло несколько дней. В тот же день Стас дважды был в больнице, узнавая о состоянии своего спасителя. Сначала оно охарактеризовывалось как тяжёлое. Однако, когда он зашёл ближе к вечеру, он узнал, что больной не только пришёл в сознание, но и почти полностью восстановился. Для врачей это было настоящим феноменом. Его раны почти затянулись, хотя ещё утром они почти доставали до костей. О каких ранах шла речь, Стас не понимал.

Зайдя к парню, Стас пообщался с ним. Как выяснилось, звали его странным именем — Мерион Ворха. «Иностранец?» — подумал тогда Стас вначале. Но после Мерион рассказал, что ранее он был в совсем другом месте. Описал он его так, будто он переместился во времени, а ранее жил в средневековье.

— Я что, попал в другой мир? — спросил он у Стаса.

Стас не знал, что на это ответить. Хотя он и знал, что в этом мире существует магия, — хотя общество считает это выдумкой, — другие миры — это было уже слишком.

— А как назывался «твой мир»? — спросил тогда Стас.

Услышав в ответ «Касл», Стас уже начинал верить в теорию мультивселенной.

— А говорит ли тебе о чём-нибудь «Земля»? — спросил Стас.

— Вы имеете в виду землю, по которой вы ходите? — спросил в ответ Мерион. — Или магию земли?

— Ты сказал «магия»? — удивился Стас. — Так в «твоём мире» она тоже есть?

Двое смотрели друг на друга заворожённо, будто увидели друг в друге что-то необычное.

— Нет. Больше нет, — ответил Мерион с горечью. — Моего мира больше не существует, как я понял.

И тогда Мерион рассказал о том, как его мир уничтожил вторженец, который был похож на божество. Как несколькими махами рук он сносил целые деревни и убивал множество людей, а после — «стёр небо». «Это насколько сильным должен быть маг, чтобы уничтожить целый мир с расчётом на то, что его самого эта катастрофа не коснётся?» — подумал тогда Стас.

— И ты не знаешь, почему он это сделал, — предположил Стас.

— Всё, что он издал из своих уст, — громкий смех, когда мир был во мгновении от своей смерти, — сказал Мерион со злобой. — Его это забавляло. Авось, он уничтожил множество миров до моего.

На Мериона тогда было страшно смотреть. Его лицо напоминало агрессивного волка, который защищает свою добычу от посягающего на неё врага.

На следующий день Мериона выписали. Он неделю пожил дома у Стаса и очень сдружился с его членами семьи, заслужив их расположение своей скромностью и благодарностью, а также ненавязчивостью — до тех пор, пока его не позовут, он сидел в выделенной ему комнате. Что он там делал, ни Стас, ни Анна, ни дочери не знали. Вёл он себя невероятно тихо, так что из комнаты нельзя было услышать ни малейшего шороха. А также Злата утверждала, что видела, как он ночью шёл по дому — скорее всего, в уборную — и не издавал ни звука. Его шаги, мол, были будто призрачными. Стас сделал из этого вывод, что практически все физические навыки Мериона были на совершенно другом уровне. Хотя вывод делать не было нужды, ведь тот сам говорил, что «достиг около совершенного уровня в своих тренировках».

Также было крайне забавно смотреть на то, как он удивляется, казалось бы, простым вещам вроде смартфона, сотовой связи, электричества. Он всё это называл «обычная, но удивительная магия», хотя от магии тут не было ничего, — всего лишь физика и ловкость человеческих рук.

— Если бы ваш мир не был уничтожен, вы бы добились даже большего прогресса, — утверждал Стас. — В мире, где магия — не сказки и не секрет, такое устройство мира было бы вопросом времени. Может быть, даже ты смог бы застать его.

Также Стас стал замечать, что Ульяна стала заглядываться на Мериона. Однако разница в их возрасте была колоссальной — Ульяне было семнадцать, а Мерион утверждал, что ему уже за две сотни лет, двести тринадцать, если быть точнее. Хоть он и выглядел молодо, Стас, как хороший отец, не мог позволить, чтобы его дочь начала встречаться с человеком, который на сто девяносто шесть лет старше неё. Хотя даже морально Мериона старше не назовёшь,

ведь он, как оказалось, горячен и простодушен, как какой-нибудь студент, хотя и опыта, что было видно, в нём достаточно. Стас предположил, что либо магия так сильно замедлила его старение, либо в их мире в целом рамки возраста были куда шире.

После этого Стас снял в аренду квартиру для Мериона, что было ему по душе, так как он любил уединение, а люди его напрягали, хоть он и был с ними крайне вежлив. Стас сначала давал ему деньги на проживание, а потом устроил на работу к себе в производство, пообещав хорошую зарплату.

— Стас, ты так обо мне заботишься, — однажды сказал Мерион, — хотя я для тебя — чужой человек.

— Если бы не этот чужой человек, я бы уже в целом не смог бы никому помочь, — ответил Стас. — Ты спас мне жизнь, хотя сам был почти при смерти. Я не забыл. Я тебе по гроб жизни обязан, Мерион. Поэтому, если тебе нужна будет помощь, зови. Точнее, звони.

И в этот момент Стас подарил ему смартфон. Мерион сначала не хотел его принимать, но Стас даже слушать об этом не хотел, ибо он не хотел оставаться в долгу.

Глава вторая

Академия «Перун»

Наконец группа студентов вышла в огромный зал, где уже стояли многочисленные ряды людей — очевидно, таких же студентов, мало что только первокурсников. Эдуард посмотрел куда-то в сторону, Мерион посмотрел туда же. В той стороне стоял высокий парень с чёрными волосами и в чёрной форме. Он махал рукой Эдуарду, похоже, подзывая к себе.

— Вот и ваше место. За мной, — повёл он за собой группу.

Дойдя до парня, можно было рассмотреть его поближе: это был высокий парень с чёрными волосами с пробором, карими глазами, худым лицом, покрытым симметричными линиями по две на каждой щеке, шедших из-под челюсти до явно выраженных мешков под глазами. Было в нём что-то женственное. Может быть, губы, которые, несмотря на бледноту лица, были вишнёво-красными. Или, может, большие, ярко выраженные глаза. Мерион видел, как девочки с его группы смотрят на него с улыбкой и переглядываются.

А Эдуард тем временем о чём-то с ним переговаривался, что было невозможно расслышать из-за гомона, расходящегося по всему гигантскому залу, не дававшего расслышать что-либо даже на расстоянии трёх метров.

Мерион не был достаточно высок для того, чтобы рассмотреть что-либо из-за голов студентов. Всё, что он мог увидеть, — большая сцена, возвышавшаяся над студентами где-то на два человека в полный рост — настолько она была высоко расположена.

И в тот момент, когда Мерион посмотрел в её сторону, на неё из-за кулис вышло трое человек: худой сутулый человек с проседью, рыжеволосая девушка и высокий черноволосый мужчина с густой прядью белых волос на чёлке. Эти трое встали на самую середину сцены у края, чтобы их было хорошо видно.

И тут раздался невероятно громкий, оглушительный крик, который был похож на рычание дикого зверя. Мерион не мог, да и не хотел в это поверить, но это прорычала та рыжеволосая девушка. Как мог увидеть Мерион, — а зрение у него было хорошее, — некоторые черты её лица сменились на звериные, так же, как и боковые зубы сменились на острые клыки. Так же внезапно они и исчезли, сменившись на миловидное женственное лицо с такими же линиями, как у парня, стоявшего рядом с Мерионом, только у неё их с каждой стороны было по четыре, и шли они по две сбоку и по две сверху, напоминая кошачьи усы.

После этого рыка весь зал резко притих, стараясь не издавать ни звука. У высокого черноволосого мужчины, стоявшего по середине той троицы, магическим, иначе не скажешь, образом усилился голос, расходясь по залу крупными, почти видными волнами:

— Огромное спасибо за внимание! — сказал он на удивление мягким голосом. Мерион-то ожидал услышать грубый и низкий голос, который больше подходит человеку его типажа внешности. — Меня зовут Савелий Архович Атлас, и я — директор академии «Перун». Именно я построил эту академию и город Явинов, в котором по сей день живут маги и их семьи. Но это вы уже и так знаете. Второму и так далее курсам: добро пожаловать обратно! Вы уже всё знаете, поэтому позанимайтесь своими делами, только тихо. А первокурсникам, только-только пересёкшим порог этого здания, посвящается следующее: добро пожаловать! Эта академия — жемчужина и венец всех моих творений, и она, как я надеюсь, принесёт пользу всем и каждому. Ваши провожатые уже показали вам самые основные уголки нашей большой академии, но это ещё не все её секреты.

— Секреты? — вопросительно прошептал один из парней своему соседу.

Тот лишь пожал плечами.

— Всякий владеющий или владеющая маной должны знать одну вещь, — продолжал он. — Магия — это сила. Магия — это власть. Поэтому магия не должна быть доступна всем.

Мерион был ошеломлён. Как это: «магия не должна быть доступна всем»? В его мире практически каждый обладал магией хотя бы на самом базовом уровне лишь для того, чтобы выжить. А тут магию скрывают от «недостойных»? Почему? Однако директор, будто прочитав мысли его одного, продолжал:

— Всё потому, что магия в нашем современном мире... не нужна. В теории, и даже так было бы лучше, если бы её в принципе не существовало. Однако магия — это человеческая природа. И раз уж есть люди, которые обладают магией отродясь, значит, они должны уметь владеть этой магией. И не только владеть, но и правильно ей распоряжаться и грамотно ею пользоваться. Магическое общество может быть полезно обычному. Действуя из тени, мы сможем не только делать жизнь свою и соседа лучше, но и предотвращать целые катастрофы, начиная от природных явлений и заканчивая войнами. Многим не владеющим маной невдомёк, что сейчас они не только живут припеваючи, но и существуют только благодаря нам — магам. К сожалению, академия «Перун» — единственная академия для магов на всей Земле, поэтому она и её преподаватели могут принять к себе далеко не всех. Однако к нам съезжаются люди с разных стран. Это показывает, что наша академия действительно берёт широкий охват влияния на наш мир. Это позволяет нам не только брать учеников со всего света, но и контролировать взбесившихся магов, посчитавших себя богами, которые ранее являлись огромной проблемой.

Все люди в зале стали возбуждённо перешёптываться между собой. Мерион в это время рассуждал.

Он ошибся, когда думал о директоре как о жадном до власти и силы человеке. Это было лишь первое впечатление, но оно было таким сильным, что Мерион уже был готов сформировать мнение. А теперь Атлас говорит, что магия людям не нужна, а те, кто ей владеют, могут быть полезны, если взять их под крыло и научить их этой магией правильно распоряжаться и пользоваться. У этого человека действительно была здравая логика, не противоречащая этике. Интересно, сколько ему лет?

— Маги не должны считать себя выше немагов, что представляется попросту негуманно, — продолжал директор. — Это ещё одна причина, по которой была построена данная академия. Город Явинов становится всё шире благодаря тому, что сюда, опять-таки, стекаются маги со всего мира. И, с сегодняшнего дня, вы тоже станете его частью. Вам были выделены дома в соответствии с вашими запросами, чем занимался наш многоуважаемый губернатор — Арсений Святославович Нижебор.

Директор указал рукой на сутулого мужчину по правую руку от себя. Зал заплодировал. Мужчина коротко кивнул в знак благодарности, слегка улыбнувшись.

— Ну а теперь перейдём к «делам насущным», — объявил директор. — Подразумевается, что вы все — образованные люди, поэтому всякие общеобразовательные предметы вроде русского языка, математики, физики, биологии «катятся лесом», уступая другим теоретически-практическим наукам. Каждая дисциплина, преподаваемая вам в академии «Перун», будет совмещать в себя обе стороны, так как, безусловно, практические умения важны, однако они должны быть в идеальном балансе с теоретическими знаниями. Также, как вы уже знаете, вы были распределены на факультеты, которых в нашей академии восемь: «Магия контроля», «Боевая техника», «Арсенальная техника», «Стихийная сила», «Магия трансформации», «Биофизическая магия», «Расчётная сила» и «Эрудическая сила». Всего пять курсов у каждого факультета, кроме «Эрудической силы». У них — семь.

Множество человек с дальней части зала, — по всей видимости, ребята с «Эрудической силы», — громко застонали. Мерион хмыкнул, но затем принял серьёзный вид, поймав себя на том, что он злорадствует.

— Простите, — со снисходительной улыбкой проговорил директор, посмотрев на них. — Так вот. Каждому факультету будут выделены собственные проф-предметы, а общие предметы будут изучаться стабильно и, в то же время, в соответствии со своей специальностью. Скажем так: «БТ-шки» будут изучать в большей степени «Магию боя», но в меньшей — «Элементоведение». «СС-ки» будут изучать больше «Элементоведение», но меньше — «Алхимию». Ну, вы поняли. Мне бы, конечно, не следовало это говорить, однако, всё же, дам вам надежду: по предметам, которые совсем далеки от вашей специальности, у вас может выйти автомат на зачётах... Это распространённая практика, и ничего в этом такого нет, — мигом оправдался директор перед преподавательским составом.

По залу прокатилось несколько смешков. Мерион сделал вывод о том, что в молодости Савелий Архович сам был неважным студентом, раз одобряет такие порядки в своей академии.

— И раз тема коснулась занятий, стоило бы сказать следующее, — продолжал директор. — В академии «Перун», скажем так, царствует демократия. Студенты обладают правом посещать занятия по желанию, однако у нас закон один: если на зачёте ты не удовлетворишь требования экзаменатора, показав малый уровень знаний и умений, зачёт ты, как и в любом другом учебном заведении, не сдашь. Из этого могут вытечь разные, не очень приятные последствия, начиная от понижения стипендионного коэффициента, — ну не могу, обожаю это слово, — и заканчивая отчислением. Кстати, об отчислении. В случае если вы будете отчислены из академии, — именно отчислены, скажем, за плохое поведение или неуспеваемость, — на вас будет наложен статус «эготеист», что по смыслу можно перевести как «посчитавший себя богом». Помните, я вам говорил о взбесившихся магах, возомнивших себя божествами? Так вот, этот статус запрещает вам всякую магическую деятельность на официальном уровне на пять лет, а также даёт наблюдению за вами «регуляторам» особый приоритет навсегда. Этот статус можно снять только в том случае, если вы восстановитесь в академии «Перун» и окончите её. Разумеется, только после того, как ограничения на магию будут сняты.

— Что-то он разговорился сегодня, — сказал кто-то в стороне от Мериона.

Как оказалось, это был тот самый парень, с которым стояла группа Эдуарда.

— М-да... И чего это его так прорвало? — сказал Эдуард. — Наверно, как обычно, всё лето провёл один. Только в этот раз совсем ни с кем не общался. Как считаешь, Троф?

Троф пожал плечами.

Может, это и был Трофим, о котором шла речь между Эдуардом и Сеней. Исходя из их слов, именно Трофим должен был вести группу, однако у него возникли дела, из-за которых пришлось попросить об этом Эдуарда.

— А теперь перейдём к последнему, но не по значению, — объявил с особым воодушевлением директор. — Об остальном вам расскажут ваши кураторы. В течение года в этой академии будет проходить турнир. «Турнир могучих магов»! Он проходит каждый год, и этот — не исключение. В нём студенты академии борются за победу. Возможно, в этом году мы объявим пятьдесят шестого чемпиона турнира за всё время академии! А пятьдесят пятый — уйдёт на покой. На секундочку, сейчас она стоит по левую руку от меня: Алиса Антоновна Берник! — директор показал рукой на рыжеволосую девушку в стороне от себя.

Весь зал зааплодировал так, как не аплодировали губернатору. Однако Алиса лишь строго смотрела куда-то вдаль, не поведя даже бровью.

— Она — яркий пример не только силы и могущества, но также дисциплины и трудолюбия, являясь не только самой сильной, но и самой успешной студенткой в академии, — воодушевлённо рассказывал директор. — Посмотрим, сможет ли кто-нибудь из находящихся в этом зале переплюнуть её в этом году, — сказал он, заговорщически понизив голос. — Всего в году

будет три тура: первый состоится этой осенью, и в нём нам покажут, что из себя представляют первокурсники; второй состоится на стыке зимы и весны, и в нём примут участие победители первого тура и студенты остальных курсов; а в третьем туре, который будет проходить в начале лета, будут участвовать двенадцать студентов, признанных нашей комиссией лучшими из лучших. А в конце самый лучший, победивший всех участников, поборется за звание сильнейшего с Алисой Берник!

Зал будто взорвался. По всему помещению раздались бурные крики и улюлюканья, будто каждый из студентов только что лично победил Алису.

— Прошу заметить, что участие в турнире сугубо добровольное, поэтому всякий неуверенный и нежелающий имеет право не участвовать в нём, — подметил директор, когда толпа успокоилась. — А те, кто хочет испытать себя, должен проконсультироваться со своим куратором и поставить подпись в нужных документах в бухгалтерии. Дополнительное требование к первокурсникам: каждый из вас должен до начала первого тура набрать «пять звёзд». Для этого вам необходимо справляться с заданиями преподавателей на практике и старательно работать и отвечать в теории. Ничего сложного, правда? Так, а теперь прошу всех пройти за своими провожатыми в кабинеты, где вы, собственно, познакомитесь со своими кураторами и, в малой степени, друг с другом. Всем хорошего вечера!

С этими словами директор вместе со своими спутниками развернулся и пошёл туда же, откуда вышел. Повернувшись, Мерион увидел, как Эдуард пожал руку Трофиму и удалился в неизвестном направлении.

— Все, кто шёл с Эдуардом, — за мной, — объявил Трофим и повёл студентов за собой. Мерион пошёл за всеми.

Спустя некоторое время, взойдя на третий из восьми этажей и пройдя по коридору, они оказались у нужного кабинета. Трофим открыл дверь и запустил студентов вовнутрь. Там уже сидела другая группа, примерно с тем же количеством человек. Сам кабинет был огромным.

За преподавательским столом стоял мужчина, опираясь руками о стол. Выглядел он необычно: его волосы были завязаны в конский хвост. Они были серебристого цвета, как и густая борода. Это была не седина и не краска, что можно было сказать с уверенностью, не приводя никаких аргументов. Достаточно лишь было взглянуть. Глаза его были ярко-голубыми. Они были даже светлее белков. На лице его были мелкие морщины, а также нос с горбинкой, рассечённый маленьким шрамом по диагонали. Одет он был в серое пальто, подстать цвету его волос. Под ним была чёрная рубашка и такие же чёрные брюки.

— Думаю, это все, — сказал Трофим, глядя на мужчину.

— Спасибо, Трофим. Можешь идти, — проговорил мужчина своим низким, но довольно мягким голосом.

Трофим кивнул и вышел из кабинета. Мужчина, глядя на студентов, провёл рукой по кабинету, как бы говоря: «Ну, садитесь». Группа так и сделала. Когда все студенты были на своих местах, рассевшись по парам за каждый стол, мужчина вновь заговорил:

— Меня зовут Владимир Станиславович Миханов. Я буду вашим преподавателем по «метафизике», но сейчас не о ней. Хочу, чтобы вы знали, что сейчас я сижу с вами не по своей воле. — Это было ясно по его сухому тону, которым он всё это объяснял. — Дело в том, что ваш куратор сейчас на важном задании, а потому меня попросили его заменить на некоторое время. Дай бог, на одну неделю. Дай бог. — Миханов глубоко вздохнул. — Не будем тянуть, перейдём сразу к делу. Проводим переключку. — Миханов прокашлялся. — Акутин?

— Здесь!

— Алазарова?

— Здесь!

— Бельгельмир?

— Здесь!

— Ничего себе фамилия. Брунко?

Так переключка и продолжалась. Мерион задумался о своём и вдумывался в фамилии своих одноклассников.

— Верхоян?

— Здесь!

— В-в... В-вматртст? Чего?

— Виатрист! Здесь!

— А, реально? Ну ладно... Кто это вообще писал?! — Миханов нервно выдохнул. — Так, ну ладно. Ворохов?

Ответа не последовало. Через несколько секунд студенты начали оглядывать помещение.

— Ворохов? Во-ро-хов. Он здесь вообще? — спросил Миханов.

Кто-то проигнорировал, кто-то пожал плечами, кто-то неуверенно отвечал: «Не знаю»; «Нет, наверно»; «Да мы здесь сами никого не знаем».

И только потом Мерион сообразил.

— А! Я ЗДЕСЬ!!! — вскочил и выкрикнул он по-солдатски.

Все засмеялись. Даже Миханов издал короткий смешок.

— Миша, ты чего? Забыл, как тебя зовут? — удивлённо и насмешливо спросил он.

Мерион нервно захихикал, чувствуя себя пристыженным и опозоренным. Он действительно совсем забыл о своём новом имени...

[полтора года назад]

— Понимаешь ли, Мерион, — говорил Стас, протягивая Мериону какую-то маленькую книжку. На ней сверху было написано «Российская федерация», а снизу — «Паспорт». — У тебя, конечно, очень красивое имя, однако оно не очень подходит нынешним миру и времени.

Мерион открыл паспорт и увидел в нём свою фотографию и несколько строк. На одной из страниц значилось: «Ворохов Михаил Павлович. Пол: муж., дата рождения: 08.06.2007, Место рождения: Ростов-на-Дону».

— Но я же родился намного раньше, — предъявил Мерион.

— Это-то понятно, вот только у нас это не нормально, — ответил Стас. — Видишь ли, у нас обычные люди, как правило, не доживают до ста и, уж тем более, до двухсот.

Мерион с удивлением посмотрел на Стаса, а потом в паспорт. «Михаил». Ему это имя что-то напоминало. Однако он никак не мог его приплести к определённому событию. Будто это имя было вбито в его голову силой, пока он спал, без какой-либо причины. Он даже знал, на какой букве ударение, хотя ни от кого не слышал этого имени ранее. А может, слышал?

— А почему именно это имя? — спросил Мерион, всё ещё пребывая в недоумении.

— Оно означает «приближённый к богу», — ответил Стас заговорщически. — Подумал, что касательно тебя это имеет особое значение.

Напрягши брови и открыв рот, Мерион на мгновение застыл, а затем прыснул.

— Нет, ну тут ты явно преувеличиваешь, — с усмешкой ответил Мерион, мотая головой. — Я не настолько силён. Даже в моём мире было множество магов, которые были сильнее меня. И не только маги, но и представители других рас: вампиры, лешие, анчутки, эльфы. Знаешь, насколько сильны эльфы?

— Знаю, — неожиданно для Мериона ответил Стас. — Ты показал явно больше, чем они. Но в тебе есть то, что превосходит любого из них. — Стас ткнул Мериона в грудь. — Твой дух и твоё сердце.

Мерион сначала потупился, а затем расхохотался.

— Нет, ну ты серьёзно? — с усмешкой ответил Мерион. — Я тебе не герой какого-то фильма.

— Ах ты ублюдок. — Стас усмехнулся и помахал на Мериона пальцем. — Всё-таки обгрыз мою библиотеку на «Кинопоиске»... Но впечатление-то я произвёл?

[наши дни]

— Похоже, здесь отсутствует только четверо, — заявил Миханов, когда закончил переключку. — Ой, извиняюсь. Трое. Ворохов здесь.

Кое-кто в кабинете хмыкнул. Далее Владимир Станиславович объяснял студентам те вещи, которые они должны были знать.

— Прежде всего, следует отметить, — говорил он, — что в пределах города Явинов и академии «Перун» такие вещи, как нецензурная брань, курение, распитие алкоголя, не запрещены, хотя есть исключение в виде наркотических веществ, которые изымаются и подлежат уничтожению, дабы вы их не только не принимали, но и не торговали ими. Надеюсь, это понятно. В остальном же вы менее ограничены, хотя у вас должно быть чёткое понимание мер. Своего рода, самовоспитание. Нецензурная брань может быть использована, но не в отношении конкретных лиц. Резюмирую: запрещаются оскорбления друг друга, а также использование ненормативной лексики при разговоре с преподавателями и персоналом академии. Курение и распитие алкогольных напитков должны иметь меру. В противном случае, вас поставят на учёт в «медкомиссии». Если преподаватель заметит или услышит, что вы курите или пьёте слишком много, он имеет право, после предупреждения, конечно, обратиться в «студкомиссию», а там уже будут решать меры по отношению к вам. Ни одни из них вам, кстати, не понравятся.

После разговора на ещё несколько тем Миханов достал из-под стола коробок. Как оказалось, в нём лежали браслеты со встроенными дисплеями.

— Это, можно сказать, ваши новые смартфоны, только компактнее и лучше, — объяснял преподаватель. — В них содержится вся информация о вашей учебной практике: расписание, карта Явинова со всеми адресами и академии со всеми кабинетами, реестр преподавателей, описание всех дисциплин, список правил и запретов и так далее. С последним настоятельно советую ознакомиться.

После этих слов он раздал каждому свой «М.И.Д.А.С.» — «Мобильный Интеллектуальный Девайс Академической Системы».

— На самом деле, — говорил Миханов, — директор изначально хотел их назвать «Портативный Интерактивный Девайс для Обучения Различным Академическим Системам» и даже настаивал на этом. Но «препод-состав» не был доволен этим. — Миханов засмеялся. Немногие студенты, и Мерион в их числе, — тоже.

Некоторые студенты надели браслеты на руку и, включив их, были ошеломлены. Оказывается, дисплей был не на стеклянном маленьком экранчике, а парил прямо в воздухе перед лицом своего владельца. Перед каждым из них расположилась светящаяся синим рамка, на которой было написано «Добро пожаловать в систему», добавляя ещё и имя владельца устройства.

— Вам были выделены эти девайсы ещё когда вы прошли вступительный экзамен, — сказал Миханов, с намёком на презрение глянув на Мериона. — В администрации академии каждому из вас был выписан свой «М.И.Д.А.С.», попутно зарегистрировав вас туда. Если что, вы можете не бояться, что можете их случайно сломать, так как они были сделаны из магически укрепленных материалов. Они сломаются только если вы специально попытаетесь это сделать, приложив к этому магические усилия. Кстати, не советую этого делать, так как за новый «М.И.Д.А.С.», вам придётся отдать сумму стипендии, — говорил Миханов с предостереже-

нием, — помноженную на три. К слову, ваша стипендия — десять тысяч славов. Один слав, кто не знает, — это пять рублей.

Каждый из студентов раскрыл рот в ошеломлении. Пятьдесят тысяч рублей — это, почитай, средняя зарплата. А они, студенты, будут получать её каждый месяц просто так. Мерион, уже имевший опыт заработка денег, был в шоке.

— Также, заглянув в профиль, вы обнаружите, помимо вашей личной информации, шкалу уровня, — продолжал говорить Миханов. — Ваш уровень — это рейтинг не только вашей успеваемости, но и силы. Очки уровня можно зарабатывать разными способами, начиная от хороших баллов по учебным дисциплинам и заканчивая поединками с другими студентами. Бои между студентами не запрещены, однако они должны быть официализированными и задокументированными либо на видеозаписи, либо подробным описанием в текстовой форме. В ином случае они будут считаться несанкционированными, и их участников, вне зависимости от того, кто на кого напал, — за редкими исключениями, — будет ждать наказание, которое будет определять «студкомиссия» совместно с их кураторами. Для того, чтобы официализировать бой, необходимо зайти в профиль оппонента через специальный мессенджер и отправить «вызов на поединок». Однако есть поправка: множество людей недобросовестно «фармят» уровень на низкоуровневых студентах, поэтому «техкомиссия» выдвинула ограничение: студенты не могут отправлять «вызов на поединок» студентам уровня ниже своего собственного. Также вы можете не повышать уровень, если вы этого не хотите. Весь входящий опыт накапливается в «резервуаре», из которого вы можете забрать его как целиком, так и точечно, вплоть до одной единицы. Однако уровни дают свои привилегии, поэтому советую их набирать. Также студенты могут совершать транзакции, как за славы, так и за опыт. Однако каждая транзакция должна быть совершена через электронный документ, так как всякая транзакция и изменение вашего баланса отслеживаются «бух-», «тех-» и «студкомиссиями».

Мерион обнаружил одну странную деталь: у всех окна «М.И.Д.А.С.» были синими, а у него — фиолетовое. Но почему?

[месяц назад]

Выйдя из здания, Мерион пошёл вдоль улицы. Это был самый долгий и тяжёлый день на смене, хотя он успевал сделать больше остальных без особого труда. А тяжёлым он был морально, так как весь день ему не давала покоя одна мысль.

Только вступив на улицу и пройдя около трёх метров по ней, чёрный автомобиль-минивэн, который Мерион не заметил, засигналил. Водитель выглянул из окна и махнул рукой, как бы подзывая к себе. Мерион даже не сомневался в том, что это ему. Он подошёл к автомобилю.

— Садитесь назад, — сухо сказал водитель грубоватым голосом.

Мерион почувствовал подвох, но исполнил столь вежливо обращённое к нему поручение. Сев на задние сиденья минивэна, Мерион обнаружил там Стаса. Свет в транспорте был включён, да ещё и достаточно ярко. Перед Стасом стоял столик, на котором были расположены бутылка виски и пара рюмок.

— Добрый вечер, сотрудник, — сказал он. — Присаживайся.

Стас указал на сиденье напротив, — они были расположены по бокам, — и Мерион, после того, как пожал руку своего приятеля, сел на указанное место. Стас налил напиток в рюмки, пододвинул одну Мериону, поднял свою и, сказав: «Твоё здоровье», выпил. Мерион сделал то же самое.

— Как прошёл твой день? — спросил Стас заинтересованно.

Мерион пожал плечами.

— Да... неплохо, — ответил он неопределённо, хотя в его голосе читалось некое неудовольствие.

— Правда? — саркастично спросил Стас. — А вот твой начальник сказал, что сегодня ты совсем какой-то не такой.

— И в чём это выразалось? — спросил Мерион.

— Работаете усерднее обычного, — ответил Стас. — «Ещё усерднее, чем вы могли видеть. Никто так усердно не работает.» Вот так он сказал.

Мерион хмыкнул.

— А ты не боишься, что тебя обвинят в кумовстве? — спросил Мерион. — На моей родине такие директора плохо кончали.

— Но я-то *генеральный* директор, — ответил Стас уверенным тоном. — Выше меня в этой компании нет никого. И сместить меня тоже некому. Да и потом, ты сам настоял на той же зарплате, что и у остальных, какую и получаешь на данный момент. Соответственно, рационально обвинять меня просто не в чем.

Мерион снова хмыкнул, только теперь ещё и закатил глаза, после чего налил себе ещё виски.

— Я смотрю, тебя такие напитки не берут, — сказал Стас.

— На Касле есть... точнее, был напиток, под названием «Архвотан», — говорил Мерион. — Его делали из особой травы, которую высушивали и давали ей настояться ровно пятьдесят лет. Вот это был настоящий напиток. У вас таких крепких напитков попросту нет. А это... — Мерион взял бутылку и повертел её в руке, смотря на неё, как на вещь мелочью. — Для меня, это так, — водичка.

— Вот бы опробовать его, — мечтательно заявил Стас.

— Сомневаюсь, что теперь это возможно, — говорил Мерион, словно приговор. — Такой травы больше и не существует нигде. И возможно... — Взгляд Мериона совершенно опустел. — Возможно, этому виски тоже недолго осталось...

Стас, улыбаясь, выдохнул.

— Так, — начал он. — Ну во-первых, разумеется, что ему осталось недолго, ведь мы его вот-вот выпьем. Ну а во-вторых, вот ты и спалился. Это и есть твоя сегодняшняя дилемма, не дающая тебе покоя, я прав?

Мерион покачал головой.

— Ошибаешься, — протянул он. — Эта «дилемма» не даёт мне покоя вот уже месяц. А заключается она в том, что то «существо», раз уж оно уничтожило мой, и, я в этом не сомневаюсь, уничтожило множество миров до этого, а может и после, то оно вполне может добраться и до этого. — Мерион осушил свою рюмку. — А я не хочу, чтобы этот мир был уничтожен. Хотя я в нём, — особенно, по меркам моего возраста, — живу совсем недолго, он мне стал уже будто родным. Не знаю, как это объяснить. У меня здесь появились друзья, в виде тебя и ещё нескольких ребят с работы. У меня есть жильё. А в этом мире столько удивительных вещей. И всё это может быть разрушено в одно мгновение, понимаешь?

— Нет, — сказал Стас уверенно. — Не понимаю.

Мерион ошеломлённо взглянул на него. У Стаса было совершенно спокойное лицо, хотя, казалось бы, такая серьёзная тема. О чём же он думает?

— У нас есть ты, — начал вновь говорить Стас, аргументируя позицию. — Ты и множество других очень сильных магов.

Мерион нервно засмеялся.

— Нет, ты правда... ты действительно не понимаешь, Стас, — заявлял Мерион, напряжённо улыбаясь. — На Касле почти все были магами, в той или иной степени. А здесь, на Земле, их — раз-два и обчёлся. А на Касле, кроме меня, никто даже думать не стал о том, чтобы защититься. Ни у кого и не удалось это сделать, включая меня. Как ты представляешь,

что горстка людишек, пусть и обладающие кое-какой силой, одолеет существо, разящее миры парой махов рук?

— Дело в том, — спокойно говорил Стас, — что на Земле есть действительно могущественные люди, которые и сами бы, было бы у них желание, уничтожили этот мир. Однако они выбрали путь не разрушения, а созидания. Они не стали владеть другими людьми, а стали обучать их.

Мерион с непониманием взглянул на Стаса. Тот лишь улыбался, зная, о чём он говорит.

— Число могущественных магов на Земле растёт с каждым днём, — говорил Стас. — Ведь на Земле, и даже не так далеко от нас, есть одна школа. Точнее, академия. Академия «Перун». Именно из неё выходят не только сильные, но и образованные маги, действительные способные защитить человечество.

Мерион сначала ошеломлённо смотрел на Стаса, а затем кинул окончательно опустевший взгляд себе под ноги.

Но вдруг в нём зародилась искринка.

— Я должен туда попасть, — сказал Мерион с уверенностью, которой не было в его голосе последний месяц. — Я просто обязан взглянуть на них.

Стас улыбнулся ещё шире, будто бы добившись своей цели, хоть и не до конца.

— Это легко устроить, — заявил Стас, будучи довольным. — У меня есть пара знакомых из прилегающего к нему города, и даже среди руководства академии. А со вступительным экзаменом у тебя не будет никаких проблем.

Даже если Стас говорит правду, Мерион должен убедиться в этом лично. Он обязан взглянуть на «потенциальных защитников человечества». И если они не дотягивают до нужного уровня, Мерион был готов сам взяться за их подготовку к неминуемо, — он в этом не сомневался, — грядущей катастрофе. Но...

— Есть одна проблема, — говорил Мерион. — Как ты понимаешь, я хоть и маг, но даже среди магов я слегка необычен.

— Я понимаю, — ответил Стас. — Даже магия у тебя не голубая, как у всех, а какая-то... фиолетовая, по-моему.

— Да, — ответил Мерион. — Я должен избежать вопросов по этому поводу. Так нужно, поверь мне. — Мерион, как ещё никогда до этого, серьёзно посмотрел на Стаса. — Они не должны знать о том, насколько я силён. Эта сила... Она никогда не спасала чужие жизни. Только карала.

Стас призадумался, подобрав одну руку под мышку, а вторую приставив к подбородку, устремив взгляд вниз.

— Я могу... думаю, что могу организовать так, чтобы ты обошёл вступительные экзамены, — сказал Стас так же серьёзно. — А вот остальное уже зависит от тебя. Больше я ничего сделать не смогу.

— От тебя большего и не требуется, — произнёс Мерион. — Стас, я помню, сколько всего ты для меня сделал. Поэтому, пожалуйста, помоги мне ещё раз. О большем я не прошу.

Стас хмыкнул и принял нормальное положение.

— Ну вот как я могу отказать, когда ты меня *так* просишь?

Мерион поморгал, после выдохнул, закрыв.

— Спасибо, Стас, — сказал Мерион уже более спокойным и живым тоном. — Правда, спасибо...

— Успокойся ты, — махнул на него рукой Стас. — Свои люди — сочтёмся...

Мерион очнулся. Он настолько придался воспоминаниям из прошлого, что почти перестал воспринимать реальность. Нет. Он находится в кабинете, а на его руке маленький экран, из которого разливается фиолетовый свет. Он не в минивэне. Стаса здесь нет.

Нужно продолжать оставаться в реальности. Иначе... ему своей цели не добиться...

Глава третья

«Боевая техника»

После беседы с преподавателем Мерион пошёл в своё жилище наполненным невиданными ранее чувствами. А дорогу до жилища он находил с помощью карты, встроенной в «М.И.Д.А.С.».

— Извините, — обратился к Миханову один из студентов. — А как управлять интерфейсом?

У Миханова был такой вид, словно он не понимал, о чём речь.

— А, ну да, — сказал он, поняв, что забыл о самом главном. — Элементарно. Просто вдумайтесь в кнопку, на которую хотите нажать.

Дойдя до своего жилища — это был небольшой участок без забора с одноэтажным домом в его центре, — Мерион зашёл в него, удивлённо оглядываясь. Последний раз он жил в частном доме около полутора года назад, когда жил у Стаса. Теперь же это был его собственный дом, за который он даже мог не платить, а это многого стоило.

Зайдя внутрь, он включил свет и обнаружил, что внутренность дома была белоснежно чистой. Всё было обустроено так уютно, что Мериону захотелось лечь прямо туда, где он стоял, и уснуть сладким сном. Он снял обувь и прошёлся по дому: кухня и гостиная здесь были в одной комнате, просто перегородены прямоугольным длинным столом, похожим больше на барную стойку, а с обеих сторон от него стояли высокие барные табуреты; в части гостиной был диван, у которого стоял низкий стеклянный столик, а напротив него на стене висел большой телевизор.

Пройдя дальше, он оказался на стыке двух комнат: душевая и спальня. В спальне под большим окном, занавешенным сиреневыми шторами, располагалась большая двуспальная кровать, застеленная шерстистым таким же сиреневым покрывалом. Над изголовьем кровати висели небольшие шкафчики, а также длинная трубчатая лампа. Напротив кровати, так же, как и в гостиной, висел телевизор. На покрывале лежали два пульта: наверно, от телевизора и от кондиционера, который висел под потолком в другой части комнаты. В той же стороне располагались шкафы, а также рабочий стол с подвижным стулом. Сама спальня, устеленная серым мягким ковром, была достаточно просторной, практически не уступая по своей площади гостиной.

Оглядывая комнату, он параллельно снимал верхнюю одежду в виде чёрной футболки, чёрного длиннорукавного рашгарда под ней и белых спортивных штанов. Переодевшись в одни шорты, он завалился на кровать и мгновенно уснул, даже не заметив этого.

Последующие дни были спокойными. Поскольку день, когда он приехал в академию, был пятницей, следующие два дня были выходными. Их Мерион потратил на закупку продуктов питания и раскладку вещей, которые уже были в его доме, когда он приехал. Видимо, персонал академии постарался. Он-то за эти вещи забыл. Их было не то чтобы много: ноутбук, зубная щётка, бритва, шампунь, пара полотенец и одежда.

Мерион привёз с собой и свои старые вещи, в которых он попал на Землю. Это были серый акетон, ремни, старые брюки, высокие кожаные сапоги. Он не собирался их носить, ведь

они на фоне этого мира выглядели странно, но эти вещи для Мериона имели чисто символическое значение, как последнее, что у него осталось от прежнего мира. От дома.

С утра Мерион, как обычно, выплеснул подавляющую часть своей энергии, дабы не навредить ей окружающим, а затем пошёл в магазин. Дойдя до ближайшего продуктового, который находился всего-то через улицу от дома Мериона, он пообщался там с очень общительным и дружелюбным парнем, который был только рад, что рядом поселились студенты, коим он сам был всего-то пару лет назад.

— Фига, так ты новый студент? — чуть не подпрыгивал парень.

Мерион был в шоке от его энтузиазма.

— Э-э... ну да, — как можно старательнее пытался Мерион ответить на его дружелюбие.

— А на каком факультете?

— «Боевая техника».

— Да ладно, реально, что ли? Эх, а я-то надеялся встретить ветерана «РС». Ну что ж, «БТ», так «БТ». Я — Витя, кстати. Для друзей — Витэк. А тебя как звать?

Так Мерион и заобщался с Витей. Сильно они не сдружились и с тех пор больше не виделись, но зато он, Мерион, узнал много нового об академии и о городе. К примеру, оказывается, не так далеко от сектора Мериона — сектора «Жива», что в районе «Яровит», в нём же он и находился на данный момент, — проходит река «Мирра», в которой, по легенде, живёт самый большой в мире крокодил.

Также, как оказалось, на то, чтобы выйти из своего сектора, нужно было письменное разрешение куратора, о чём Мерион узнал в понедельник — первый учебный день — из разговора двух своих одноклассников. Они сидели в большом зале на полу, ожидая преподавателя. Их первый урок — «Магическое движение». Также Мерион узнал, что на «М.И.Д.А.С.» приходит оповещение за час и за полчаса до начала занятия, при этом указываются: предмет, по которому идёт занятие, номер кабинета, рекомендуемые вещи для урока и имя преподавателя. В последнем значилось: «Г. А. Остроян».

Зайдя в кабинет — а точнее, в большой зал, — Мерион обнаружил сидящих на полу в разных концах зала группы студентов, уже о чём-то начавших общаться. А когда Мерион вошёл, некоторые из них резко умолкли, а потом начали о чём-то оживлённо перешёптываться. По всей видимости, никто не забыл о казусе, произошедшем на переключке.

Повесив свою сумку на настенную вешалку, Мерион снял обувь, прошёл вдоль зала и сел на случайном месте подальше от остальных. «Хороший шанс для того, чтобы послушать», — подумал Мерион и влил свою ману в уши. Сначала Мерион взглянул на пару девочек, сидевших ближе к выходу. У одной были длинные до пояса чёрные волосы и серые глаза. Черты её лица были мягкими, а сама она была тощая. Вторая же была более фигуристой. Волосы у неё были посветлее, передние пряди были покрашены в золотистый, а длиной они были до подбородка. Глаза у неё были карими и большими. Она сразу кого-то напомнила Мериону, но он не мог понять, кого.

— ...Странный. Может, он вообще затупок? — говорила темноволосая девочка.

— Ой, да не гони. Мы же его, как и всех здесь, толком-то и не знаем, — сказала вторая. — Я понимаю, что он кажется неловким, но может, он вполне нормальный. Давай просто не будем судить никого предвзято.

Далее Мерион взглянул на компанию ребят: это было пять человек, из которых трое парней и две девушки. Мерион сразу подметил из них двоих: первый — худощавый парень, который и говорил на данный момент. У него были короткие каштановые волосы, а одет он был в чёрный спортивный костюм. А ещё в его лице было что-то крысиное. Второй — мускулистый парень с более короткими тёмными волосами, резкими чертами лица и голубыми глазами.

Одет он был в белую футболку без принтов и синие свободные штаны. На ногах у него были ярко-красные кеды.

— ...Что я наберу уровень быстрее всех, — говорил парень в чёрном с невиданным само-мнением.

— Ты так в себе уверен, — заметила одна из девушек, у которой были медно-рыжие волосы, собранные в тугий пучок, как у Мериона. — Зачем ты тогда пришёл в академию? Может, лучше пойдёшь и поговоришь с Атласом, чтобы тебе мгновенно аттестат выдали?

— Ну, знаете, — говорил парень. — Надо же мне глянуть, как вы обделаетесь.

Хотелось бы верить, что это шутка, однако Мерион понимал, что он действительно так думает, и он уже знал, с кем в его группе у него будут самые плохие отношения.

Практически все оживлённо переговаривались друг с другом, даже не подозревая, что их могут подслушать. Из них только один сидел спокойно, ни с кем не разговаривая. Это был тот самый парень из автобуса со светлыми волосами, зачёсанными назад, и шрамом на левой щеке. Он сидел у дальней стены, закрыв глаза и скрестив руки. Одет он был в джинсовку, под которой была белая футболка, и чёрные свободные штаны. Мерион устремил на него взгляд магически усиленных глаз. Через несколько секунд парень открыл глаза и посмотрел в сторону Мериона, который вновь взгляда не отвёл. Как оказалось, голубой у него только один глаз, а второй — ярко-жёлтый, прямо-таки солнечного цвета. Он будто бы ещё и светился. Сам же парень будто бы почувствовал взгляд Мериона. Они долго смотрели друг на друга, не обращая внимания на окружение.

Однако их зрительную битву прекратил внезапный звук открывающейся и закрывающейся двери. Посмотрев в сторону входа, студенты увидели небритого мужчину среднего роста. Он был смугловат, а на его голову была надета бирюзовая бандана, из-под которой сзади вылезали длинные неопрятные тёмные волосы. У него были большие карие глаза и прорастающая борода. Одет же он был в спортивный костюм оранжевого цвета, что выглядел он точно заключённый. Или пират.

— Доброе утро! — крикнул он воодушевлённо студентам, помахав рукой.

Все студенты встали. Златовласый парень тоже встал и, как заметил Мерион, достал из заднего кармана штанов что-то похожее на чёрную глазную повязку, которую надел на голову, закрыв ей свой правый, тот самый жёлтый глаз. Ростом он оказался чуть выше Мериона, примерно на полголовы.

— Итак, меня зовут Герман Александрович Остроян, — заявил о себе преподаватель, когда студенты собрались вокруг. — Однако между нами можете звать меня Гер-Саньч, если готовы к тому, чтобы я давал вам клички.

Студенты переглянулись между собой.

— Я, как вы уже поняли, преподаю дисциплину «магическое движение» и буду преподавать последующие пять лет, — говорил Гер-Саньч. — Сейчас мы проведём переключку, а после — пообщаемся.

По прошествии переключки, Мерион узнал имена тех, на кого обращал внимания: Имя первой девушки, которую он услышал, было Настя, а второй — Ника; парня, который утверждал, что быстрее всех поднимет уровень, звали Костя, а златовласого — Дима. Да ещё и фамилия такая странная — Куртукод.

— Так, ну а теперь, — начал Гер-Саньч многообещающе, — садимся на шпагат.

Студенты опешили. Никто не спешил выполнять требование.

— Без разминки? — поражённо спросила Ника.

Гер-Саньч указал на неё пальцем.

— Два, — сказал он через короткую паузу.

Ноги Ники сами собой разъехались, и Ника села на полный безупречный шпагат. Хорошо, что она это сделала, так как Мерион не знал, что такой простой вещи дали название.

Однако, какой бы простой он её не считал, многие не смогли сесть на полный шпагат. Смогли лишь Ника, Настя, ещё несколько девушек, — около семнадцати, — и более малое количество парней, из которых Мерион, Дима и один короткостриженный крепко сложенный парень, который сидел в компании Кости. У самого же Кости получился равнобедренный треугольник, но на шпагат он сесть не смог.

— Так, ну а теперь закрепитесь в этом положении и слушайте меня, — сказал Гер-Саньч, в голосе которого звучало плохо скрываемое злорадство. — Я буду называть вас по списку, а вы будете мне рассказывать о себе. Под этим я подразумеваю ваши спортивные и боевые достижения. Так как вас слишком много, я выберу несколько случайных. Если что, ребят, не обижайтесь. Когда вас поделят на подгруппы, я спрошу каждого. Кстати, почему этого ещё не сделали?

Некоторые, кто мог, конечно, пожали плечами.

— А кто это должен был делать? — спросила Настя.

— Как кто? Ваш куратор, — ответил Гер-Саньч. — Кто у вас, кстати?

— Миханов, — сдавлено проговорил Костя. — Он ещё сказал, что только заменяет куратора.

Гер-Саньч сделал понимающее выражение лица.

— А-а, ну теперь понятно, — протянул Остроян. — Этот хрыч никогда не сделает того, что ему не в удовольствие. Он хоть проинструктировал вас? — Все кивнули. — Ну, уже хорошо. Вас должны разделить на три подгруппы, учитывая ваше количество. Я вам так скажу: хорошо, что вас чётное число. Задания, которые будут вам давать, в основном, делаются либо в одиночку, либо в паре. А те, что в паре, одному будет делать о-о-очень трудно. Так, ну а теперь к делу. — Учитель начал водить пальцем по журналу. — М-м-м... Виатрист Константин. Расскажи о своих достижениях.

— Ну... — прохрипел Костя всё так же сдавленно. — Я... У меня чёрный пояс по каратэ. А ещё я... Уф... Я могу разбить камень толщиной примерно полметра, не мерил, если честно. Ой, можно уже встать?

— Нет, — сухо ответил Гер-Саньч. — Следующий... М-м... Черноухов Семён.

— Я качался тем, что таскал старые поезда, — ответил Семён, который тоже сидел на полном шпагате без особых проблем. Это и был тот самый короткостриженный парень. — Моё главное преимущество — сила тяги. Ну, и гибкость суставов тоже. В деревне, где я жил продолжительное время, — в Сибири, — я распугивал волков и медведей, и даже доводилось вступать с ними в схватку. А когда я с родителями переехал в Ростов-на-Дону, я узнал, что там есть «кладбище поездов». В раннее либо в позднее время я приходил туда и таскал старые ржавые вагоны, пока у меня не стало это получаться почти с лёгкостью.

Гер-Саньч многозначительно кивнул.

— Ну ничего себе, — выразился он. — Если тебе верить, то ты сильнее большинства наших второ- и третьекурсников. И даже некоторых четверокурсников. Не каждый может с лёгкостью таскать целый локомотив, далеко не каждый. Ты их пробовал швырять?

— Я пока не настолько накачался, — со смущением проговорил Семён.

— Что ж, тогда запишись в тренажёрный зал в академии, — посоветовал Гер-Саньч. — Там есть снаряды, которые подойдут тебе. Так, следующим будет... а давайте девушек спросим. Вот, допустим, Ника Хвостенко.

Ника округлила глаза от неожиданности, но потом собралась и приставила к подбородку большой палец, оставаясь в шпагате.

— Ну, если из спорта, я какое-то время занималась волейболом и была на многих соревнованиях, — говорила она. — Благодаря моему усиленному телу, наша команда всегда была на первом месте. А так, я в одиночку отрабатывала удары на деревьях, повалив многие из них.

Вскоре я научилась валить их за два-три хороших удара. Я это могу делать и кулаками, но я больше специализируюсь на рубящих и разящих ударах ладонью и ногами.

— Классно, — искренне выразился Гер-Саньч. — Насчёт этого, кстати, раз уж вашего куратора пока нет. Вам обязательно нужно будет придумать свой боевой стиль. Это и есть основа вашего курса и вашего факультета. Так как ваша специальность — рукопашный бой, вам просто необходимо иметь собственный стиль. Ваш куратор поможет вам в этом, если будет трудно. А, если что, вы можете и меня попросить, я сам был «БТ-шкой». Так, ну а теперь, допустим, Куртукод Дмитрий.

Дмитрий хмыкнул.

— В своём городе, я имел занятие — громить бандитов, — говорил Дима, на удивление для Мериона, глубоким и чистым голосом. — «Развлечение», «проведение досуга». Скажете это — будете правы. Однако для меня это было ещё и работой. Ведь у меня там этих отбросов развелось столько, что полиция попросту не справлялась. Я их не убивал, а просто избивал и отправлял домой, призывая больше так не делать. От вандалов до настоящих головорезов. От мелких шаек до крупных банд. Я разносил всех без исключений, так как только такой язык они понимали. Благодаря мне их даже стало меньше в моём районе, а у оставшихся я стал «целью номер один». Бывало и такое, что они врываются ко мне домой, пока я спал или обедал, за что потом горько жалели. Больше мне рассказать нечего.

Гер-Саньч сначала смотрел на Диму, а потом покивал.

— Хорошо, что хоть кто-то этим занимается, — сказал он. — Побольше бы таких, как ты, тогда бы и жить в стране было безопаснее. — Вместо того, чтобы снова посмотреть в список, Гер-Саньч оглядел учащих. — Ну и последний... Давай ты, Миша.

Гер-Саньч задержал взгляд на Мерионе. Только так он понял, что он обращается к нему.

— Ну... — протянул Мерион.

Он не знал, что привести в пример, так как все его лучшие достижения не относились к этому миру. То, что он остановил автомобиль, меркло по сравнению с тем, что Семён тащил старые поезда. Мерион не знал, сколько они примерно весят, однако он их видел, и они были явно больше и тяжелее автомобилей. А его старые достижения, которые он приобрёл на Касле, могли посчитать попросту странными, так как Мерион не знал, что из того, что он скажет, существует в этом мире. И он решил рискнуть.

— Ну, я... троллей... убивал, — сказал он неуверенно, будто это был сущий пустяк, хотя для него так оно и было. — За свою жизнь убил... ну... чтоб не соврать... около двух тысяч.

Реакция в группе была разная: кто-то не отреагировал, кто-то в недоумении поднял бровь, а кто-то в полном шоке разинул рот и выпучил глаза.

— Ты чё, дурак? — сказал Виатрист, который уже не выдержал и упал на колени. — Какие ещё тролли?

Мерион так и думал, что за его словами пойдёт недоумение. Он понимал, что троллей не существует в этом мире. Он был к этому готов. Но только он хотел оправдаться, что «троллями» называли гигантских медведей в его поселении, как вдруг...

— Это ты дурак, — ответил Косте Семён. — Тролли существуют. К нам один раз забрёл один такой, здоровенный был, жуть просто. Овец и коров жрал. Ну я его и завалил.

Мерион почувствовал облегчение. Семён с подозрением посмотрел на Мериона.

— Я чуть не погиб в бою с ним, — сказал он.

Мерион понял, что Семён это говорит, намекая на то, что тролли — это не те существа, которых можно валить пачками. Но тут подал голос Дима.

— Я тоже однажды сражался с троллем, — говорил он, глядя вниз с серьёзным выражением лица. — Это оказалось не так сложно, так как я нашёл его слабое место. — Он показал двумя пальцами себе в лицо. — Это их глаза.

Семён состроил тупое выражение лица.

— А-а. А я ему пытался голову оторвать, — сказал он вдумчиво. — Я его столько раз на лопатки клал, но он был, как неваляшка, — поднимался мгновенно.

— У троллей очень сильные ноги, — объяснял Мерион. — Если он упадёт, он сможет подняться без всяких проблем, это их преимущество. Поэтому лучше втыкать им мечом в глаз.

— Мечом? — в один голос сказали многие ребята, которые смотрели на него.

— Ну... или палкой, — пытался отмазаться Мерион. — Тоже пойдёт. Но лучше мечом. Вообще лучше всего. Даже пистолет против них будет не так эффективен. Бить надо в центр живота. Можно даже кулаком, если достаточно сильно. Если сделать всё правильно, тролль нагнётся, и его глаза будут на уровне вашей досягаемости.

Все резко замолчали. Никто, видимо, не ожидал от неловкого Михаила Ворохова, что он знает что-то настолько полезное.

— Если ты лишь с этим знанием убил две тысячи троллей, — говорил Гер-Саньч, — то моё тебе уважение.

Он похлопал в ладоши. Многие, хоть и не все, сделали то же самое. В зале поднялся гомон слабых аплодисментов. Он видел, как хлопали Ника, Семён и даже Дима. А вот Костя и Настя не стали. На самом же деле, Мерион пользовался этим знанием редко. Ему хватало сил на то, чтобы убивать троллей с одного-двух ударов кулаком в живот, оставляя сквозные дыры. Даже меч он применял редко, лишь против самых гигантских особей.

Вскоре хлопки утихли.

— Так, ну ладно. Можете встать, — сказал Гер-Саньч студентам.

Все встали. Мерион видел, как многие собирали свои ноги с таким трудом, с каким и раздвигали. Мериону, Диме, Нике и Семёну было достаточно сомкнуть их, даже не касаясь пола руками.

— Сейчас я должен буду проверить ваш контроль маны, — сказал Гер-Саньч, глянув в список. — Подойдите все к стене.

Студенты подошли к самой длинной стене, чтобы всем уместиться. Студентов было много, но зала всё равно хватало на всех. Он был просто огромен. Мерион стоял слева от Ники и справа от Семёна. За Семёном стоял Костя, а за Никой — Настя.

— А теперь встаньте на стену, — сказал учитель так, будто это был сущий пустяк.

Одни в недоумении не стали ничего делать, а другие просто поставили одну ногу на стену.

— Да нет же, — проговорил Гер-Саньч, раздражаясь. — Двумя ногами.

Никто этого не сделал. Студенты не понимали, чего от них хочет преподаватель. Как это, встать двумя ногами на стену? Это же невозможно. Даже Мерион не понимал, что это значит. Это всё равно попытаться постоять на ушах... На ушах... Мерион вспомнил, как недавно только приливал ману к ушам и глазам, усиливая их действие. «А что, если...?» — проговорил он про себя.

Не завершив свою мысль, он сосредоточился. Влить ману в ноги. Контроль маны, ну конечно же. Он вновь приставил ногу к стене и попробовал понаступать ей на стену. Ника и Семён в недоумении смотрели на Мериона. Ничего не выходило. Затем он попробовал по-другому: он убрал большую часть маны из ноги, а ту, что осталась, влил в подошву. Он увидел, как она еле уловимо засветилась фиолетовым. Судя по удивлённому выражению лиц его соседей, они тоже это заметили. Нога будто приклеилась к стене. Проделав то же самое со второй ногой, Мерион встал ей на стену.

Он не падал. Он стоял на стене, будто на полу. Конечно, гравитация тянула его вниз, но в целом Мерион устойчиво стоял на вертикальной поверхности. Его одноклассники разинули рты от удивления. Мерион понял принцип. Он убрал ману из одной ноги и поставил её на место повыше, закрепив её снова. Затем убрал из второй и сделал то же самое. Так он пошагал по стене, словно и не было никакого притяжения. Словно Мерион был неподвластен обычной физике. Гравитация уже и не ощущалась, и Мерион без всяких проблем пошагал вверх,

а затем, с приливом воодушевления, перешёл на бег и чуть не врезался в потолок, остановив себя руками. Развернувшись вниз, он увидел далеко внизу ошеломлённые лица одноклассников и радостное лицо Остряна, приставившего руки к голове.

— Во-о-от! — крикнул он. — Красава, Миша! Обычно мне нужно тридцать часов на то, чтобы студенты поняли, и тридцать занятий, чтобы они этому научились! Все видели? Все поняли?

Далеко не все поняли принцип, хотя и убедились, что встать и, более того, пройти по стене — возможно. Однако некоторые всё же поняли и начали повторять. Так, к примеру, Ника, Дима и ещё несколько ребят встали на стену, а вот Семён и Костя тужились, но у них не удавалось. Дима поднимался обычным шагом, не спеша, а Ника шла аккуратно, боясь упасть, и даже чуть не свалилась на пол, уронив одну ногу, но всё же, как и Диме, ей удалось оказаться у потолка.

— Ух ты, — протянула она, заворожённо глядя вниз. — Никогда бы не подумала, что могу что-то подобное.

Дима хмыкнул.

— Кстати, интересный факт! — крикнул Гер-Саньч. — В ваших домах и квартирах специально для этого все стены и потолки укреплены!

— Ну раз и потолки... — тихо проговорил Мерион.

Он влил малое количество маны в ладони и уцепился за потолок. Пройдя по потолку на руках подальше от стены, Мерион влил ману в ноги, закинул их на потолок и повис на них, отлепив руки от потолка. На потолке держаться было уже труднее, так как Мериона уже тянуло прямо вниз по прямой линии его тела. Все студенты, даже те, кто был уже на полпути к потолку, застыли на месте от удивления.

Однако воодушевление Мериона продлилось недолго. Через какое-то время его голова начала кружиться, а уши заложило. Он уже кое-как сохранял контроль над маной. И тут Мерион, окончательно утратив концентрацию, оторвался от потолка и начал стремительно падать вниз.

БУМ!!!

Оглушительный грохот послышался в ушах Мериона, а в теле заиграла несильная гудящая боль после того, как он испытал резкую, острую боль. Он упал. Гер-Саньч и несколько студентов подбежали к нему. Голова Мериона, кружившаяся и не разбиравшая окружение, постепенно начала приходить в норму.

— Вот блин, я же тебе кричал, ты не слышал? — говорил Гер-Саньч обеспокоенно. — Я же сказал тебе слезать! Сильно ушибся?

Мерион потряс головой. Без учёта ещё не ушедшей глухой боли в спине и конечностях, он был в полном порядке. Его сознание почти полностью пришло в норму.

— Запомни: нельзя бездумно лезть на потолок и ходить по нему с помощью маны, — наставлял Остряна. — Мана и кровоток тесно связаны между собой. Это всех касается, слушайте! Когда твоя кровь приливает к голове, а мана уходит в ноги, твой мозг испытывает сильную нагрузку, так как пытается скоординировать твою ману против потока крови. Вот почему студенты долго учатся ходить по стенам и потолку. Это и есть процесс адаптации, а ещё обучение контролю не только маны, но и кровотока, запомни.

Учитель нагнулся и подал руку Мериону. Тот схватился за неё и поднялся.

— Обычно человек способен без тяжёлых последствий висеть вниз головой около пятнадцати минут, — объяснял Гер-Саньч. — Но если ты используешь ману, то тебе лучше научиться контролировать и кровь вместе с ней, а для этого тебе нужно больше практики. Это вам поможет в бою избегать сильного кровотечения, не говоря уже о том, что вы сможете стоять вниз головой столько, сколько вам заблагорассудится. Миша, тебе нужно сначала долго

ходить по стене, потом сидеть на стене, потом стоять, потом стоять под наклоном. Запомнил? — Мерсион кивнул. — Вот и отлично. Попрактикуйся дома. Так, ну а теперь...

— ...что значит «теперь»?! — раздался сердитый женский возглас.

Это, как оказалось, слезла Ника. Она быстрым, упругим шагом приближалась к толпе студентов. Гер-Саньч недоумённо смотрел на неё.

— У вас студент только что упал с высоты около пятнадцати метров! — гневно процедила Ника. — Это около пяти этажей! А вы что? Хотите объявить следующее упражнение?!

— Ника, послушай, — сказал Гер-Саньч мягко. — Я только что спросил у Миши, всё ли с ним нормально. Он в порядке.

— Он *не* в порядке! — отрезала Ника. — Он *не может* быть в порядке! Мы — первокурсники! Мы не контролируем ману так хорошо, как вторые, третьи и четвёртые курсы и, уж тем более, как вы! Да, мы принадлежим факультету «Боевая техника» и крепче остальных, но упасть с *такой* высоты — это уже слишком! Тем более, для...

Ника посмотрела на Мерсиона со взглядом не то жалости, не то презрения.

Только этого не хватало. Активистка, которая за всех, будто мамочка, чрезмерно переживает. Именно так думал Мерсион. Однако он не до конца понял, насколько велика была проблема именно для него.

— Вообще-то, Герман Александрович, она права, — подтвердил Дима, который стоял неподалёку и слушал, подойдя поближе. — Мы и вправду крепки физически, однако, судя по подготовке нашей группы, при таком падении мог уцелеть разве что Черноухов Семён. Он здесь самый крепкий.

«Так это ещё и ненормально!» — пронеслось в голове у Мерсиона. Хоть лицо его оставалось невозмутимо, внутри он паниковал.

— Послушайте, — устало сказал Гер-Саньч, который, судя по тону, и сам уже не знал, что сказать в своё оправдание.

— Да, послушайте, — произнёс сразу за ним Мерсион. — Я правда в порядке. Мне приходилось падать с подобных высот. Дело в том... — Мерсион запнулся. В его голове со скоростью звука рождались слова. — Я... умею... падать.

Все без исключения состроили недоумённые выражения лиц. «Я умею падать»?! Да что ты несёшь!» — ругал он сам себя.

— Умеешь... падать? — переспросил Дима недоверчиво.

— Ну да, — ответил Мерсион. — В течение долгих лет мне приходилось падать с высоких мест. Ну... тролли, знаете ли, могут поднять тебя и бросить в порыве ярости. А это равносильно тому, если бы ты упал с подобной высоты, а может и выше, учитывая силу тролля. А они очень сильные. Вот, с годами, научился «правильно падать», не получая особо тяжких повреждений. Так ещё и вошло в привычку, что теперь могу упасть правильно, даже будучи в зюзу. — Мерсион смущённо улыбнулся.

Никто на эту улыбку не ответил. Все студенты, включая Диму и Нику, отвернулись от него и разошлись по сторонам, мгновенно потеряв интерес к этому конфликту.

Вот паршиво, конечно, вышло: и себя дураком выставил, и учителя подставил. Не хотел Мерсион этого. И он, к тому же, понял, что многие из тех, кто его слушал, ему не поверили...

Далее в течение дня проходили такие занятия, как «Строение», «Практика контроля» и «История магов». Все они показались Мерсиону ужасно скучными, в том числе и потому, что на этих занятиях с ним никто не разговаривал. Поэтому Мерсиону приходилось подслушивать своих одноклассников магическим образом. Однако он смог услышать мало полезного.

Среди как одноклассников, так и других студентов только и шёл разговор о «Турнире могучих магов». Турнир, турнир, турнир, турнир! Да что все так зациклились на этом турнире?

Но Мерион, на самом деле, понимал, что в действительности люди просто хотят узнать, кто сильнее. Разве на Касле было по-другому? Всегда было так, что один хочет быть лучше другого: по силе, по власти, по деньгам, по красоте и по многому другому. Всегда было так. И везде.

Так прошло две недели. Минуло множество занятий, Мерион узнал множество ребят и преподавателей. Его одноклассники по-прежнему не хотели иметь с ним никаких дел, однако представители других групп были очень даже дружелюбными. Когда Мерион потерялся, а в его «М.И.Д.А.С.'е» произошёл какой-то сбой, несколько ребят с факультета «Магия трансформации» помогли найти кабинет. Мерион опаздывал на урок «Магическая мощь». Это был четверг. Ребята оказались очень добродушными: увидев, что Мерион не знает куда идти, они мгновенно накинулись и начали расспрашивать: «Ты потерялся?», «Опаздываешь на урок?», «Может, тебе помочь?»

А ещё Мерион немного пообщался с парнями с «Арсенальной техники». Оказалось, что в академии есть негласное правило: «Нельзя показывать себя лучше других, когда у тебя есть опыт». Исходя из этого, Мерион понял, почему его группа его невлюбила. На первом же уроке, вопреки даже своему принципу, он показал себя крутым магом, который оставил за собой горы трупов троллей, да ещё и талантлив в управлении маной. У Мериона был опыт в магии, однако по нему этого не скажешь, и это очень удобно. Однако вышло так, что он сам себя выдал.

А ведь он — Мерион — пришёл в академию «Перун» не за хорошими оценками и образованием. У него была более высокая и важная цель, о чём он, — Мерион казнил за это, — по всей видимости, забыл, воспылав гордыней и желанием показать себя лучше всех.

Хотя, как оказалось, всё не так уж и критично. На уроке «Алхимии», в среду, Семён, — крепкий коротковолосый парень, который оказался самым высоким в группе, — вежливо спросил у Мериона, что идёт в рецепте «Красного отвара» после «плода сагициза». Это могло означать две вещи: либо Семён сам по себе лоялен, либо ребятам из группы не хватало ненависти на то, чтобы держаться совсем поодаль от Мериона, не допуская с ним никаких рабочих связей. Мерион был рад любому из этих вариантов.

Во вторник третьей недели в академии, — это было девятнадцатое сентября, — Мерион сидел в столовой и завтракал. Взял он своё любимое блюдо, — говяжий тартар с апельсиновым соком. Пока он ел, он увидел незнакомую ему компанию ребят, вошедшую в огромное помещение столовой. И тут девушка из этой компании посмотрела на него, и Мерион, неожиданно для себя, отвернулся. Однако это не помогло избежать внимания.

— Ты новенький? — спросила пулей подбежавшая к нему девушка. — Перваш? Какой фак?

Мерион повернулся к ней. Это была девушка с молочно-белыми густыми волосами, завязанными наполовину в косы, идущие по плечам до груди. Её лицо сияло от умиления. У неё были большие карие глаза и маленький носик. Одета она была в светло-серую кофту, спущенную с плеч, под которой виднелся тёмно-синий топ, а ещё такие же светло-серые свободные штаны. Мерион сначала оторопел, а потом опомнился и сглотнул набранную еду.

— Ты меня тут... не допрашивай, — сказал Мерион, с трудом проглотив пищу. — Ты сначала сама назовись.

Девушка сначала приняла шокированный вид, широко раскрыв глаза и приоткрыв рот, а затем улыбнулась ещё сильнее.

— А ты молодец, — прошебетала она своим мягким высоким голосом. — Не поддайся. Меня зовут Катя, я — «БиоФизМаг», второй курс. Твоя очередь.

Мерион отвёл взгляд. Он не очень хотел сейчас общаться с кем-то настолько... дотошным.

— Ме... М-Михаил. «Боевая техника», первый курс, — ответил Мерион на пониженном тоне.

— «Боевая техника»? — удивилась она. — Ух ты! Не знаю, почему я сразу не догадалась. У тебя такие мышцы.

Катя дотронулась до плеча Мериона и пощупала его. Мерион удивлённо глянул на неё. Чего она хочет?

— А куратор у вас кто? — спросила Катя.

— Миханов, — ответил Мерион. — Забыл, как там его ещё.

— Миханов? — вновь, уже неподдельно удивилась Катя. — Этот старпёр взял себе группу? Да ещё и...

— Вообще, он, вроде бы, только заменяет куратора, — пояснил Мерион. — Нас даже на подгруппы не разделили.

— А-а, вот оно что. И ты не знаешь, кто у вас куратор?

— А у тебя есть предположения?

— Ну, вообще... — Катя почесала голову. — Есть варианты. Но я за «Боевую технику» не то чтобы шарю.

И тут Катя рассказала про нескольких преподавателей. Одним из них оказался Гер-Саныч. Как оказалось, он тоже курировал «Боевую технику» когда-то. На вопрос «Сколько ему лет?» Катя ответила:

— Около семидесяти. Ну, в общем, совсем ещё зелёный, хотя и опытом он обладает.

Дальше она рассказала про некоего Андрея Филипповича Ухоенко. Довольно специфичный человек. Любит демонстрировать силу тем, что ходит на двух пальцах одной руки и стоит на одном пальце ноги. Всё время не умолкает о своих достижениях, из которых его победа над «австралийским оборотнем». А ещё он имеет некое расстройство: его раздражает фиолетовый цвет.

Рассказав о ещё нескольких преподавателях, Катя попрощалась и убежала. Всё время, что она разговаривала с Мерионом, последний поглядывал на её компанию. С некоторой периодичностью на них глядел довольно серьёзный парень — то ли с раздражением, то ли с осторожностью. В любом случае взгляд этого человека не сулил ничего хорошего.

Такое знакомство Мериону не придавало воодушевления, хотя, — он это признавал, — оно было очень полезным. Полезно иметь в друзьях человека, который имеет представление об этом месте.

Закончив свою трапезу, Мерион встал со своего места и вышел из-за стола. И тут на него налетело что-то живое и взволнованное. Этому бегуну не хватило сил и инерции, чтобы сбить с ног Мериона, однако он всё же навредил ему тем, что облил его напитком. Судя по температуре и запаху, это был чай. Опустив голову, Мерион увидел упавшую навзничь девушку. Это была Ника, — его одногруппница. Он испугался. Мерион заозирался по сторонам в поисках выхода и подходящих слов извинений. Он думал, что сейчас Ника начнёт кричать на него, мол, почему он стоит на дороге, она мол из-за него пролила свой чай и ударилась об пол.

Однако было всё по-другому. Ника, ещё не встав и не отряхнувшись, посмотрела на Мериона ещё более испуганным взглядом. Подскочив на месте, она достала из кармана влажные салфетки и начала вытирать одежду Мериона, приговаривая: «Ой, прости меня пожалуйста. Какая я неловкая. Прости меня, боже».

— Да... это... Ну, ничего страшного, не волнуйся, — сказал ошеломлённый Мерион. — Я сам виноват, что вышел посреди прохода.

— Нет-нет, это я во всём виновата, — говорила взволнованная Ника, старательно вытирая одежду Мериона, будто желая протереть в них дыру. — Блин, ещё и чай пролила, капец просто, — злобно прошептала она.

— Возьми-ка стакан, — сказал Мерион.

Ника остановилась. Она с подозрением посмотрела на Мериона, но сделала, как он сказал. Пока она держала в руке свой стакан из-под пролитого чая, Мерион положил расслабленную ладонь на воздух. Он начал крутить ей. Пальцы следовали за ней с опозданием. Произошло чудо: пролитые на пол капли чая, принявшие уже прозрачный цвет, взлетели и соединились в один сгусток, приняв тёмно-бурый цвет и забурлив, выделяя много пара. Капли, засевшие в одежде Мериона и Ники, тоже вылетели по зову руки Мериона и присоединились к общей массе. И, по мановению руки парня, вся чайная масса полетела в открытый стакан Ники, а когда она оказалась там, Мерион щёлкнул пальцами, и крышка, лежавшая на полу, подпрыгнула, прикрепившись к стакану.

Ника была в полном шоке.

— Если что, можешь не переживать, — сказал Мерион. — Это заклинание возврата в начальное состояние, поэтому твой чай не грязный и вкус он не потерял. Единственное — в нём могло остаться немного маны, но ты её не почувствуешь, так что...

Ника не позволила Мериону договорить и с размаха обняла его.

— Какой ты крутой, — искренне и ошеломлённо прошептала она.

Мерион пребывал в полном удивлении. Никто ещё так не радовался возвращённому в стакан чаю. И как только руки Мериона потянулись обнять её в ответ, Ника отцепилась от него и убежала в своём направлении, махнув Мериону рукой и улыбнувшись.

— Увидимся на «Метафизике», — крикнула она ему и выбежала из помещения.

Мерион тоже слегка улыбнулся. Всё-таки не так уж его ненавидят. Однако тут же он понял одну важную вещь. Поглядев в свой «М.И.Д.А.С.», Мерион понял, что опаздывает и рванул вслед за Никой...

Глава четвёртая

Джейсон Строк

Прошла ещё одна неделя. Мерион ни разу не пропустил занятия, исправно посещая академию и все дисциплины. С тех пор Ника стала относиться к Мериону куда добродушнее и дружелюбнее, став даже общаться с ним. Они обсудили Миханова, периодически ловившего ребят вверенной ему группы, сухо спрашивая у них об их занятиях и поведении группы, а также об их состоянии. Видимо, он всё же волновался о том, что может что-то пойти не так, из-за чего ему могут сделать выговор и понизить жалование. Также с Мерионом начал общаться Семён, который, на пару с Никой, лучше всех относился к нему в группе. Началось с того, что Семён спрашивал совета о том, как ходить по стене.

— На самом деле, секрета здесь нет, — отвечал Мерион. — Прежде всего нужно научиться контролировать ману. Обладая «техникой маны», улови принцип, как ты ей пользуешься, а затем с теми же усилиями вложи минимум маны в ноги. Как я понял, твоя техника строится на усилении тела, а значит, для тебя это не должно составить труда.

На самом деле, Мерион совершенно не понимал, как Семён не догадался об этом сам. К тому же, ему было не ясно, почему он обратился с этой проблемой к нему, а не к Гер-Саньчу, что было бы логичнее, ведь преподаватель — он, а не Мерион. Так или иначе, Семён был безмерно благодарен Мериону, после чего стал к нему относиться, при всём своём, — иначе не скажешь, — устрашающем виде, куда сердечнее. И ведь действительно, Семён был похож телосложением на греческого бога. Мериона он ростом превышал более чем на голову. Он не был похож на человека, который будет воспринимать Мериона с его средним ростом и куда более скромным телосложением за равного, ещё и с учётом его грубых черт лица, которые были просто созданы для пассивного презрения.

Тем временем с Мерионом начала общаться Катя, с которой он познакомился в столовой академии. Она была из всего колледжа к нему ласковее всех, что уже не столько раздражало Мериона, как вначале своей докучливостью, сколько льстило ему и поднимало настроение. Она даже спросила у него, где он живёт. Катя пообещала приходить к нему в гости. Сама она жила в «Чёрном районе», в секторе «Анцбол». К слову, из разговора с ней Мерион узнал, что Алиса Берник, — сильнейшая студентка в академии, — также живёт в районе «Яровит», только в секторе «Триглав». Это был соседний сектор от того, где жил Мерион, — сектора «Жива».

Мерион часто видел Алису в коридорах. Она шла совсем одна, а на её лице царило серьёзное, деловое выражение. Как правило, она была одета в серый топ, завязанную в рукавах на поясе куртку — не было ясно, зачем она ей нужна в начале осени, когда холода толком и нет, — довольно широкие тёмно-оранжевые штаны, а также странные перчатки тёмно-зелёного цвета, покрывающие полностью предплечья и ладони, за исключением пальцев. Что ещё страннее: начало этих самых перчаток, равно как и края куртки, были подчёркнуты светлым, густым мехом.

В редкие моменты он, Мерион, задумывался о том, насколько же она сильна. Алису Берник называют сильнейшей и почитают её. Но справедливо ли это? Может, она вообще проплатила для себя это место. Савелий Атлас, между прочим, выглядит как взяточник. Дело в том, что если она действительно настолько сильна, как о ней говорят, то Мерион должен быть спокоен. Было бы отлично, если бы она оказалась по силе как минимум наравне с Мерионом, ведь вдвоём они точно одолеют «вторженца». Во всяком случае, так ему казалось.

Ну а по вечерам Мерион тренировался в хождении по стенам. Он уже делал в этом огромные успехи, так как теперь Мерион мог ходить по потолку без какого-либо вреда для себя. Ранее у него этот приём вызывал сильное головокружение, а теперь он понял принцип контроля крови. Так как Мерион долго учился управлять своей маной самостоятельно, он добился в этом очень многого: не только теперь управляет ей как собственными руками, но и разработал собственную «технику маны». Назвал он её «Илистый ручей». Это не столько отдельное действие или атака, сколько стиль движения и ведения боя. Говоря в общем, что-то вроде «Кунг-Фу».

Мерион почти всю жизнь наращивал свою ману. В конце концов, её стало так много, что она заполнила собой все «сети маны» — особый духовный орган, находящийся в теле человека и отвечающий за хранение, накопление, регулирование и использование маны. Мерион особыми упражнениями, разработанными им же, долго увеличивал свою ману, что впоследствии сделало из него мощного в ближнем бою воина. С тех пор, как Мерион пришёл к нынешнему состоянию, его поражения можно было пересчитать по пальцам.

Стремления же его были вызваны не то завистью, не то восхищением, что Мерион испытывал к особому классу людей, звавших себя «имперусами» — существами, чьи магические и физические способности выходили далеко за пределы обычной магии. Как он, Мерион, предполагал, всех их уничтожила катастрофа на Касле. Вряд ли кто-то из них сумел пережить гибель целого мира, хотя их мощь тоже была описана как «мировая». И хоть людей тех больше нет в живых, Мерион задавался лишь одним вопросом: были ли они вообще людьми?

Уходя с «Метафизики», Мерион уже расслабился, так как это было последнее занятие в четверг. Уже начинало темнеть. За окнами смеркалось. Студенты группы «Боевая техника» расходились по домам. Так Мериону казалось. Однако, когда Мерион уже вышел в проход из кабинета, Ника схватила его за руку.

— Подожди, — сказала она. — Не уходи. Сейчас куратор придёт.

«Куратор?» — подумал Мерион. Они что, уже называют Миханова куратором? Хотя, он у них замещает уже почти месяц, а их официального куратора всё ещё нет. Уже как будто бы и впору называть Миханова им. Хотя он уже был здесь, так как только что вёл их занятие. Странно всё это.

Сев обратно на своё место, Мерион стал ждать. Студенты уселись все по своим местам и начали что-то оживлённо обсуждать. Даже если бы Мерион решил воспользоваться магическим слухом, он бы всё равно мало что понял, так как все голоса слились воедино.

И тут произошло что-то резкое. Резкое и невероятное. Самое дальнее от Мериона окно, — он сидел на последнем ряду, — разбилось, и в него влетел человек, одетый во всё чёрное и с чёрными длинными волосами с ярко-красной прядью на чёлке. Приземлился он в противоположном конце кабинета. Все затихли. Как только он перестал быть размытым пятном и встал, Мерион смог разглядеть его получше: это был долговязый, плохо выбритый мужчина с длинными сальными волосами. Одет он был в такую же чёрную форму, что и директор, — чёрную, строгую, монотонную, без лишних деталей. Видимо, в этом и ходят на миссии представители академии. Взгляд у него был уставший, однако на лице красовалась лёгкая, еле уловимая ухмылка. Похоже, он был доволен своим трюком. «Неужели, это и есть наш официальный куратор?» — подумал ошеломлённый Мерион. Мужчина прошёл к учительскому столу. Миханов поспешил покинуть кабинет. По всей видимости, они друг с другом не ладили.

— Всем привет, — хриплым, но громким голосом проговорил человек всей группе. — Я — ваш официальный и настоящий куратор, а не этот... «old bastard».

Многие ребята хмыкнули. Судя по их лицам, они знали английский.

— Меня зовут Джейсон Стивен Строк, — представился мужчина и зашагал по кабинету. — По нормам вашей страны, вы должны называть меня «Джейсон Джонатанович», однако я жду от вас обращения «Профессор Строк», «Мистер Строк» или «Сэр». Мне так будет удобнее, да и, — я не сомневаюсь, — вам будет куда проще. — Джейсон Строк вздохнул. — Well... Сейчас я хочу услышать ваши фамилии, после чего я вас разделю на подгруппы. Надеюсь, «мистер Миханов» вам уже рассказал, что и как в этой академии.

Все студенты кивнули.

— Хотя бы на этом спасибо, — сказал Строк. — Ах да, чуть не забыл.

Строк выставил руку в сторону разбитого окна, и оно тут же пришло в нормальное состояние, словно его и не разбивали, да и вообще не трогали. Ника, сидевшая чуть поодаль от Мериона, так, что они могли друг друга увидеть, сначала с ошеломлением смотрела на Джейсона, потом на Мериона, потом опять на Джейсона и так далее. По всей видимости, она хотела каким-то образом связать их — Джейсона и Мериона. Однако они не были связаны. Они вообще не были знакомы. А возвращение к прежнему состоянию — это стандартное, хоть и довольно сложное заклинание, которому можно научиться вне зависимости от направления, хоть ты стихийный маг, хоть боевой, хоть арсенальный и так далее.

Мериона смущала та вещь, что Джейсон иногда переходит на английский, так как сам Мерион совершенно его не знал. Всё его окружение знало английский хотя бы на базовом уровне, так что они, если что, могли бы понять Джейсона, когда он в сердцах выйдет, как Мерион считал, на родной язык. А вот Мерион не поймёт его, и он лишь понадеялся, что таких случаев будет мало.

Проведя переключку, Строк начал разделять ребят на подгруппы, в каждой из которых по двадцать человек. Однако в группе Мериона — семнадцать, ведь ещё трое студентов ещё не доехали до академии.

— Я бы, конечно, мог их распределить на разные подгруппы и... «не делать мозги», — говорил Строк, — но они очень настояли на том, что будут всегда и везде вместе. Даже сам директор дал такое распоряжение. И откуда к обычным первокурсникам столько внимания? — гневно прошипел Строк последнее.

В группе же Мериона оказались почти все знакомые ему люди: это были Семён, Ника, Дима и Костя Виатрист. Последним он был доволен меньше всего, ведь, как он и предсказывал, отношения у него с ним были крайне натянутые. На это повлияли и успехи на «Магическом движении», где Мерион уже свободно бегал по потолкам, а Костя кое-как держался на стене, а также его задели недавние занятия, представляющие из себя ходьбу по жидкостям. Там Костя вообще не мог устоять на воде. Штука была в том, что маг должен чувствовать каждую волну, каждое колебание воды и мгновенно подстраивать под них свою ману. Пока это вышло лучше всего у Ники, Димы и, конечно же, у Мериона. Этим троим Гер-Саныч просто обожал. Да и они его.

— Так, а теперь попрошу побольше внимания! — объявил Строк. — Вторая подгруппа, завтра на первое занятие ни в коем случае не опаздывайте. Да, я понимаю, на завтра вам в первый урок выделили пропуск, однако это для того, чтобы его занял я со своей дисциплиной. Приходим все в удобной и, желательно, чёрной форме в кабинет «No.36». — Тридцать шестой кабинет — это зал, в котором группа обычно проводит тренировки с Гер-Санычем. А «вторая подгруппа» — это как раз была подгруппа Мериона. — У вас есть вопросы? Нет? Отлично! До свидания.

Повторив последнюю фразу за куратором, студенты теперь точно засобирались по домам. Мерион был ошеломлён таким неожиданным потоком информации. В этот раз Строк предпочёл выйти через входную дверь. Мерион взглянул на Нику и на Семёна. Те пожали плечами. Взглянув также краем глаза на Диму, Мерион увидел, что тот был по-прежнему невозмутим.

Перекинув через плечо сумку, Мерион постарался как можно скорее покинуть кабинет, ибо трепетливая суэта гнала его.

На следующее утро Мерион самым последним пришёл в зал, в котором уже стояла его подгруппа, а также профессор Строк. С удивлением Мерион обнаружил рядом с ним Гер-Саныча. Недоумение Мериона прервала речь Строка.

— Специально для того, чтобы адекватно оценивать ваши возможности, я проконсультировался, — говорил он, — и продолжаю консультироваться с мистером Остроянном, который, на данный момент, лучше всех знает ваши физические и магические данные. Впрочем, решение о проведении занятия всё равно остаётся за мной. Сейчас мы расставим вас по парам в разных точках зала, и вы проведёте каждый между собой лёгкий спарринг. Под словом «лёгкий» я подразумеваю тот спарринг, который обойдётся без повышенной яростности и, уж тем более, смертоубийств.

Мерион подошёл к своей группе и внимательно слушал фамилии, которые Строк зачитывал по списку и соединял их в пары будто бы случайным образом. Кажется, он пропустил всё остальное, что говорил Строк. А вдруг он читал инструктаж или важное введение к занятию, а Мерион это пропустил? Как же он облажался, если так и окажется.

— Семко против Трифонова. Акутин против Верхомяна. Бельгельмир против Черноухова. Куртукод против Уку-... Стойте, нет. Куртукод против Шиманенко. Виатрист против Ворохова. Дромова против Ягина, Заревский против Югича, Миронян против Хвостенко. Из присутствующих осталась только Персенко. — Строк поднял взгляд со списка на худую девушку со светлыми волосами, завязанными в тугий конский хвост. — Если хочешь, можешь посидеть и понаблюдать, или договориться с кем-то, чтобы потом поспарринговались с тобой.

Персенко не стала ни с кем говорить, а лишь села на одну из скамей и наблюдала за происходящим. Не было похоже, что она разочарована тем, что её оставили без противника.

— Только смотри за всеми! В следующий раз ты тоже будешь участвовать! — крикнул ей Строк. Девушка кивнула и продолжила наблюдать. — Так, ну что ж. А теперь разойдитесь. Наносите весомые, но не слишком сильные удары. Не пытайтесь вырубить или травмировать друг друга. Пока что я просто наблюдаю за вашей техникой.

Мерион взглянул на Костю. Тот смотрел на Мериона вызывающим взглядом, а затем мотнул головой в сторону и пошёл в том направлении. Мерион пошёл за ним.

Встав на свободное место, Костя молча встал напротив Мериона. Тот смотрел на него, ожидая действий.

Тут-то Мерион и должен был показать себя. Показать себя в качестве слабака, ведь его цель в академии «Перун» — не выделиться на фоне остальных, а проверить навыки и силы этих самых остальных, о чём он не имел права забывать. Да, он подчёрпывал знания из академии, которые ему предоставляют преподаватели, хотя он вообще не ожидал, что чему-то здесь научится. И, тем не менее, он не стремился к хорошему магическому образованию. И всё же, он был должен показать, что хотя бы старается.

Мерион принял липовую оборонительную стойку, выставив кулаки перед собой на разный уровень и расставив ноги: одну вперёд, другую назад. Сам же он максимально расслабился, собираясь ловить удары Виатриста один за другим и делать вид, что не может контратаковать.

Костя принял боевое положение. Его стойка была похожа на боксёрскую, вот только кулаки его не были сжаты. У лица он поставил ладони с сильно скрюченными пальцами, как будто имитируя когти.

И тут Костя размахнулся и полетел в атаку на Мериона. «Сдерживается», — сразу понял Мерион, ибо Виатрист двигался слишком медленно. На всякий случай Мерион слегка потряс

кулаками, как бы делая вид, будто он пытается среагировать, но не успевает. Выставив перед собой руку, Виатрист вытянул один палец, согнув его и выставив костяшкx, и ткнул им в щёку Мериона, намеренно не защитившего лицо.

Начав на реакции поворачивать лицо в сторону удара, Мерион остановился, поняв, что удара не было. Виатрист просто ткнул костяшкой ему в щёку. Так они оба и застыли. Глаза Кости были расширены, а Мерион испугался, ибо он не понимал, что он этим хотел сказать. Это и есть его техника? Сейчас последует мощный удар? Взрыв? Смертельный луч? Но Строк же сказал просто подраться.

Затем Мериону пришла в голову мысль, которая более чем объясняла такое поведение.

— Костя, — обратился Мерион с натуральным недоумением. — Целиться нужно изда-лека.

Теперь лицо Виатриста стало куда яснее выражать непонимание. Однако тут же оно сме-нилось на раздражительное, и Костя занёс руку снова, только теперь он ткнул пальцем в живот Мериона. И вновь ничего.

Что происходит? Что он творит? Получается так, что Костя просто трогает Мериона. Последний начинал испытывать странные ощущения по этому поводу.

Костя же не стал думать. Он просто занёс обе руки и начал яростно тыкать в Мериона на высокой скорости, переступая с ноги на ногу из стороны в сторону, обступая Мериона со всех сторон. Мерион не знал, как на это реагировать, поэтому просто стоял столбом с глупым видом и тупым лицом. Ему даже щекотно не было.

Что-то побудило его посмотреть в сторону, и Мерион понял, что никто не сражается. Все смотрят на них с недоумённым, оторопелым видом, будто происходит что-то странное: Ника моргая, наблюдая за этим с раскрытым ртом; Семён поднял обе брови и широко раскрыл; Дима Куртукод не то насмешливо, не то блаженно ухмыльнулся, слегка помотав головой. Все остальные смотрели на «драку» Мериона и Костя с непонятными лицами: кто-то с недоуме-нием, кто-то с усмешкой, а кто-то — с неподдельным интересом, словно за просмотром осо-бенно комичной сцены комедийного фильма. Даже Строк и Гер-Саныч застыли с идиотским видом, словно их громом поразило.

Но почему? Что их так удивило?

Костя же, не замечая ничего вокруг, продолжал. Его пальцы, словно поршни, ритмично и с нарастающей силой впивались в одежду Мериона, который уже не просто стоял столбом, а начинал слегка покачиваться от этих тычков. В его глазах, до этого выражавших лишь тупое недоумение, теперь мелькнула тень лёгкого раздражения, смешанного с чем-то вроде смущения. Он чувствовал себя нелепо, как манекен, над которым издевается ребенок.

И тут до Мериона дошло: и почему Костя разозлился, и почему на них так странно смот-рят. На всё это был один ответ: на самом деле Костя всё это время наносил удары.

Мерион их не чувствовал. Ни ударов, ни толчков, ни гнева самого Кости. А когда он силком заставил себя обострить свои чувства, Мерион ощутил лишь одно: у него был полный запас маны.

Но почему? Как он мог про это забыть? Да нет же, он точно помнил, что он менее, чем полчасика назад, выпустил из себя всю ману. Так почему она теперь переполняет его тело? По его расчётам и опыту, чтобы восстановить всю ману, у него должно было уйти как минимум часов пять. Хоть скорость восстановления его маны была поразительна, общий объём его маны был настолько крупным, что даже с такой скоростью она не сумеет восстановиться мгновенно. Тем более, из того состояния, в которое намеренно вводит себя Мерион.

Объяснение этому было лишь одно: он выплеснул недостаточно и не заметил этого, ибо сильно спешил на первое занятие с куратором.

Вот-вот его нерушимый, как ему казалось, принцип — не причинять людям вреда — разрушится помимо его воли. Ведь сейчас он был настолько мощным, что он был способен сокрушить каждого, находящегося в этом кабинете одним махом.

В конце концов Костя остановился, встав напротив Мериона и тяжело задышал.

— Ты... Ты... Ты что, д-даун?! — крикнул разозлённый Костя.

Мерион лишь тупо и раздосадовано медленно помотал головой.

— Тогда какого хрена?! Эти удары... — Виатрист чуть не задышался от возмущения. Теперь его пальцы скрючились не от готовности к бою, а от неудержимого гнева, который он просто не знал, как выразить.

Слегка подумав, Мерион придумал лучший вариант, как поступить. Он поднял руки.

— Я сдаюсь, — сказал Мерион. — Я не буду сражаться.

Ему нельзя было драться с Костей. Дело касалось уже не только сохранения тайны о силе Мериона, но и жизни Виатриста.

По силе, относительно Мериона, Костя был сопоставим с обычным человеком, а Мериону вполне хватало сил на то, чтобы убить обычного человека одним пальцем, что мог по неосторожности сделать это случайным образом от прикосновения, не говоря уже про сражение.

Костя, казалось, не поверил своим ушам. Его гнев, который только что бурлил, как кипящий котёл, вдруг сменился недоумением. Он моргнул, пытаясь осмыслить услышанное.

— Чего? — сказал он, и в его голосе прозвучала смесь изумления и какой-то странной обиды. — Ты... ты прикалываешься надо мной?!

Мерион лишь покачал головой, его лицо оставалось непроницаемым.

Он понимал, что Костя чувствует себя обманутым, униженным, но другого выхода он не видел. Объяснить всё сейчас было невозможно, да и опасно. Любое слово могло выдать его секрет всем, кто находился в зале, а последствия этого были бы куда страшнее, чем гнев Виатриста.

— Я не могу драться, Костя, — повторил Мерион, стараясь придать своему голосу как можно больше искренности. — Прости.

Костя отступил на шаг, его взгляд метался между Мерионом и окружающими их студентами, которые всё ещё смотрели на них с любопытством и лёгким испугом. Некоторые из них, похоже, были свидетелями всего «боя» и теперь, вероятно, гадали, что же произошло. Так или иначе, картина наверняка была абсурдной.

— Ты... ты просто ссыкло! — выплюнул Костя, и в его голосе снова зазвучала ярость, но теперь она была смешана с разочарованием. — Ты просто очкуешь!

Мерион почувствовал укол в груди. Ссыкло? Очкует? Он, который мог бы одним движением стереть Костю в порошок, но сдерживался из последних сил? Это было несправедливо, но он не мог возразить. Он не мог сказать: «Я не ссыкло, Костя, я просто не хочу тебя убить».

— Думай, что хочешь, — тихо сказал Мерион, опуская руки. — Я не буду драться.

Но Костя был иного мнения. Он опустил голову и плечи, будто совсем обессилев, после чего медленно помотал головой.

— Нет... — тихой яростью прошипел он. — Нет. Мы закончим только тогда, — Костя поднял руки над собой, изобразив из каждой дугу, направленную в сторону Мериона, — когда я скажу.

Каждый из пальцев, расставленных далеко друг от друга, задёргался по отдельности, будто черви. И так они дёргались всё с большей интенсивностью. Вдруг разом возникли большие ряды длинных и острых игл, парящих в воздухе и указывающих остриями прямо на Мериона. Игл было настолько много, что было просто невозможно сойти с места, не превратившись в решето.

— Сейчас я... — Костя поднял взгляд на Мериона. Его тёмные глаза засветились голубым, ровно как и вены на лице, — сделаю из тебя тушку.

Его голос был тих, крепок и наполнен желанием убить точно так же, как и его взгляд. А его пальцы, дёргавшиеся до сего момента, резко все застыли в одном полусогнутом положении.

Всё происходило очень быстро, но Мерион видел всё. Все иглы полетели на Мериона разом, обещая изрешетить его, однако он осознал спасительное обстоятельство: иглы летели на него не одновременно, а с промежутком в мгновение. Одно малое мгновение. Но Мериону этого хватало. Сбив лёгким движением пальца одну иглу с курса, Мерион тут же поймал ритм. Сбив три-четыре, семь-восемь, пятнадцать-двадцать, пятьдесят-сто, Мериону уже, можно сказать, ничего не угрожало. И хоть игл было гораздо больше ста, Мерион видел их все. Чувствовал их все. Не было ни одной иглы, о существовании которой Мерион не знал. Наверно, со стороны это выглядело так, будто рук Мериона стало в сотни раз больше. Корпусом он не двигал — лишь руками и глазами.

В итоге дошло до того момента, когда игл уже не осталось. Мерион отбил атаку.

Костя упал назад, приземлившись на локти и глядя на Мериона испуганным взглядом снизу-вверх. Время приняло свой обычный ход. Мерион плавно опустил руки. Как и в любой серьёзной ситуации, Мерион не сделал ни единого лишнего движения.

Сам Мерион был невозмутим. Ни одна эмоция не осмелилась покрыть его лицо, оставив его невозмутимым: ни страха, ни облегчения, ни гнева, ни разочарования. Лишь чуть склонённая в бок голова, слегка растянутые губы, расслабленные брови и нешироко раскрытые глаза, горевшие так же, как и у Кости, только лишь не голубым, а фиолетовым.

Зрачки горели ярко, куда ярче, чем у Кости, затемняя белки глаз, казавшиеся на их фоне тёмно-серыми. А лицо, хоть и было почти безжизненным, выражало гораздо больше угрозы, чем взгляд самого агрессивного в мире хищника перед атакой на добычу.

Мерион видел Костю с ног до головы: его в панике трясущиеся ноги, его истерический взгляд, его быстро поднимающуюся и опускающуюся грудь и его едва ощутимо дёрнувшийся палец. Увидев это, Мерион отвёл руку назад, чтобы поймать оставшуюся иглу, которая с самого начала не атаковала, а ждала. Однако пальцы Мериона так и не сомкнулись на тонком металле, ведь игла их не достигла.

Обернувшись назад, Мерион увидел, как иголку в воздухе удерживает вовсе и не натянутая, но свободно извившаяся в воздухе, точно змея, красная нить. Игла дёргалась, желая напасть и оставить сквозную дыру, но упрямая нить не поддавалась. Она была сильнее.

Проследив за ней, Мерион обнаружил, что нить принадлежала куратору. Он держал нить правой рукой, а взгляд его так же горевших голубым глаз был строгим. Глаза его горели ярче, чем у Кости, но намного, намного тусклее, чем у Мериона, чьи глаза потухли, как только он понял, что угрозы больше нет. А вместе с ними потух и его разум.

Тело Мериона обмякло, в глазах его потемнело, и он без чувств свалился на пол, услышав лишь такие фразы, как: «Он в порядке?», «К врачу его!», «Что с ним?», «Ты будешь наказан!»

Когда Мерион открыл глаза, он увидел лишь ослепительную белизну. Как только ему удалось сфокусировать зрение, он понял, что это был белый потолок. Сам он лежал на белой жёсткой койке, укрытый довольно мягким белым одеялом. Напротив его койки стоял деревянный стол с пачками документов, тщетно пытаясь перекрыть окно, за которым поблёскивало голубое небо.

Стянув одеяло, Мерион увидел, что на нём не было верхней одежды, а именно его футболки и рашгарда, а ещё носков и обуви. Всё, что на нём осталось, — чёрные спортивные штаны. Его волосы были распущены. Мерион успокоился, когда увидел, что его лента лежала

на тумбочке рядом с кроватью. Он полностью стянул одеяло, обнажив крепкий торс и бесчисленное количество как мелких, так и крупных шрамов, полученных в борьбе с чудовищами и другими магами. Всё-таки Костя им и в подмётки не годится. С ними-то Мерион не сдерживался.

Наверно, в этом и была причина его отключки. Мериону ещё никогда не приходилось настолько сильно сдерживаться. Он, конечно, высвободил кое-какое количество маны, когда оборонялся от игл, но его мана по-прежнему была активна и невыплеснута.

К этому моменту Мерион уже понимал, в чём минус обладать гигантской энергией: её настолько много, что её попросту некуда девать, из-за чего она действует изнутри, что в любом случае сказывается на маге негативно. Именно этим проклятием страдают имперусы, которые были такими рождены. Мерион всю жизнь хотел уподобиться им, и при этом они всегда были ему главными врагами, ведь на его памяти не было ни единого имперуса, который не желал показать своё превосходство над обычными магами. А теперь, когда он сравнялся с ними по силе, Мерион сумел не только понять их, но и стал мысленно сожалеть об их участи. И речь не только о том, что всех имперусов уничтожила «катастрофа».

Спустя какое-то время, когда Мерион уже изменил положение с лежащего на сидячее, в комнату вошёл человек в белом халате. Это был худощавый парень с квадратным лицом лет двадцати. Его непослушные кудрявые тёмные волосы приглаживал ободок, а светло-зелёные глаза были скрыты за очками, сидящими на носу с горбинкой. Очевидно, врач.

— Ты чего вскочил? — предъявил он Мериону. — Ну-ка, ляжь. Щас осматривать тебя будем.

— М-меня? — оторопело переспросил Мерион, который всё ещё слабо понимал, что происходит.

— Нет, перепутал. Меня, — саркастически произнёс врач, взмахнув руками. — Ложись давай.

Мерион лёг обратно. Врач сел рядом на стул и щелбаном дал Мериону по правой стороне шеи. Тут же на другой руке врача загорелся «М.И.Д.А.С.» На нём отобразался человек, который контурно напоминал Мериона, а также несколько полных шкал с какими-то надписями.

— Странный ты парень, так я тебе скажу, — сказал парень. — Симптомы у тебя были как от «истощения маны», хотя она у тебя через край прёт. Буквально. И ладно бы пёрла и уперала, а восстанавливается с дикой скоростью просто. Кто ты вообще такой?

Мерион не знал, что ответить. Внезапно из другой двери вышел другой человек в халате, уже заметно старше. Это был дородный мужчина с круглым лицом и редкими седыми волосами. Лицом он был похож на пухлого коршуна с его крючковатым носом.

— Не пугай студента, Митяй! — нечётким грубым голосом упрекнул парня мужчина. — Обычное явление, когда у человека от природы много маны: не выплеснул всё, хотя был готов; магия разбушевалась и пошла против мозга мага, прежде чем тот успел от неё защититься; особого вреда не нанесла, но успела создать толчок, спровоцировавший «перезагрузку».

Митяй закатил глаза. Ощущение было такое, будто он хотел создать интригу. Наверно для того, чтобы было, что рассказать друзьям.

— А вы много знаете о мане, — допустил Мерион, обдумав слова врача и, на удивление, поняв их с первого раза.

— Ясен пень. Я её изучал бóльшую часть жизни, — сказал врач. — Сам я ей, к сожалению, овладеть-то не овладел, но знаю о ней больше, чем кто-либо другой, как минимум, в этой академии, чем и горжусь. Даже директор с его тремя сотнями годами опыта, не поскромничаю, знает о магии меньше.

Это было уже интересно. Оказывается, директор был старше Мериона. Даже если он возрастом не дотягивал до трёхсот лет, то, исходя из слов врача, как минимум, на семьдесят лет

он точно старше. Это косвенно подтверждало гипотезу Стаса, что это мана продлевала жизнь народа Касла, а не эволюционные особенности.

— Так вы не маг? — удивился Мерион. — Что вы тогда тут делаете?

— Лечу магов, — ответил врач. — С моими знаниями о магии, а также навыками и образованием врача, я просто обязан находиться здесь и хранить ваше здоровье. А магические инструменты и практиканты... — врач взглянул на Митяя, — ...помогают мне делать это быстро и эффективно.

— Кстати об эффективности, — заявил Митяй. — Раз уж с пациентом всё в порядке, то я побегал. Мне ещё нужно доклад писать, о соизмерении общего и фактического количества маны, кстати. Как в тему, а? Всё, давайте.

С этими словами Митяй встал, кинул халат на вешалку и выбежал из палаты. Мерион продолжительное время смотрел ему вслед.

— Да, он бывает грубоват, но мальчишка он хороший, — сказал врач. — Всё стремится помогать людям и... — он усмехнулся, — ...хочет найти «абсолютную панацею», чтобы люди больше не болели. Говорит, что здесь, — в академии он будет ближе всего к цели.

— А вы не боитесь, что он может обидеться на то, что вы говорите про него? — спросил недоумённо Мерион, не поворачиваясь к врачу.

— Да какой там... Об этом все знают, — отмахнулся мужчина. — Теперь-то только и всего, что знаешь и ты. А мог узнать от кого угодно. Кстати, чуть не забыл: обращай ко мне Иван Сергеевич. Вечно я забываю представиться. Хотя память ещё — ого-го!

Мерион вздохнул. Он встал, приняв сидячее положение. Тут же он схватился за голову, почувствовав гудящую боль. А затем у него спёрло дыхание.

Мерион прокашлялся в руку, сощурившись и почувствовав тёплую влагу и металлический привкус, после чего открыл глаза и обнаружил на ладони небольшую лужицу собственной крови. Его рука задрожала. Мерион только теперь заметил, что всё его тело пробрало недомогание.

— П-п... Перестарался, — кое-как выговорил Мерион, тяжело дыша.

— Скорее, недостарался, — ответил Иван Сергеевич сухо. — Ты ведь и крупницы от общего объёма энергии не потратил. Впрочем, я это уже говорил. Но я бы хотел ещё кое-что спросить.

Мерион, игнорируя звон в ушах, поднял ошеломлённый взгляд на врача.

— Ты, случайно, — говорил он теперь серьёзно, — не имперус?

Мерион расширил глаза от удивления. Иван Сергеевич же многозначительно смотрел на него, ожидая ответа. Как же это? Имперусы существуют и в этом мире? Или же он — Мерион — не единственный выживший на Касле? Мерион отвёл взгляд в пол под дверью, хотя сам смотрел в пустоту, где рождаются его мысли.

Мерион кое-как встал и вялым шагом поплёлся к раковине, у которой начал тщательно вымывать руки.

— С чего вы так решили? — спросил Мерион со всей серьёзностью, не глядя на мужчину.

На деле же он знал, почему Иван Сергеевич принял его за представителя этих мощных существ. Всё-таки, если он знает, кто такие имперусы, то наверняка знает и то, насколько они сильны и чем особенны.

— Твоя магия, — а вернее, её объём, — отличается от прочих, — ответил Иван Сергеевич. — У тебя её настолько много, что она не помещается в твоём теле, из-за чего непрерывными потоками выходит из тебя, обволакивая твоё тело. Так ещё и восстанавливается с невероятной скоростью, из-за чего у тебя проблема с тратой этой самой энергии решена пожизненно. Если ты не имперус, а обыкновенный маг, то тебя можно сравнить с богатейшим человеком в мире, прибыль которого настолько велика, что её хватит на множество безбедных жизней.

Разумеется, ведь Мерион тренировал тело и магию больше лет, чем прожил Иван Сергеевич, как минимум, в два раза. Его цель и заключалась в том, чтобы сравниться с имперусами в их мощи. Всё остальное его, на тот момент, не интересовало.

Мерион делал вид, что слова Ивана Сергеевича его не интересуют. На деле же он уже третий раз, не замечая этого, намыливал руки.

— Даже если и так, — монотонно ответил Мерион, наконец закрыв воду и стряхивая руки. — Даже если я — имперус. Что с этого?

Иван Сергеевич выдохнул. Похоже, эта фраза многое ему объяснила.

— Всё ясно, — ответил врач. — Ты не имперус. Но ты явно знаком с ними. Встречал лично. Может, даже ощутил их мощь на себе.

Мерион понял: мужчина был очень проникновен, хоть он и не был магом и не мог прочесть мысли Мериона с помощью базовой, продвинутой или индивидуальной техники маны. Всё это время он смотрел Мериону в затылок, в то время как сам Мерион не решался повернуться к нему лицом.

— Я так полагаю, тебе больше лет, чем ты показываешь, — сказал Иван Сергеевич. — Скорее всего, ты живёшь уже больше одного века.

— Двух, — ответил Мерион. — Больше двух веков.

Мерион отошёл от раковины и рассказал о себе всё, попутно расхаживая по кабинету и оглядывая полки, документы, медицинские инструменты, лишь бы не смотреть в глаза человеку, которому он раскрывает свой секрет. Рассказал он о своём прошлом мире, о прошлой жизни, об истинной силе.

— И ещё. На самом деле, меня зовут не Михаил Ворохов, — говорил он, подняв скальпель и оглядывая его со всех сторон. — Имя, данное мне от рождения, — Мерион Ворха. Наш род, — род Ворхов с начала времён занимался земледелием.

Мерион почувствовал внезапный толчок в голове, разнёсшийся по всему телу. Он взглянул на свою свободную руку.

— Ворхик... Плуг... — сказал Мерион, как мантру.

В его памяти начала проявляться рукоять от инструмента, которым он в начале своей жизни вспахивал поля, дабы засадить семена.

— Мерна... Рис... «Мерна» значит рис. А «Висэ» — спаржа.

Иван Сергеевич недоумённо взглянул на Мериона.

— О чём ты говоришь? — спросил он. — Хочешь сказать, это...

Мерион вновь почувствовал толчок, но уже в районе шеи, после чего из него вновь вырвался красный сгусток. Однако теперь Мерион успел подбежать к раковине.

— Ас-... Аску нтеш... ма-ар к-к... кийсим вар'исп. — Мерион прохрипел это, тяжело дыша и продолжая глядеть перед собой, будто ничего не замечая: ни того, что его вырвало кровью, ни того, что он заговорил на том языке, который когда-то знал. — Я пошёл... другим путём.

Иван Сергеевич переспрашивать не стал, пусть он совершенно ничего не понял. Но, что было куда страннее, он даже не отреагировал на самочувствие Мериона, хоть тот и сам на него не реагировал. Всё же Иван Сергеевич — врач, и для него это было почти преступлением. Однако Мерион об этом не думал.

— Так значит, ты тренировался больше половины жизни, чтобы постичь ту мощь, которую ты имеешь сейчас, — утвердил Иван Сергеевич.

— Да, — ответил Мерион, после того, как умыл лицо и вновь закрыл кран. — Но вы даже и представить себе не можете, как я теперь об этом жалею.

Мерион повернулся лицом к врачу, в этот раз заглянув ему в глаза, в которых увидел лишь жадное любопытство.

— Но меня больше беспокоит то, как вы определили объём моей маны, — сказал Мерион, глядя со всей серьёзностью, этим подчёркивая, насколько важен ответ врача на вопрос Мериона.

— С помощью Митяя, — ответил Иван Сергеевич так, будто это очевидно. — Его техника маны позволяет ему всматриваться в ману, открывая ему в ней больше, чем любой, кому под силу увидеть ману. Но ты не волнуйся. Таких людей в академии исключительно мало. Далеко не всем техника и навыки управления маной позволяют увидеть уровень и колебания маны. А даже если это кто-то увидит, то вряд ли придадут этому значение, так как уровень маны в цивилизации магов мало что значит. Наихудшее, что может с тобой случиться — тебя примут за талантливую хвастуна, который пальцем о палец не ударил, а получил такой объём маны, хотя вообще-то всем глубоко плевать. Мало кто, кроме меня и моих практикантов, знает, что такой объём магии тотально экстраординарен. Но даже в моих палатах соблюдаются правила больниц. В частности, я имею в виду право личной информации пациента и неразглашения о ней. Я уже не мало болтунов лишил стипендии вовсе, поэтому Митяй и другие будут думать, прежде чем рассказать личную информацию о пациенте своим друзьям, чтобы шокировать или рассмешить их.

Мерион нахмурился.

— Так и всё же, — заговорил он об интересующей его теме. — Зачем вам имперусы?

Иван Сергеевич отвёл взгляд и приставил руку к подбородку.

— Они обладают такой силой, которая неподвластна никому из людей, — говорил врач серьёзным тоном. — Никому. Ты всю жизнь тренировался, но я всё же сомневаюсь, что ты сумел достичь такого непревзойдённого уровня. Могущество одного имперуса могло бы решить множество земных проблем, однако их интересует лишь набор силы и бесконечные войны. Таковы они по натуре. Мне нужен имперус. Их энергия, — я в этом не сомневаюсь, — станет ключом к эволюции человека как воюющего и бытующего вида. И я очень хотел бы, чтобы ты мне помог с этим.

Мерион удивился. Он приподнял одну бровь.

— Я? Помочь? Чем же я... могу помочь вам? — искренне непонимающе спросил он. — Если вы говорите, что равных им нет, то в чём же я вам помощник.

Врач вновь взглянул на него.

— Во-первых, из людей, встреченных мной, ты наиболее близок к ним по строению энергии и внутренней мощи, чем ты и сможешь мне в исследованиях, — ответил без обиняков Иван Сергеевич. — А во-вторых, опять же, твоя мощь поможет нам отловить одного из них. И истребить остальных.

Мерион раскрыл глаза в шоке.

— Истре-... Истребить?

— Да, их энергия обладает большой мощью и, — будь уверен, — принесла бы множество пользы, — говорил мужчина, — но сами имперусы используют её лишь для того, чтобы сеять хаос и развязывать войны. Очень печально и иронично, что энергия, которая обладает большим миротворческим потенциалом, сама же и породила столь отвратительных, воинственных и злобных существ. Я не могу этого стерпеть. Но сам я ничего сделать не смогу. Прошу тебя, Мерион. Я понимаю, что могу просить слишком много, но... Молю тебя. Когда выполнишь свою цель в академии «Перун», помоги мне сделать этот мир лучше.

Мерион не стал отвечать. Иван действительно просил слишком многого от необычного, но всё же простого человека. Да, он — Мерион — чуточку сильнее прочих, но разве же можно ставить его в один ряд с чуть ли не божествами? Даже при том факте, что человек, который много лет изучал ману, с уверенностью говорит, что он — Мерион — наиболее близок к их силе.

— Я... — начал говорить он. — Я... подумаю.

Иван Сергеевич облегчённо выдохнул, будто ответ Мериона был положительным.

С тех пор прошло несколько дней. В тот же день Мерион смог выйти из больницы. Иван Сергеевич пообещал, что его тайна не выйдет в свет, но Мериону было не по себе уже от того факта, что ещё один человек в этом мире знает его настоящее имя. И что его только дёрнуло на такие откровения? То, что существа, на которых равнялся Мерион, существуют и в этом мире, хотя это было не так удивительно при том факте, что и на Земле существуют люди, магия и тролли. Мерион предположил, что если призадуматься, то он бы удивился куда сильнее, узнав, что имперусы существовали лишь на Касле. И всё же знать наверняка он не мог.

Мысль о том, что его настоящее имя стало известно, вызывала неприятный холодок. Это было не просто имя, это был ключ к его прошлому, к его истинной природе, которую он так тщательно скрывал. Возможно, это было отчаяние, желание найти хоть какую-то связь с теми, кого он считал идеалом, существами, чьи истории вдохновляли его на протяжении долгих лет. И вот они оказались реальны, здесь, в этом мире, который теперь казался ему одновременно и знакомым, и чужим.

Мерион часто сидел у окна в своём доме, глядя на суетливую жизнь Явинова, кипящую на улицах, хоть этот город и не был большим. Люди, столь многочисленные, — как бы это ни было удивительно, — спешили по своим делам, не подозревая о существовании имперусов, — существ, чей род был столь мал, однако могущество неизмеримо. Для них это был обычный день, обычная реальность. А для него? Для него это был мир, где границы между фантазией и действительностью стёрлись, где его собственные представления о себе и о мире подверглись радикальному пересмотру. Он всегда считал, что его мир, Касл, был уникален в своём роде, но теперь эта уникальность казалась иллюзией. Если имперусы существуют здесь, то почему бы не существовать и другим существам, которых он встречал и убивал как за мелкий заработок, так и за приличные суммы? Страх смешивался с каким-то странным возбуждением. Это было похоже на пробуждение после долгого сна, когда реальность оказывается куда более яркой и многогранной, чем казалась в воспоминаниях. Но вместе с этим пробуждением пришло и осознание уязвимости. Его прошлое, его секреты, теперь были не только его собственными. И это знание, как острый осколок, впивалось в его сознание, заставляя его задуматься о том, что же будет дальше.

На следующий день после выписки Мериона из «Мед-отдела» он столкнулся с несколькими людьми. Одним из них был Костя, который предпочёл делать вид, что Мериона не существует, хотя тот знал, что Костя прекрасно видит его. За ним, — всё это происходило до первого занятия, — Мерион столкнулся со Строком.

— Ты как? — спросил куратор сухо, но обеспокоенно.

— Я... всё хорошо, — ответил Мерион по-солдатски, после чего прибавил «сэр».

— Отлично. Как я понимаю, Костя выжал тебя досуха своей бесцеремонной и, без всякого сомнения, подлой атакой, — говорил куратор. — Если тебе придёт в голову отомстить ему, то не беспокойся, он уже наказан. А теперь я пойду. Поспеши на «Элементоведение». И не перенапрягайся.

Мерион кивнул.

— И ещё, — добавил Строк. — Многие преподаватели жалуются на то, что ты не посещаешь занятия.

— Как не посещаю? — удивился Мерион.

И ведь он действительно посещал все занятия, которые были в расписании. Он ещё ни одного не пропустил.

— Ну вот так, — ответил Строк. — В общем, не буду тебя лишней раз отчитывать. Ты, я верю, парень умный, а потому сам всё понимаешь. Не плачь мне потом, если не сдашь экзамены. Всё, я побежал.

И куратор тут же ушёл в ту сторону, откуда пришёл Мерион. Последний же не понимал, о чём тот говорит. Он ведь даже не сказал, кто именно жалуется.

Позже Мерион по дороге встретил Нику. Она также направлялась в кабинет «Элементоведения». По дороге они разговорились. Мерион шёл прямо и вдумчиво, а Ника шла вразвалку, расслабленно скрестив руки за головой и прикрыв глаза, блаженно ухмыляясь.

— Виатрист делает вид, будто меня нет, — сказал Мерион, как бы подчёркивая и высмеивая этот факт.

— Его можно понять, — говорила Ника. — Мало того, что он был опозорен твоим «твёрдодушием», так ещё и был отчитан и наказан.

Мерион повернулся к Нике.

— А как его наказали? — спросил Мерион.

— Оштрафовали на десять процентов стипендии, — утвердила Ника. — Ты в группе вообще сидишь? Я не пойму.

— Я ни одного занятия не пропустил.

— Ну да, конечно, не пропустил, — сказала Ника.

Ника это, по всей видимости, приняла как аргумент. Разумеется, Мерион сидит в группе. Что он, один, что ли, сидит на уроках?

Отсидев урок «Элементоведения», — сегодня группа проходила тему «агрессивное состояние элементов», — Мерион направился в столовую. Там он наткнулся на Катю и позволил ей вдоволь «поохать» над тем, какой Мерион, — а точнее, Миша, — несчастный, так ещё и здоровье у него слабое.

— И как только преподаватели такое допускают? — возмущалась она. — Это надо было предотвратить сразу же, как только на то появились предпосылки.

Мерион бы соврал, если бы сказал, что он об этом не задумывался. Но тут, — он в этом не сомневался, — дело было в том, что Строк хотел в чём-то убедиться. Мерион не имел понятия, в чём именно, но лишь это объясняло, почему он и Гер-Саньч даже не попытались остановить Виатриста.

— А откуда ты вообще об этом всё знаешь? — спросил Мерион у Кати. — Тебя же там не было.

— Слухи быстро расходятся, — ответила Катя так, будто Мерион сам должен был догадаться. — Ты будто первый день живёшь в обществе, Миш. Скорее всего кто-то из твоей группы проболтался об этом ребятам с другой группы, ну а дальше... — Катя вздохнула и провела пальцем по столу, стерев несуществующую пыль, — сарафанное радио.

Мерион ничего не ответил, а лишь отвёл взгляд и облокотился об стол, подперев голову о кулак. Так вот как быстро разлетятся слухи о настоящем лице Мериона, если кто-то об этом узнает и расскажет хоть кому-то. Мерион и раньше был знаком со слухами, однако в его мире они не были так сильно распространены из-за того, что у его народа были немного другие принципы, и они были куда устойчивее. А тут это стало самой настоящей заразой. Такое явление, как «сарафанное радио» представляло для Мериона огромную угрозу. Угрозу для его тайны.

— Ну ничего, — сказала Катя непринуждённым тоном. — Вот уже скоро турнир начнётся. Тогда можно будет отвлечься от всего.

— А? Турнир? — удивился Мерион.

Он совсем забыл про него. Быт и размышления так сильно захватили его, что турнир, который вроде бы должен был интересовать его точно так же, как и другого студента, совершенно вылетел у него из головы.

— Ты что, и про турнир не слышал? — уже была готова уронить челюсть Катя.

— Да не, слышал конечно, — ответил Мерион. — Просто я не думал, что он будет так скоро.

— Вообще, он должен был состояться в ноябре, — Катя откинулась на стуле и уставила взгляд куда-то в стену. — Но его почему-то решили приблизить. Понятия не имею, почему.

Катя что-то ещё говорила, но Мерион уже не слушал. Турнир. Это отличный способ выяснить, насколько способны маги Земли. Всё же, он не забыл свою цель. После инцидента с Костей, он сомневался в их силе и мысленно паниковал. Он уже представлял себе арену, заполненную зрителями, искрящиеся заклинания, грохот стихийных сил. Каждый поединок — это не просто зрелище, но и ценный источник информации. Как они используют свои способности? Какие школы магии преобладают? Есть ли среди них те, кто способен противостоять угрозе, которая, как он чувствовал, неотвратимо приближалась? Мерион сжал кулаки. Он должен был найти ответы. И этот турнир, казалось, был единственным шансом. Он уже предвкушал, как будет анализировать каждый бой, каждую стратегию, каждое проявление силы. Возможно, среди этих магов найдётся тот, кто сможет стать ключом к спасению. Или, по крайней мере, даст ему надежду...

Глава пятая

«Группа»

В следующие недели в академии не происходило ничего необыкновенного. Только вот Мерион стал замечать, что его группа стала относиться к нему куда дружелюбнее, чем раньше. Неужели на это повлиял «поединок» с Костей? Или так было всегда, просто Мерион этого не замечал? В любом случае, учиться, как минимум, во второй подгруппе первого «БТ» ему стало куда приятнее. Ребята со второй подгруппы, которых он начал запоминать, стали с ним здороваться: девушки махали руками, — а кто-то и в обнимку, — а парни жали ему руку. Достойным хватом из них, кстати, обладал лишь Семён.

Мерион, поначалу смущённый таким вниманием, постепенно привыкал к нему, а затем и вовсе начал получать удовольствие. Он стал чаще улыбаться, отвечать на приветствия, а иногда даже сам заводил разговор. Оказалось, что у многих ребят из его подгруппы были свои интересные истории, увлечения и даже забавные привычки. Он узнал, что Вика Миронян, та самая, что всегда махала ему рукой с такой энергией, что казалось, будто она вот-вот взлетит, на самом деле была заядлой любительницей аниме и могла часами рассказывать о своих любимых персонажах, а Мериону она почему-то дала очень странную кличку — «Тоджи». Мерион не понял, хотя имя это он от неё уже слышал. Вроде как, он и Мерион носят похожую одежду, хотя он не был в этом уверен.

А Антон Бельгельмир, который всегда первым протягивал ему руку, оказался талантливым музыкантом, играющим на гитаре в рок-группе.

Единственный, кто остался по-прежнему холоден к Мериону, — это Костя. И, честно говоря, его, Мериона, это устраивало, ибо ему больше совершенно не хотелось с кем-либо конфликтовать. А с этим человеком по-другому было невозможно держать контакт. По крайней мере, Мериону это не удавалось.

Семён оказался не только сильным, но и удивительно рассудительным парнем. Особыми эрудицией и элегантностью он не блеснул, но, тем не менее, мог задумываться и рассуждать. Он часто подходил к Мериону после занятий, чтобы обсудить лекции или просто поговорить о жизни. Мериону в такие моменты приходилось выдумывать события из своей жизни или адаптировать истории из Касла, будто они происходили на Земле. Чувствуя себя лжецом, Мерион стыдился того, что Семён был с ним искренен. Но всё же от общения с ним положительные впечатления пересиливали отрицательные.

Их беседы часто затягивались, и Мерион с удивлением обнаруживал, что у них много общего. Они оба часто задумывались о прошлом и будущем, что для Мериона имело несколько иное, более мрачное значение. И всё же ему нравилось позитивное мышление Семёна.

— А я вот отучусь в академии и буду заниматься магическими животными, — говорил он мечтательно. — Буду защищать жителей деревень от самых опасных из них, а мирных буду содержать, кормить и обучать командам, чтобы они приносили пользу.

Грёзы гиганта-Семёна не могли не умилять мрачного, удивительно, что открывшегося людям Мериона Ворха.

Также он стал замечать, что его успеваемость тоже улучшилась. Он стал более внимательным на лекциях и чаще выражал мнение в обсуждениях, тем самым зарабатывая более лучшие оценки.

И однажды произошло кое-что, что немало удивило Мериона: в один из самых неожиданных для него моментов на его «М.И.Д.А.С.» пришло уведомление о том, что он набрал пять звёзд, допускающих его к «Турниру могучих магов». Мерион уже совсем забыл о том, что кандидатам на место в турнире нужно было собирать оценки преподавателей. Однако он придал этому мало значения. Он был слишком уж зациклен на учёбе, чтобы задумываться об участии.

Учёба, которая раньше казалась ему маской для сокрытия в толпе и совершенно не нужной вещью, теперь приобрела новый смысл. Он чувствовал себя частью чего-то большего.

Иногда Мерион ловил себя на мысли, что он скучает по тем временам, когда был одинок в этом большом и совершенно незнакомом мире. Но потом он вспоминал Стаса и своих одноклассников, дружеские объятия и крепкие рукопожатия, и понимал, что ни за что не променял бы это на прежнее одиночество.

А ведь он даже не подозревал, что так быстро подружится с ребятами, ведь не планировал к ним привязываться. Мерион осознал, что раньше рассматривал как своих одноклассников, так и магов Земли в целом, в качестве пушечного мяса, которое тщетно бы попыталось спасти этот мир. Он всё ещё был не уверен в магах как в боевых единицах, но он осознал, что, несмотря на то, что маги на Земле считаются особенными, они такие же люди, как и Стас с его семьёй, как и его коллеги на прошлой работе, как и все его друзья и близкие с Касла.

Шёл урок «Истории магов». Этот урок прослыл скучным среди студентов, однако Мериону было очень интересно слушать Виктора Игоревича о магах прошлых поколений, их достижениях, открытиях, вкладах в магию и неудачах, которые они потерпели. Было интересно слушать и о событиях, которые происходили в те времена. Слушая учителя, Мерион вспоминал события с Касла, ведь те времена на Земле очень сильно напоминали его родной мир, каким помнил его Мерион.

Виктор Игоревич, с его глубоким, бархатным голосом, рисовал картины давно минувших эпох, где магия была не просто наукой, а самой тканью бытия. Мерион, сидя на передней парте, чувствовал, как оживают страницы учебников, как пыль веков оседает, открывая перед ним яркие, живые образы. Он видел могущественных магов, чьи имена теперь звучали лишь в легендах; их битвы, что меняли ход истории; их поиски, что расширяли границы возможного.

Особенно завораживали Мериона рассказы о временах, когда магия была дикой, необузданной, когда её постигали методом проб и ошибок, когда каждый новый шаг был прорывом, а каждая неудача — горьким, но ценным уроком. Эти истории перекликались с его собственными воспоминаниями о его доме, — о тех днях, когда он, ещё совсем юный, пытался понять законы мира, где реальность была податливой, а воображение было самым мощным инструментом. Он помнил, как первые, неуклюжие попытки управлять стихиями оборачивались хаосом, как страх перед неизведанным боролся с неутолимой любознательностью. Теперь же он сидел в теле, наполненном силой, и делил его с магией, которой нет равных. Его труды, его поиски, его ошибки не пропали даром. Попытка за попыткой. Неудача за неудачей. Поражение за поражением. А позже настала пора, когда попытки, неудачи и поражения слились воедино, рассказав ему — Мериону — о том, что и как надо сделать. И Мерион сделал. Сделал нынешнего себя. Ничто не прошло даром.

Прозвенел сигнал об окончании урока. Это было оповещением о том, что последний урок в эту пятницу был окончен, уступая место блаженным выходным. На улице было уже темно. Виктор Игоревич довольно быстро собрал вещи и вышел из кабинета. Каково же было удивление Мериона, когда на его прежнем месте оказался профессор Строк. Он появился настолько

внезапно, что Мерион дёрнулся, когда увидел его стоящим прямо над ним, будто привидение. Его мешки под глазами, бледная морщинистая кожа, длинные спутанные чёрные волосы и невыбритость только усиливали образ. Так в этот момент куратор ещё и кинул взгляд широко раскрытых чёрных затуманенных глаз прямо на него, — он был на голову выше.

— Куда собрался? — хрипло и тихо протянул Строк, обращаясь к Мериону.

Мерион не ответил, а лишь уронил сумку, которую собирался повесить на плечо. Строк поднял взгляд на всех в кабинете. Никто из студентов второй подгруппы первого «БТ» не сидел на местах, а собирались вокруг куратора. Вот уже рядом с Мерионом по бокам от него стояли Семён и Ника — самые близкие ему люди в группе.

— Не суетите, прошу вас, — объявил куратор, откинув волосы назад, чем немного поубавил жути. Мерион всё ещё был под впечатлением. — Я, только и всего, пришёл лишь убедиться. Все, кто хотел, записались в кандидаты? На это осталось всего три рабочих дня.

— К-... К-кандидаты? — переспросил Мерион, отходящий от шока. — Какие кандидаты?

— В смысле какие? — удивился Строк, будто речь шла о сегодняшней свежей новости.

— Кандидаты на «Турнир могучих магов».

Мерион шокировано раскрыл глаза.

— То есть как? — удивлённо промямлил Мерион, стоявший ближе всех к Строку. — А где об этом нужно было узнать?

— О чём именно?

Строк смотрел на него с подозрением.

— Ну-у... о подаче кандидатуры.

Пока у Мериона на лице было недопонимание и откровенный стыд за то, что он, по всей видимости, пропустил важную информацию, которой владели все, на лице Строка читалось недопонимание из рода подозрения в преступлении, что ещё сильнее угнетало парня. В это время от Семёна и Ники, стоявших по обе стороны от него, веяло напряжением и тихой злобой.

— Я ведь говорил об этом ребятам с вашей подгруппы, — насторожённо протянул профессор. — Я точно это помню. Разве вы... не должны были скинуть это в «группу»?

И снова это слово. «Группа». Мерион уже понял, что речь шла не просто о сообществе студентов подгруппы. Имелось в виду что-то другое, чего Мерион не понимал.

— Сэр. Миша, — обратилась к Строку и Мериону Ника, пыщающая сдерживаемым гневом. — Я каюсь за то, что не узнала этого раньше, однако...

— ...с самого начала... и до сегодняшнего дня, — продолжал за неё Семён, чей тон был напротив спокойным, — Михаил Ворохов был единственным... кто не состоял в «общем чате». Даже трое отсутствующих там есть. Честное слово, мы с Хвостенко узнали об этом только сегодня.

— Миша не посещал многие занятия чисто из-за того, что не знал, что они вообще есть, — чуть не рычала Ника. — Он пропускал собрания и классные часы, даже не подозревая о них.

— А мы думали, что он их не посещал потому, что ленился, — закрыв глаза и опустив голову, говорил Семён. — Пропуск занятий ведь не запрещён в академии. Но и его вины в этом, в том числе, не было.

Теперь до Мериона дошло. Общий чат подгруппы. Вот о какой группе говорила Ника. И вот о каких пропусках говорил Строк. Так вот оно что. Всё это время всю информацию выслали в этот общий чат, а Мерион был единственным, кто не мог её отслеживать из-за того, что он в этом самом общем чате не состоял. Единственный из всей подгруппы. Как оказалось, всё это время его подгруппа, не осознавая этого, пользовалась его неосведомлённостью в функциях и порядках этого мира.

Так вот чего всё это стоило. Мерион сдружился со всеми, но никто из студентов даже не думал дружить с Мерионом. От чего тогда весь этот фарс? Чтобы что?

Из шокированного лица Мериона приняло хмурый вид. Он смотрел в пол, под ноги Строку пустым взглядом. Всё это время ни его доклады и лекции, ни его хорошее отношение — ничего из этого не имело никакого смысла. Он чувствовал себя обманутым, словно его использовали в чьей-то игре, правила которой он не знал. Все эти улыбки, дружеские подбадривания, совместные обсуждения — всё это было лишь ширмой, за которой скрывалась холодная реальность его изоляции. Он был чужим, даже когда думал, что стал своим. Его вклад, его старания, его искренность — всё это оказалось невидимым, неважным, потому что он не был частью этого невидимого канала связи, говоря и об общем чате, и о коллективе в целом.

Куратор объяснял Мериону, что нужно делать, чтобы подать кандидатуру на участие в турнире. Мерион слушал это, поглощал информацию и просто кивал в конце каждого пункта инструкции, даваемой профессором.

Как только он закончил, Мерион поднял сумку с пола и направился к выходу умеренно скорыми шагами. Как же это так? Люди, которым он — Мерион — только доверился, как оказалось, были далеки от него и даже не думали сблизиться. Хорошее отношение, но на дистанции. «Не приближайся к нам, и мы дальше будем тебе улыбаться.» Наверно, они там, в общем чате, потешаются над ним: «Какой же он тупой!», «Лол», «Ну и бездарь», «Ржачный тип.» Да он — Мерион — способен одним касанием на просто уничтожить любого из студентов академии. Показушники. Ничего из себя не представляют, а сами гонора наводят. Ничтожества. Никчемные твари. Маги-недоучки.

Он сжал кулаки, чувствуя, как под ногтями проступают белые линии. Эта мысль, словно ядовитый плющ, обвивала его сознание, вытесняя все остальное. Они видели в нем лишь забавную игрушку, которую можно использовать, пока она не надоест. А потом — на свалку, к другим сломанным вещам. Он, Мерион, обладающий силой, способной перевернуть этот мир, оказался для них лишь очередным объектом для насмешек.

Он вспомнил их глаза — пустые, оценивающие, лишённые искренности. Слова, которые звучали так дружелюбно, теперь казались фальшивыми, как дешёвая позолота. Они играли в свою игру, а он, наивный дурак, поверил в их маски. Он чувствовал, как внутри него поднимается волна ярости, горячая и обжигающая. Эта академия, эти стены, которые должны были стать его домом, теперь казались тюрьмой, наполненной лицемерием и предательством.

Он остановился у двери, прислушиваясь к звукам, доносившимся изнутри. Смех, приглушенный, но отчётливый. Их смех. Он представил, как они перешёптываются, обмениваются колкими замечаниями, наслаждаясь своей иллюзией превосходства. Он — Мерион — не был для них равным. Он был чужаком, ошибкой, которую они терпели.

Дойдя до дома, Мерион выбросил сумку и ударил по самой ближней стене. Поднялся оглушительный рокот. Стена была разнесена по кусочкам. Это была стена между гостиной и спальней. Мерион тяжело дышал, диким взглядом глядя в проделанную дыру. Только так он мог усмирить свой гнев. Ту ярость, которая горячим кипятком поднималась по его глотке и обливала все мышцы и кости, просто не позволяя не применить силу на первом попавшемся объекте, живой он или нет.

Так он стоял у этой дыры, повесив плечи и согнувшись, около тридцати минут, перебирая мысли, ядом обжигающие его мозг. Чем больше он думал, тем сильнее становился его гнев. Это была та причина, по которой Мерион старался не злиться, а по возможности вообще не контактировать ни с кем, ведь всё сводилось именно к этому. На месте этой стены мог быть кто угодно. Кто угодно. Проблемой, от которой Мерион так и не смог избавиться за два с лишним века своей жизни, была ненависть, спящая в его теле и мане и жадно ищущая врага, которого можно насадить на клык и разорвать в клочья.

Спустя какое-то время Мерион опомнился. Он поднял руку в сторону стены и попытался плавно провести ей по воздуху. У него это не получилось. Кусочки кирпича лишь слегка затре-

пыхались, а самые маленькие из них приподнялись над полом. Мерион, оставив эту затею, бесильно уронил руку, а позже и сам повалился на колени. Его же собственный гнев выжал его, как мокрую тряпку. Объём его энергии и мощь его тела никуда не делись, но он совершенно не мог собраться с действиями, чтобы направить свою силу куда-либо, кроме разрушений. Всё-таки Иван Сергеевич не был прав. Мерион *сравнился* с имперусами.

Так Мерион пробыл в полном отчуждении, бессильно и неподвижно лёжа на полу, весь этот вечер и весь следующий день. А вечером следующего дня в его дверь постучали. Сначала Мерион не хотел вставать и даже выкрикнуть бы что-то вроде «Не принимаю гостей!» не потрудился, но в дверь стучали так яростно и настойчиво, что парню ничего не оставалось, кроме как встретиться лицом к лицу с нарушителем его отрешённости.

Мерион, пока вставал, не обратил абсолютно никакого внимания, что правая половина его тела стала ватной, а левая, на которой он лежал, — вовсе онемела. Доковыляв до двери, Мерион не с первого раза открыл её. За ней стояла Катя. Та самая светловолосая, низкая, милая девушка, которая так заботливо относилась к нему. Остатки гнева, точно тлеющие угольки, всё ещё догорали в душе Мериона, и он мог их выплюнуть в кого угодно, но только не в неё.

Увидев растрёпанного Мериона, волосы которого самопроизвольно распустились, под глазами образовались мешки, на лице остались морщины, а кожа побелела, она с ужасом охнула.

— Боже, что с тобой? — искренне обеспокоенно вытянула она.

Она судорожно схватила Мериона за лицо и стала разворачивать его туда-сюда, оглядывая его, а после — потрогала лоб губами.

— Тебя что, избили? — волнуясь голосом спросила она. — Ну ты чего? Не молчи.

Мерион хотел было что-то сказать и открыл рот, но с его губ слетели только перемешанные хрипота и бульканье.

— Да... ничего, — прокашлявшись, отмазался Мерион.

Он не хотел ввязывать Катю в свои неприятности. Не хотел ей навязывать свои чувства. Не хотел вовлекать её в свой гнев, ибо он по-настоящему ужасен.

— А ну-ка... — сказала она и вторглась в дом. — Боже ж ты мой!

Взгляд Кати был устремлён в разрушенную стену. Мерион ничего не выражал, а лишь, сунув руки в карманы, вразвалку последовал за ней.

— Что здесь произошло?! — кричала она от шока.

— Ну... вообще-то, — протянул Мерион, почесав свой затылок.

Он хотел что-то выдумать, мол по стене трещина пошла, и она обвалилась. Но все его идеи, связанные со сломанной стеной были бредовыми. Иначе не скажешь.

— Ну... там такая история, — всё ещё неуверенно тянул резину Мерион.

— Какая история?! — продолжала шокировано кричать Катя. — Миша, эти стены непробиваемы! Их нельзя разбить, даже приложив мощные магические усилия! На такое способны разве что Берник да Нижегород! Даже Атлас на такое не способен!

Мерион пожал плечами. Он не знал, что ответить. Было очевидно, что это сделал он, кто же ещё. Неужели он — Мерион — сейчас расскажет, как и лучшая студентка, и губернатор разом вошли к нему в дом и стали наезжать? Да кто ж в это поверит? Даже если бы это было правдой.

Катя перестала кричать. Она лишь подошла и прижалась к торсу Мериона, обхватив его руками, доставая макушкой до подбородка парня. От неё очень приятно пахло. Особые духи?

— Миш, расскажи мне, — тихо заговорила она. — Что произошло?

Мерион в порыве нежности сначала хотел обнять Катю в ответ, но затем его что-то смутило. Он потрогал голову и обнаружил пропажу. Легонько оттолкнув Катю, он метнулся к густому ковру и стал шариться по нему в поисках ленты.

— Да тут правда ничего серьёзного, — параллельно поиску оправдывался он. — Суший пустяк, честно. Раздул из мухи слона, да и всего-то.

Катя сначала отшагнула назад, а затем подошла к Мериону, опустившись рядом с ним на одно колено. Она указала пальцем на дыру.

— Это вот такие у тебя слоны? — спросила она уже с претензией. — Нет, Миш, ну я понимаю, что злоба — она та ещё сука, но до такого, на моей памяти, ещё никто не доходил. Сломать магически укрепленные продвинутым заклинанием стены. Это ж надо!

Затем Катя немного зачерпнула из ковра рукой и достала оттуда заветную ленточку. Мерион сначала нежно взял её в руки, перевёл взгляд с неё на Катю, а потом на стену, а затем завязал волосы, глядя на дыру.

Мерион встал с колен. Он решил, что сделает это. Направив руку в сторону дыры, он плавно повёл её. Пальцы, как и нужно, шли за ладонью с опозданием, вычерчивая гибкие и закольцованные линии в воздухе. В этот раз в воздух взлетели все куски: и большие, и малые, и самые крохотные, и даже пылинки. Каждый кусок вставал на своё место, приклеиваясь к другим кускам и к стенкам дыры, а за ними последовали штукатурка, а за ними уже и обрывки обоев. Остановил и плавно опустил руку Мерион тогда, когда на дыру в стене не было и намёка. У Кати отвисла челюсть.

— Это... Это твоя техника? — удивлённо прошептала она, всё ещё сидя на коленях.

— Нет, — воодушевлённо утвердил Мерион, повернувшись к ней с улыбкой на лице. — Обычное заклинание возврата. Даже, ей богу, не продвинутое.

И затем Мерион рассказал Кате всё, что его встревожило. Всё, что у него было на душе. Она была идеальным слушателем: выражала те эмоции, которые нужно и когда нужно. А в конце она уже хотела, что было видно по её лицу, полить грязью одноклассников Мериона, но она с объективной точки зрения не могла не признать, что это могло быть просто затянувшейся ошибкой, чьей жертвой стал Мерион, хотя на его месте мог быть кто угодно. Сейчас, когда Мериону удалось остыть, он не мог с этим не согласиться. Но всё же у него остался очень неприятный осадок.

Он смотрел на Катю, на её внимательные глаза, в которых отражалось понимание, и чувствовал, как тяжесть постепенно отступает. Но даже эта поддержка, эта искренняя эмпатия не могли полностью стереть ощущение несправедливости. Ему ведь было, в сущности, всё равно, сколько он занятий пропустил. Ему было больше от того, что он думал, будто он — часть компании, а в итоге его не позвали туда, где были они все и всегда, обсуждая всё без его — Мериона — участия. Это было похоже на рану, которая вроде бы затянулась, но под тонкой корочкой всё ещё ныло и болело. Мерион понимал, что Катя права. Объективно, да, это могло быть стечение обстоятельств, нелепая цепочка событий, где он оказался не в том месте и не в то время. Но это не отменяло того факта, что именно он стал тем, кого задело. И это «кто угодно» всё равно ощущалось как «именно я».

Он провёл рукой по волосам, пытаясь унять внутреннее беспокойство. Слова Кати, хоть и были мудрыми и взвешенными, не могли полностью заглушить тот тихий, но настойчивый голос внутри, который шептал о том, что что-то не так. Эта мысль, как назойливая муха, кружила вокруг, не давая покоя. Он знал, что нужно двигаться дальше, отпустить эту ситуацию, но как это сделать, когда след остался таким глубоким? Он чувствовал себя уязвимым, словно обнажил душу перед Катей, а теперь эта обнажённость казалась ему не силой, а слабостью, которую он не мог полностью скрыть.

В понедельник Мерион, вместо того чтобы пойти на занятия, пошёл в «студкомиссию» для того, чтобы подать заявление на участие в турнире. Всё-таки, это было не обязательно, но для него это теперь стало навязчивой идеей. Инфантильной идеей. В нём проснулся азарт, который он испытывал от предвкушения битвы с опасным зверем, на которого он держал заказ. Тут дело не в наживе, не в наградах, а в самой идее. Идее битвы.

Добравшись до нужного кабинета, — это был четвёртый этаж, — Мерион постучался и вошёл внутрь.

— Вы хотите подать заявление на участие в турнире? — раздался тонкий девичий голос, как только Мерион оказался внутри.

Перед ним на дистанции стояла стройная улыбающаяся девушка со светло-русыми волосами, туго заплетёнными в косу, и в деловом костюме, держа в руках планшет. Электронный планшет.

Мерион лишь кивнул. Девушка потыкала в своём планшете, а затем подошла к Мериону и отдала планшет ему в руки. В планшете был документ.

— Запишите свои фамилию, имя и отчество здесь и здесь, — она указала на пустые поля в документе, — а здесь поставьте свою роспись, — она обвела пальцем маленькое пустое поле в самом низу.

Мерион сделал всё как сказано, а затем отдал планшет обратно. Девушка пробежала по нему глазами, а затем угукнула и кивнула, улыбнувшись ещё шире.

— Так, хорошо. Следуйте за мной, — она выскочила из кабинета.

Мерион второпях последовал за ней. Поднявшись на этаж повыше, они оба вошли в другой кабинет. То был довольно просторный, малообставленный кабинет с белыми стенами. В нём по краям стояли лишь несколько шкафов и столов, за одним из которых сидела женщина. Она выглядела уже постарше, но, ввиду замедленного маной старения, разумеется, её возраст определить было трудно. Выглядела она, по меркам Земли, лет на сорок.

— Ещё один на турнир? — сухим голосом спросила женщина, даже не взглянув на вошедших.

Девушка вновь угукнула и проследовала к столику женщины. Мерион поплёлся за ней, параллельно осматривая кабинет.

— Аппарат свой включи, — сказала женщина, поднося свой «М.И.Д.А.С.» к «М.И.Д.А.С.'у» Мериона.

Последний включил дисплей, и из аппарата женщины раздался писк.

— Так, подключено, — протянула она, посмотрев на вылезшее окно. — Присядь-ка.

Женщина указала на стул. Мерион послушно плюхнулся.

— Посжимай кулачок.

Мерион начал медленно сжимать и разжимать кулак.

— Мгм, так, а теперь напряги руку.

Мерион напряг руку полностью. Все его суставы защёлкали. Женщина взглянула на руку Мериона, но затем перенесла взгляд на голограмму. После этого Мериону сказали напрячь по отдельности пресс, грудь, спину, ноги, шею, а затем всё тело разом. Также Мерион нанёс несколько лёгких ударов по воздуху.

— Так, а теперь, — говорила женщина, — покажи свою технику.

Мерион почесал затылок.

— Нужно произвести какое-то действие? — поинтересовался он.

— Нет. Достаточно будет показать её визуально, — ответила женщина. — Только лучше отойди.

Мерион подошёл к центру комнаты и глубоко вдохнул, закрыв глаза. Давно он не применял активную технику. Он поставил ладони на грудь, не касаясь её. Медленно двигая ладони

вниз, он начал со свистом выдыхать через зубы. Опустив ладони вниз, он развернул их и медленно расставил по разным сторонам, поднял правую ногу, а затем пристукнул ей по полу, а ладони резко сжал в кулаки и согнул в локтях, поставив их по обе стороны на разных уровнях. Всё тело Мериона загорелось ярким пурпурным пламенем, а от него по комнате разошлась волна воздуха, продолжая расходиться от Мериона к стенам и потолкам. Продолжалось это, однако, недолго. Пламя поутихло, но не потухло, продолжая спокойно тлеть на теле Мериона, уже не разнося по комнате воздушный поток, раздражавший безмятежность лежащих на столе бумажных документов.

Женщина от мимолётного изумления вытянула лицо, а девушка так и вовсе разинула рот. Женщина записала в планшете что-то, а затем махнула рукой. Мерион усилием воли полностью погасил пурпурный огонь.

— Так, хорошо, — сказала женщина. — Можешь идти.

Мерион кивнул и вышел из кабинета. Прикрыв дверь, он услышал что-то вроде: «У него даже ни капли маны не ушло на это.» Мерион пошёл прочь от двери, украдкой ухмыляясь. Всё-таки прикольно, думал он, быть особенным.

Однако всё его настроение стало стремительно падать, как только он подошёл к двери кабинета, где у его подгруппы должно было проходить занятие. Потянувшись к ручке, он вдруг остановился. Что-то не позволяло ему открыть дверь и войти внутрь. Что-то его останавливало. Слегка потупившись, он ещё раз потянулся к ручке, но остановил руку и бессильно опустил её. Нет. Он не был готов. Засунув руки в карманы, Мерион развернулся и пошёл по коридору.

Завернув за первый же поворот, Мерион чуть не столкнулся с Михановым.

— Ты куда это? — спросил он у Мериона.

— Да так, — ответил Мерион, у которого вообще отпало всякое желание с кем-либо общаться.

— У тебя ведь сейчас занятие, да? — спросил учитель.

Мерион кивнул. Не было смысла отмазываться. Он наверняка и так всё знает.

— И почему ты сейчас не там? — спросил Миханов. — У меня сложилось впечатление, что ты не пропускаешь занятия.

Мерион поднял голову на лицо Миханова.

— Так у вас я ещё не пропускал? — спросил Мерион.

— А ты что, учёт ведёшь? — усмехнулся Миханов. — Или хочешь рекорд академии побить? Вообще-то, самый яркий прогульщик, который у нас был, посетил только одно занятие за все пять лет обучения, не считая экзаменов. И, можешь ли ты себе представить, ни один не завалил. Настоящий феномен. Или же это был профессиональный маг, который просто решил поиздеваться над Атласом.

— А за что ему издеваться над Атласом? — спросил Мерион, слегка облегчившись. — Он настолько известен?

— О-о, представь себе, да, — посмеиваясь, сказал Миханов. — Мало того, что он, как ты знаешь, директор единственной академии магов, — а, соответственно, безызвестным быть просто не может, — так ещё и в кругах магов позиционирует себя сильнейшим магом в мире.

Мерион был удивлён. По Атласу-то и не скажешь, что он — сильнейший маг Земли.

— Почему он так о себе заявляет? — спросил Мерион.

— Да шутки ради, — ответил Миханов. — Сильнейший он, или нет, одному богу известно. Хотя попытки тех, кто пытался это опровергнуть, с треском провалились. Всё-таки, так или иначе, он действительно силён. Кстати о силе. Я слышал, ты записался в турнир.

Мерион и не заметил, как они с Михановым пошагали по коридору.

— Уже слышали? — спросил Мерион удивлённо. — Но откуда? Я же записался буквально десять минут назад.

— Я очень дружу с Любовью Харитоновной, — сказал Миханов. — Это та, что анализирует тело и ману через «М.И.Д.А.С.». Говорит, ты произвёл такую мощную технику и не потратил на неё ни толики маны. Ты можешь поделиться секретом?

— Да тут и секрета нет, — ответил Мерион. — Я ведь активировал технику, а не воспользовался ей.

— А что, в данном случае есть разница?

— А разве нет?

Мерион и Миханов переглянулись и остановились. Они были в шоке друг от друга. С одной стороны, преподаватель, который около века обучает студентов одной из ветвей маны, а с другой — один из этих самых студентов, который сейчас поделился с преподавателем тем, чего он не знал.

— Так, погоди, — выставил руку учитель. — Как это «активировал, но не использовал»? Разве активировать технику не значит уже её использовать?

— Ну, вообще-то не значит, — усмехнулся уже Мерион. — Активировать технику — это поставить технику на изготовку, открыв для неё резервуары маны, но не соединяя и выпуская, а лишь соединяя их.

Мерион подставил перед собой указательные пальцы.

— Смотрите, вот мана, — Мерион показал левый палец. — Вот техника, — он показал правый. — Когда вы *используете* технику, — Мерион соединил два пальца поперёк, — вы их соединяете. А когда *активируете*, — он поставил правый палец выше левого, — вы готовите ману для техники, но не вливаете её. Необходимо внушить себе, что вы вот-вот *используете* технику, но не использовать её в действительности. Это, к слову, очень сильно увеличивает стартовую мощь техники, а также экономит время на её подготовку. Ведь если *использовать* технику сразу, придётся обойтись в один относительно долгий этап, что зависит ещё от техники. А *активировать* и *использовать* технику можно в два, но мгновенных этапа. По сути, обойтись не долгим изгибом, а двумя резкими переломами. В конце концов, техника — это действие, а мана — её топливо. Не пытаюсь произвести мгновенное действие, у вас получится сделать его ещё мгновеннее, имея, разумеется, хорошую реакцию — неотъемлемый аспект мага.

— Так значит, — рассуждал Миханов, — если убедить себя в том, что ты собираешься использовать технику, но при этом не используешь, она у тебя просто активируется? — Миханов всё ещё недоумевал. — Но почему тогда мана в этом случае не тратится? Она же выходит наружу.

— Вам это не понятно? — удивился Мерион. — Мне казалось, что только вам и будет предельно ясно. Так. Ману уничтожает кислород, это мы знаем. Ещё мы знаем, что кислород так или иначе сокращает производство маны, когда мы дышим, а ещё техники, не имея устойчивой формы, быстро разлагаются на воздухе. Только вот при *активации* техники мана не успевает разложиться из-за «циркуляции энергии» — процесса, который выполняет две функции: защита маны от разложения и её же разогрев для предстоящего *использования*.

Мерион знал, о чём говорил, ведь его мана одно время постоянно циркулировала. Такова была его тренировка: Мерион выпускал ману наружу, но не использовал её для чего бы то ни было. Этот процесс был крайне утомительным и быстро истощал тело юноши, однако он игнорировал боль и недомогание, которые его угнетали, давя на плечи, голову, колени и руки. Таким образом он в считанные годы сумел не только в два раза увеличить объём и мощь маны, но и смог улучшить контроль над ней и телом.

— Вот, смотрите, — сказал Мерион и выставил руку перед собой.

В его руке появился светящийся фиолетовым энергетический шар, который, на первый взгляд, очень быстро крутился. От него пошла малая воздушная волна, мощности которой хватило лишь на то, чтобы пошевелить короткую бороду Миханова и редкие торчащие волосы

Мериона, которые не были завязаны в пучок, в отличие от активизации техники Мериона на осмотре.

— Вам кажется, что этот сгусток маны крутится в своей оси, — объяснял Мерион, — в то время как на самом деле мана в этом сгустке «полоскутно» меняется, тем самым не убывая, но и не увеличиваясь. А также...

Мерион поменял положение ладони, переместив её поверх шара, и последний тут же упал на пол и отскочил от него обратно в руку, подобно теннисному мячику.

— ...пока я поддерживаю циркуляцию, он считается предметом, — продолжал объяснять Мерион, демонстративно роняя и ловя шар. — Не знаю, понимают ли это студенты и преподаватели факультета «Арсенальная техника», но у тех из них, кто создаёт оружие, используют именно этот принцип действия.

Мерион создал второй шар и стал обоими жонглировать.

— Я знал магов, которые используют техники маны в виде оружия, — говорил он, смотря на Миханова, — и они, по большей части, не умели создавать несколько предметов одновременно и, уж тем более, использовать другие техники маны параллельно оружию. Почему-то я в этой сфере оказался лучше них. Говорят, у меня талант к контролю маны. — Мерион поймал оба мяча, и они плавно поднялись в воздух над ладонями. — Вот, что будет, если перестать циркулировать энергию. — Новосозданный шар магии растворился в воздухе, оставив исчезающие следы фиолетовой магии. — А вот, что будет, если так же перестать её циркулировать, но последние «лоскуты» сделать агрессивными.

Мерион схватил шар энергии и выбросил его за спину в стену. Стена треснула, а в ней осталась вмятина. Миханов, который всё это время наблюдал за Мерионом с интересом, широко раскрыл глаза, а потом слегка приоткрыл рот и слегка втянул воздух. Очевидно, Мерион подумал, что он сейчас отчитает его.

— Ой, кажется... перестарался, — выдохнул Мерион с виноватым видом.

Он быстро повернулся к стене и так же быстро починил её соответствующим заклинанием. Мерион повернулся к Миханову, а тот не изменил выражения лица.

— Боже мой, — протянул он тихо. — Откуда ты всё это знаешь? Ты же только на первом курсе.

Мерион не знал, что на это ответить. Он отвёл взгляд в сторону и почесал затылок.

— Ну... Дело в том... — говорил Мерион неуверенно, пытаясь придумать, что ему ответить. — Дело в том, что я — не единственный маг в семье. Мой отец — маг, мой дед — маг. У нас все по мужской линии — маги. Каждый в поколении разрабатывает и находит в магии что-то своё и передаёт детям, а те, в свою очередь, делают то же самое и передают своим детям. Конкретно я ещё ничего не разработал, но стремлюсь к этому. То, что я вам показал, придумал мой пра-пра-пра-прадед.

— Ну и ну. Немногие семейные деревья могут похвастаться тем, что каждый ребёнок рождается с активной маной, — говорил Миханов.

— Что, кстати, удивительно, — продолжал разъяснять Мерион, — в нашей семье очень редко случаи, когда сын повторяет технику отца, хотя по идее это должно происходить куда чаще, если не совсем исключать случаи, когда техника разнится между отцом и сыном.

— Такие случаи бывают, — сказал Миханов, — но это, как ты и сказал, редкость. Странно, что в вашем роду это норма.

А ведь Мерион нигде не врал. Его семья, — не выдуманная на Земле, а настоящая на Касле, — действительно славилась тем, что врождённые техники, передаваемые от родителей к детям, не передавались по наследству, а открывались свои. Так все думали. Только вот правда была проще: члены рода Ворхов вообще не могли иметь врождённой техники, а формировали её сами с детства. Это, — по открытию того самого пра-пра-пра-прадеда Мериона, который всю свою жизнь изучал феномены магии, — как оказалось, происходило из-за того, что мана

каждого из наследников рода Ворхов была наиболее слаба к кислороду, что не только уничтожало всякий шанс передачи техники маны по наследству, но и лишало возможности контролировать ману на дальних дистанциях.

Однако взамен этого открывался потенциал к контролю и развитию маны, что позволяло наследникам рода Ворхов быстрее остальных осваивать её, что сыграло не малую роль в жизни и развитии Мериона, позволив быстрее натренировать её, чем если бы он не имел такой особенности энергии. И всё же Мериону пришлось очень тяжело тренироваться. Мало кому вообще были под силу тренировки, которые практиковал Мерион.

Дойдя до кабинета Миханова, тот пригласил Мериона выпить чай, раз уж тот «...совершенно безобразно и по-тунеядски сбежал с занятия.» Мерион не мог не согласиться. Это был самый приятный диалог за последние дни. Зайдя в кабинет, Мерион обнаружил тесноватую, по сравнению со всеми остальными кабинетами, но уютную комнату, обставленную так практично, что Мерион вспоминал выражение Стаса: «По фэнь-шую». Ни одной лишней детали, да даже пылинки найти было невозможно. Пол был покрыт белой плиткой, а стены были небесно-голубыми. Продолжили они диалог за столом преподавателя.

— Кстати, хотел спросить, — заявил Миханов с кружкой чая в руках. — Почему у тебя мана фиолетовая?

Мерион повёл глаза куда-то вверх по диагонали, а затем усмехнулся.

— Это, как раз-таки, и есть моя техника, — ответил Мерион и выставил ладонь. На ней появился сгусток фиолетового огня. — Вся её суть заключается в том, что она особым образом концентрирует мою ману... — Мерион запнулся. Его фантазия на мгновение закончилась. — И... смешивает... её... визуальным образом с... с солнечным цветом! Во, вспомнил, — кое-как оправдался он. — По правде говоря, совершенно бесполезная техника.

Миханов поднял бровь в удивлении.

— Это почему же? — спросил он.

— Да просто такая «концентрация» не на много увеличивает силу маны, — сказал Мерион так, будто говорит о какой-то раздражающей мелочи. — Можно сказать, что эта техника чисто косметическая.

«Сколько же я слов понабрался от Стаса», — подумал Мерион.

Миханов сначала раскрыл рот, застыл, а потом громко рассмеялся, еле как поставив кружку с чаем на стол, чуть не разлив содержимое.

— Так вот почему ты обошёл экзамены! — заявил Миханов, когда успокоил порыв хохота. — Ты побоялся, что тебя не возьмут из-за этого в академию?

Мерион, не зная, что ответить, лишь смущённо отвёл взгляд и заёрзал на стуле.

— Вот молодёжь. Всё вы только о силе думаете, — усмехаясь, сказал Миханов. — Это, конечно, совсем неизвестный факт, который не раскрывается, но экзамены отбирают молодых магов не по их магической мощи. — Миханов стукнул костяшкой указательного пальца по виску. — Они проверяют, насколько вы — пубертатные язвы — обделены мозгами. У них свои методы определения, и поверь, отсеивают они многих. Далеко не всех, но довольно многих. Всё же, к сожалению, существует и поехавшие на своей магии. Кстати, с пролетевшими поступают точно так же, как и с отчисленными.

— Вы про статус «Эготеист»? — спросил Мерион заинтересованно.

— Именно, — ответил Миханов. — Только вот директор заявил об этом мягко, я тебе так скажу. Когда ты — «Эготеист», регуляторы следят буквально за каждым твоим движением. Одно, хотя бы одно, не шучу, лишнее движение — и тебя вяжут. Вяжут и подвергают «головомойке». В безлюдных местах, разумеется.

— «Головомойке»? — удивился Мерион. — Что это такое?

— Заклинание, которым проникают тебе в мозг и очищают абсолютно от всех мыслей, подвергая адской боли, — говорил Миханов, с невесёлым видом устремив взгляд в стену. — По сути, ты временно становишься ходячим овощем, который не может ни думать, ни говорить. После данного заклинания, ты просто повторяешь то действие, которое делал до него. К примеру, идёшь домой. Домой ты, конечно, придёшь, но не сможешь открыть дверь, из-за чего ты либо остановишься около неё и будешь тупо на неё смотреть, либо и вовсе тыкаться в неё. А о заклинании ты забываешь. Таким образом, регуляторы избавляют мага от возможных деструктивных мыслей, и даже от намёка на них. Вот это и ждёт нерадивого мага, который решил, что может всё, а на деле не может ничего. Речь идёт, конечно же, не только о силе магии и физической, но и об интеллекте. Если ты достаточно умён в самом деле, а не умён, потому что ты так сказал, то тебе бояться нечего. Кстати, за экзамены не бойся. Многие экзаменаторы понимают, насколько страшны последствия отчисления и пытаются, как многие учителя говорят, «натянуть сову на глобус», вытягивая студентов на проходной балл. Хотя не все, скажу прямо. Так что лучше изучай материал, который тебе дают, а не делай вид, что изучаешь. И на занятия ходи.

Ещё немного пообщавшись с учителем и допив чай, Мерион поставил кружку на стол, поблагодарил преподавателя за радушный приём, встал со стула и пошёл к выходу. Однако, уже будучи у выхода, он вспомнил вопрос, который мучал его очень долго. С самого поступления. Однако подал он его в косвенной форме.

— Э-э... Владимир Станиславович, — смущённо произнёс Мерион. Он почувствовал, как Миханов повернулся к нему. — Я хотел ещё спросить у вас. Вопрос может показаться странным, но... — Мерион повернулся к учителю. — Как вы считаете? Другие миры существуют?

Мериона очень интересовало, знают ли маги академии «Перун» про параллельные миры, существующие помимо Земли. Миханов вздохнул.

— Спорный вопрос, — ответил Миханов озадаченно. — По правде говоря, я стараюсь об этом не задумываться. Слишком уж это расплывчатая тема. С одной стороны, не исключено. А с другой... Если бы они действительно существовали, почему о них до сих пор ничего неизвестно? Ох, шуму было бы, если бы хоть кто-то побывал там и вернулся. А ведь в наше время всё возможно.

Мерион потупился. Он не хотел заканчивать тему.

— А вот... Чисто теоретически, если бы я со всей уверенностью заявил, что они существуют... скажем, на той основе, что я там был, или вовсе оттуда прибыл... — Сердце Мериона от волнения забилось громче и интенсивнее, будто вот-вот выпрыгнет из груди. — Мне бы многие поверили?

Миханов посмотрел на Мериона с неким подозрением. Мерион заволновался ещё сильнее и еле заметно сглотнул.

— А с чего бы такие вопросы? — спросил Миханов, украдкой сощурился.

— Просто... научный интерес, — ответил Мерион.

Всё-таки трудно не догадаться по таким наводящим вопросам, что спрашивает Мерион это не просто так.

Миханов усмехнулся, но в его глазах мелькнул огонёк, который Мерион не мог истолковать. Это было нечто среднее между любопытством и лёгким недоверием, как будто он пытался разгадать сложную головоломку.

— Научный интерес, говоришь? — повторил Миханов, медленно кивая. — Ну, знаешь, Миша, в наше время, когда наука и магия шагнули так далеко, люди склонны верить фактам, доказательствам, ну, или хотя бы логическим доводам. А вот если ты заявишь о существовании чего-то, что выходит за рамки общепринятого, без веских оснований... — он сделал паузу,

внимательно наблюдая за реакцией Мериона, — ...то, скорее всего, тебя отправят к специалистам. Или, в лучшем случае, посчитают чудаком.

Мерион почувствовал, как по спине пробежал холодок. Слова Миханова, хоть и звучали как обыденное рассуждение, несли в себе скрытый смысл, который он улавливал с болезненной ясностью. Он представил себе, как его слова, его переживания, его, возможно, единственная реальность, будут разложены на составляющие, подвергнуты сомнению, а затем отвергнуты как плод больного воображения. Это было пугающе. Или облегчающе?

— Хотя в сущности, всё зависит от того, кому ты это собрался заявлять, — утвердил Миханов. — Знаю не за всех, но точно уверен, что Семён Черноухов точно бы поверил, правда это или нет. Вы ведь с ним, я заметил, хорошо общаетесь.

Мерион опустил взгляд.

— Да... — неуверенно ответил он. — Или... нет... Я уже не уверен, говоря откровенно. Но это не так важно.

Попрощавшись с преподавателем, Мерион в спешке покинул кабинет. Шагая по коридору, он предавался размышлениям, с головой погружившись в свои мысли. Особенно его волновал тот факт, что он решился заговорить с Михановым о других мирах. Он решился. И боялся не того, что он поверит, а того, что он не поверит. Получается, что Мерион уже и сам устал хранить секрет? Рассказал Ивану Сергеевичу и чуть не рассказал Владимиру Станиславовичу.

Копнув чуть глубже, Мерион понял: он просто жаждет сказать, что он — инопланетянин; что он этому миру не принадлежит; что он теперь вообще никакому миру не принадлежит, ведь его мира больше нет. Говоря проще, Мерион устал врать и молчать.

Как это происходит? Он знает, насколько важно хранить секрет, но больше не может держать рот на замке. Эта сила... Нет, любая сила, пребывавшая в его руках, больше вредила окружающим, чем защищала их.

«Крепость Ханта-Угрэ». Западная граница Великой Каины, пересекающаяся с Теократией Ассэлия, или «Ассэле-Виспра». Мерион сам вошёл, дабы любой ценой прорваться к главнокомандующему вражеской армией. И ему это удалось. Он убил Палвика Апсимуса, но... Кровь, крики, огонь... и мольбы о пощаде. Но он не пощадил. Он, Мерион, уничтожил абсолютно всех. Не только солдат, но также прислугу, беженцев и мирных жителей, которые лишь проживали в этой крепости.

Его сила — страшное оружие, которое даже он, Мерион, не имеет права не то, что использовать, но даже обладать им. Зачем он только тренировался все эти сто пятьдесят лет? Вся его жизнь скатилась в сплошной ад просто ни за что.

Тогда почему? Что пошло не так?

И вдруг Мерион остановился прямо около лестницы. Его голову посетила неожиданная мысль. Нежданная, но такая нежная. Такая ласковая. Такая убедительная. «А насколько важно хранить этот секрет?» — раздался тихий, будто бы пришедший извне голос в голове. — «Зачем ты до сих пор молчишь? Что такого произойдёт, если все будут знать о том, что ты из другого мира? Подумаешь. В мире, где одна только магия — вымысел, не говоря уже о троллях, в которых даже некоторые маги не верят, если кто-то заявит о параллельных мирах, несмотря на слова Миханова, сомнения почти никого не посетят. А если рассказать вообще всё, Мерион может даже получить поддержку на фоне жалости, либо страха надвигающейся катастрофы. Поговорив об этом с директором, не стоит сомневаться и в том, что он предоставит Мериону всё необходимое, хоть и понадобится его убедить в искренности своих слов, с чем он — Мерион — несомненно справится. Так в чём же смысл всех этих конспираций, если правда будет лишь к лучшему?»

— «Нет. От моей мощи мои близкие страдают... и умирают.»

— «Близкие? Но у тебя нет близких? У тебя не осталось никого из близких. Так почему же...?»

— «Люди не должны умирать!»

— «Кто так решил? Ты? Или кто-то другой принял это решение за тебя? Всё это больше не имеет никакого смысла. Скрывать и укрощать то, чего ты сумел достичь собственным трудом... расточительство.»

И действительно. В чём смысл скрывать всё это? Почему Мерион решил, что будет лучше сохранить эту тайну, если будет лучше заявить о своей силе? Нет...

Мерион опёрся о перила лестницы и стукнул себя по лбу.

— Не сила, а правда, — тихо проговорил он, убеждая себя.

И что на него только нашло? Откуда взялись сомнения? Нет. Тайну раскрывать пока нельзя. Ещё не время. Всё-таки, это имеет смысл. Он — Мерион — чувствовал это. Он пока не знает, что он сам затевает, пока не рассказывает никому о своём происхождении, но он откуда-то знал, что говорить правду не стоит. Во всяком случае, сейчас. Мало ли что может пойти не так.

И тут в голову Мериона стрельнула мысль: а зачем он вообще записался на турнир? Зачем это было нужно? Чего он хотел добиться? Неужели, он уже настолько устал от недоговорок, что решил просто показать всем всё на практике? Или его настолько взволновало, что на подачу заявления осталось мало времени, что вместо раздумий о том, нужно ему это или нет, он просто решил сделать это, ибо подсознательно знал, что шанса больше не будет? Это было куда более вероятно, ведь обычно Мерион так и поступал.

Или, всё же, может, это просто обида? Как странно. Об обиде Мерион уже совсем не думал. Теперь чувство того, что его предали, уже не вызывает того колющего ощущения в груди, как в пятницу. Может, приятный разговор с Михановым на это повлиял? Мерион усмехнулся. Всё-таки, старик не такой хрыч, каким его все считают...

Глава шестая

Форма и решение

На следующий день Мерион уже уверенным шагом шёл на занятия. Его мало волновало мнение одноклассников по поводу его появления. Единственное, что он хотел, — продолжать учиться в академии. За прошедший день он многое переосмыслил и даже понял, что его решение о том, что его предали, было поспешным и излишне эмоциональным, даже смехотворным. Это ведь действительно могло быть ошибкой. В конце концов, Мерион сам пытался какое-то время быть невзрачным и незаметным, ни с кем не пересекаясь. На этой почве его могли не взять в расчёт. Вполне естественный исход. Даже странно, что он, Мерион, принял это близко к сердцу. Он всё ещё не был уверен, что его воспринимают в подгруппе так, как показывали это в минувшей неделе. Но имело ли это в принципе какое-то значение? Разве ему не всё равно? Ему это никак не мешало учиться и, уж тем более, наблюдать.

С этими мыслями он вошёл в кабинет «Алхимии». Открыв дверь, на него быстро кинули взгляды все люди, находившиеся в кабинете, резко смолкнув. Мериону резко пришло в голову сказать: «Вечер в хату!», что любил говорить его начальник на прежней работе, когда заходил к рабочим с проверкой или объявлением, но не успел Мерион и рта открыть, как все его одноклассники указали пальцами на одну точку. Этой точкой оказался Костя. Тот лишь с угрюмым видом сидел над своим «М.И.Д.А.С.'ом» и раскрытой тетрадью. Указывали пальцем все, кроме Ники. Она подбежала к Мериону.

— Вот, это он во всём виноват! — заявила она злобным голосом. — Этот... Этот... Представляешь? «Рандомайзером» именно он был выбран администратором группы! Он исключил тебя из группы, так ещё и список участников скрыл! Вот урод!

Мерион был в замешательстве. Он был уверен, что войдёт в кабинет, и никто с ним не заговорит, а, может, ещё начнут косо на него смотреть и перешёптываться. Но он никак не ожидал увидеть такое, что люди, которых он в моменте возненавидел, покажут себя с хорошей стороны и примут сторону... справедливости.

Ника сверлила взглядом Костю, а позже метнула взгляд на Мериона, как бы косвенно, но ясно говоря: «Накажи его!» Мерион пожал плечами и пошёл по направлению к Виатристу. Поначалу последний игнорировал это, однако, когда Мерион был к нему уже чуть ли не вплотную, на его лбу начала ясно поблёскивать капля пота, а сам он еле уловимо дрожал. Похоже, он не забыл прежнюю попытку убить Мериона. Последний, стоя над Костей с крайне угрожающим, по мнению Виатриста, видом, занёс руку над головой и... ткнул в тетрадь Кости пальцем. Тот дёрнулся, издав что-то похожее на собачий лай, нервно переглядываясь с лица Мериона на тетрадь.

— «Командирский отвар» настаивается не тридцать, а тридцать пять минут, — сухо сказал Мерион, глядя в тетрадь. — Это имеет большое значение. Если ты его недоваришь и он остынет, «Командирский отвар» станет «Ефрейторским напитком». Чуешь разницу?

Костя ничего не сказал, а лишь озадаченно помотал головой. Мерион нервно выдохнул, как бы говоря: «Всё тебе объяснять надо». И Мерион пустился в объяснения, что «Командирский отвар» даёт уверенность в своих поступках и сам подсказывает нужное решение, исходя из подсознательно работающей логики человека, в то время как «Ефрейторский напиток» лишь завышает оценку своих действий и решений, насколько бы правильными или неправиль-

ными они не были, что даёт ложную уверенность в том, что выпивший в любом случае поступает правильно.

В это же время однокурсники смотрели на всё это и, кто открыто, кто про себя, поражались этому. Ведь стоило ожидать того, что Мерион, — вернее, Миша, — хотя бы громко закричит на Костю, а то и вообще ударит. А вместо этого он начал разъяснять ему его ошибку в тетради, которая могла ему стоить не только оценки.

— Ларису Валерьевну внимательнее слушать надо, — в конце с усмешкой заявил Мерион, постучав пальцем себе по виску. — Вдруг однажды решишь себе приготовить протеин, а получишь креатин.

Сказав это, Мерион подхватил съехавшую с плеча сумку и уверенным шагом двинулся за первую парту. Не успел он и ручку достать из сумки, как рядом с ним материализовалась Ника, смотревшая в упор на него, подперев голову кулаком.

— И как это понимать? — спросила она, впрочем, довольным тоном.

— Ну а что? — сказал Мерион, взглянув на неё и расставив руки по сторонам. — Ему бы кто-то предъявил, кроме меня? Если бы он щас на практике был, то сварил бы чёрте чё, скажешь нет?

Ника ничего не ответила, а лишь закатила глаза и отвернулась, хотя даже с затылка было видно её тёплую улыбку из-за ямки на видной части щеки.

После урока, на котором была подвергнута обсуждению тема «метафизической манипуляции при направленном метакимическом воздействии», вся группа направилась в следующий кабинет на урок «Магических инструментов». В этот раз Мерион и Ника шли вместе.

— А где Семён? Я его что-то не видел, — поинтересовался Мерион.

И ведь действительно, его не было на уроке, хотя пропускать занятия было не в его стиле.

— Он уехал ещё в воскресенье, — ответила Ника. — В свою деревню. Говорит, там участились нападения медведей. Поехал разбираться. Обещает приехать завтра.

Раздался пиликающий высокий звук. Он раздался из «М.И.Д.А.С.'ов» Мериона и Ники. Та включила свой и открыла вкладку «Мессенджер» на голограмме. Мерион сделал то же самое. Открылось окно, похожее на уже привычный Мериону чат, только над каждым сообщением были написаны имена разных людей.

— Так меня всё-таки добавили, — произнёс Мерион.

— Кому надо сказать «спасибо»? — саркастично и воодушевлённо спросила Ника, широко улыбаясь и показывая на себя большими пальцами.

— Не знаю, Косте, наверно, — улыбаясь и даже не глядя на Нику, пошутил Мерион.

Даже краем глаза Мерион увидел её сжавшееся в возмущении и отвращении лицо. Это не могло его не развеселить.

В чате было сообщение, помеченное сверху более мелким текстом, как «*Важное!*» и «*Пересланное*».

Все студенты «ИБТ» в срочном порядке должны направиться на 6 этаж, в 98 кабинет, для консультации по поводу индивидуальной формы. Касается всех подгрупп. Преподаватели, уведомьте свои группы как можно скорее!

— Индивидуальная форма? — удивился Мерион. — Что за...?

Но не успел Мерион закончить предложение, как Ника бегом вырвалась вперёд него.

— Побежали скорее! — крикнула она. — Не то будем последние в очереди!

«Да уж, вовремя Семён уехал», — сказал про себя Мерион и побежал за Никой.

Прибыв к кабинету, Мерион обнаружил, что им с Никой действительно удалось прибыть первыми. Около кабинета никого не было. Первой зашла Ника — Мерион столь рыцарственно уступил ей, хотя, по правде, он просто хотел узнать, что там будет до того, как войдёт. Ника пробыла там около пяти минут, после чего вышла оттуда довольная.

— Там, короче, тебе нужно будет объяснить, как будет выглядеть костюм, который ты хочешь, — воодушевлённо рассказывала Ника. — А ещё рассказать о технике, чтобы они сделали тебе костюм под неё.

Мерион состроил совершенно глупое выражение в виде раскрытого рта и поднятых внутренних кончиков бровей, по которому нельзя было сказать, что он чувствует: то ли удивление, то ли досаду, то ли отвращение. Было ощущение, будто он встретил сына своего врага и удивился тому, насколько они с ним похожи.

Ничего не сказав, он последовал в кабинет.

— Жду тебя здесь, — не сбавляя радушия, объявила Ника.

Захлопнув дверь, он присел за стол напротив девушки в очках с тёмными распушенными волосами, которая что-то записывала в планшет. Ему пришлось ждать около полуминуты.

— Мгм... Здравствуйте, вы ведь пришли по поводу формы? — спросила девушка.

Мерион коротко кивнул. Как будто это было неочевидно.

— Тогда перейдём к делу, — объявила она. — У вас есть требования по дизайну?

— Да-а... нет, — сказал Мерион, пожав плечами. — Меня в том, в чём я сейчас хожу, всё устраивает.

Мерион был всё так же в чёрном рашгарде, чёрной футболке на нём и в белых свободных штанах на шнурках.

— Вы в этом уверены? — спросила девушка.

Ну зачем? Зачем она это спросила? Теперь Мерион не был уверен. От него сейчас хотели, чтобы он думал. Фантазией он не был обделён, но она не работала по приказу. Он не мог придумать что-то из воздуха, когда от него этого требовали.

— Д-да, — кое-как, но уверенно утвердил он.

— Поняла, — сказала девушка и что-то записала в свой блокнот. — Можно я вас тогда сфотографирую?

Мерион выпучил глаза и нахмурил брови.

— Только одежду! Лицо в кадр не попадёт, — поспешно объяснила девушка.

Для него это было невеликим утешением. Всё-таки, он не очень хотел, чтобы его тело отправляли незнакомым людям. Но спорить он не стал. Встав со стула и пройдя в центр кабинета, он остановился и даже вздохнуть побоялся. Девушка открыла голограмму, на которой отображалось тело Мериона ниже головы.

— Какой накачанный, — не удержалась девушка, сказав это вслух.

Мерион усмехнулся.

— Это вы ещё моего друга не видели, — сказал Мерион, вспоминая Семёна. — Настоящий великан.

Конечно, Мерион поспешил, назвав Семёна другом, при этом лишь хорошо пообщавшись с ним до этого несколько раз. Это было всё равно, что назвать другом Миханова.

— Расскажите теперь о своей технике, — попросила девушка, усевшись за стол и взглянув сначала в планшет, а потом на Мериона.

— Ну-у... Вообще-то моя техника не предполагает каких-то разрушительных действий, сказывающихся на ткани, — объяснил Мерион, решивший, что лучше будет рассказать не о самой технике, а о её воздействии. — Но лучше, я думаю, будет укрепить ткань... на всякий случай.

В какой-то момент Мерион ожидал, что девушка прямо-таки потребует рассказать о технике, мол, она лучше знает, что и как лучше сделать.

— Хорошо, — уверенно, без лишних слов и тонов, протянула она, также водя пальцем по планшету. — На этом всё, можете идти.

Мерион направился к двери. Вида он не подал, но мысленно нервно выдохнул, так ещё и вздрогнул.

Выйдя из кабинета, Мерион увидел собравшуюся очередь из семи человек, все из которых были с другой подгруппы. Все из них по очереди протянули Мериону руку для рукопожатия. Мерион ответил на каждое из них. Рядом стояла Ника, ждавшая Мериона, после чего они направились на нижние этажи. На рассказ Мериона о том, что он будет ходить примерно в том же, в чём ходит сейчас, она прямо-таки чуть не расплакалась.

— Я думала, ты выберешь что-то интересное, — грустно протянула она.

— А чем тебе мой костюм не нравится? — предъявил ей Мерион, состроив вопросительное лицо и лишь слегка прищутив глаза и приоткрыв губы.

— Ничем! Ничем! Хороший костюм, правда! — поспешно протараторила Ника, которая, судя по всему, сочла это выражение лица зловещим.

На вопрос о том, что за техника у Мериона, он навешал ей на уши ту же лапшу, что и Миханову. А когда она хотела рассказать о своей технике, Мерион шикнул на неё.

— Не надо, — просто и коротко сказал он. — Подожди до турнира. Я хочу увидеть её своими глазами. — Сказав это, Мерион улыбнулся.

Лицо Ники сначала приняло удивлённый и довольно противоречивый вид, но затем она ответила на его улыбку ещё более тёплой.

— К слову, когда он начинается? — спросил Мерион.

— В четверг, — ответила Ника, расслабленно скрестив руки за головой в своей манере. — Открытие первого тура. Завтра, по идее, должны выставить порядок битв.

На следующий день порядок битв выставили. В главном зале в прихожей столпилось множество людей вокруг большого мраморного постамента, над которым светила большая кубическая голограмма. На каждой её стороне были изображены линии, разветвлявшиеся вниз и сходящиеся вверх, однако к одному концу они не соединялись. Под нижними ветками были указаны имена-фамилии участников.

— Так мало участников, — удивился Мерион, подойдя к постаменту.

— По нескольким причинам, — сказал не пойми откуда взявшийся Семён. Мерион удивлённо взглянул на него. — Во-первых, мало подходящих кандидатов; во-вторых, в целом малый охват; в-третьих, чтобы не затягивать турнир.

— Ты об этом столько знаешь, — удивился Мерион.

— А это разве не очевидно? — сказал Семён, взглянув на Мериона, а потом снова кинув взгляд на куб. — Ого, ты в первом сражении.

В шоке и ужасе Мерион взглянул на голограмму. И действительно. В левом крайнем конце ветви значилось «Михаил Ворохов». А во внутреннем...

— Так ты ещё и сражаешься с...

К ним двоим протиснулась Ника. На её лице было неприкрытое предвкушение.

— Ух ты, вы уже здесь? — удивилась она своим друзьям, а затем посмотрела на голограмму. — Кто там первый сражается?

На её лице появилось невероятное удивление, а затем — широкая улыбка.

— Миша, так мы с тобой первые! — крикнула она, чем напугала нескольких ребят, стоящих рядом с ними.

Да, и вправду первые. Мерион и Ника сражаются друг с другом в первом поединке. На это Мерион рассчитывал меньше всего. Он уже принял решение о том, что выйдет из турнира,

инсценировав проигрыш, но кому ему точно не хотелось проигрывать, так это Нике. Дело не в том, чтобы выставить себя слабее конкретно Ники или девушки в целом, а в том, что Мерион понимал: Ника уже представила поединок между ней и Мерионом, каким эпичным и вдохновляющим он будет. А тут он просто сольётся с первого удара, и она разочаруется в нём, чего ему совсем не хотелось.

Это была не влюблённость, но чувство, являющееся искренним ответом той нежности и привязанности, которые Ника выражала Мериону, несмотря на то, что они знакомы лишь считанные недели. Однако выбора не оставалось. Даже если бы она не расстроилась, если бы проиграла, Мерион не хотел побеждать. Не потому, что не мог, а потому, что нельзя. Это будет совершенно лишним.

И ведь Мериону действительно было интересно, что за техника у Ники, но он хотел увидеть её со стороны, как поражённый зритель, а не *буквально* поражённый противник.

Далее день проходил ничем не примечательно. Странно было то, что Мерион почти не встретил людей, которые были бы разочарованы тем, что не попали в турнир, а даже наоборот.

— Ну и ладно! — громко заявил один парень из «МК». — Нет, так нет. Зато теперь со спокойной душой могу усесться на место зрителя и сказать: «Я хотя бы попытался».

— Честно говоря, я не очень хотела участвовать, — говорит уже девушка с «БиоФиз-Маг». — Всё-таки страшно сражаться с реально сильными ребятами, которые наверняка не просто так уверены, что победят. Но что-то вот меня дёрнуло, в голове раздалось: «А вдруг смогу...» Даже рада, что меня не приняли.

Оказывается, люди не очень-то хотят принимать участие, но почему-то всё равно подают заявление. Наверняка, всё дело в гордости.

— Ну вот представь, ты — маг, который только поступил в академию, — говорил об этом Семён, когда они с Мерионом шли со второго по счёту занятия. — У себя дома ты наверняка был сильнее прочих, а попадая сюда, остатки твоей гордости никуда не исчезают. Я ведь тоже подал заявление на турнир лишь потому, что у меня осталось немного уверенности в том, что я самый сильный. А потом ты начинаешь понимать, что драться ты будешь не с обычными людьми и не с животными, а с такими же магами, как и ты. Появляется страх, причём не слабый. А отступить уже нельзя. Надежда есть только на то, что тебя просто отсеют из-за того, что ты просто не подходишь. Неважно, почему.

И ведь Семён прав. Ведь так и думает большинство людей. Адекватных людей. А иных здесь быть, если верить словам Миханова, просто не может. Ну, или если Мерион правильно понял то, что он — Миханов — пытался донести.

Также Мерион днём встретил Катю, которая выражала большую гордость за Мериона, который смог попасть в турнир.

— Я ни капельки в тебе не сомневалась! — воскликнула она. — Раз уж ты сумел пробить укреплённую стену, твоё зачисление на турнир было лишь вопросом того, когда начнётся сам турнир.

— Я никому про это не рассказывал, — сказал Мерион, просто не сумевший удержать смущения.

— Так они ж там физику проверяют на аппаратах, — аргументировала Катя. — Фактическое доказательство. Ты там, часом, не поломал свой «М.И.Д.А.С.» от маленького напряжения? Я и такое допускаю. А я уверена, что и техника магии у тебя сильная.

Она была не зря в этом уверена. Хотя в рамках «легенды», которая уже начала укрепляться, — о ней теперь узнал ещё и Семён, — её ждало разочарование. Мериону даже стало немного грустно.

Дальше, после третьего урока, Мерион встретил ещё и Миханова, который со всем пафосом пожал руку «будущему чемпиону». Он действительно так сказал.

— Скажите, почему вы меня так поддерживаете? — интересовался Мерион. — Я ведь обычный студент, как и другие.

— Просто человек ты хороший, — ответил Миханов. — Странноватый, экстравагантный, но хороший. Я это вижу.

Мерион кивнул, принимая пожатие руки, но в голове его уже крутились другие мысли. Поддержка Кати, хоть и основанная на недоразумении, грела душу. Она верила в него, даже если эта вера была построена на выдумке. А вот слова Миханова, хоть и искренние, казались ему ещё более загадочными. "Хороший человек" — это было так неопределённо, так далеко от той славы, которую ему пророчили. Он чувствовал себя скорее пешкой в чьей-то игре, чем настоящим героем.

Он поблагодарил Миханова и пошёл дальше, пытаясь осмыслить эти встречи. Казалось, весь мир вокруг него начал меняться, подстраиваясь под новую реальность, в которой он был не просто студентом, а кем-то бóльшим. Но что именно это «большее» означало, он пока не понимал. Его правда — его тайное оружие, его истинная сила — оставалась скрытой, и он не знал, когда и как сможет её применить. Возможно, турнир станет испытанием, которое раскроет его истинный потенциал, или же, наоборот, станет его крахом, если легенда окажется слишком хрупкой.

По пути в библиотеку, где он планировал провести остаток дня, Мерион размышлял о том, как легко люди верят в истории, особенно если они звучат достаточно убедительно. Катя, с её пылкой верой, была тому ярким примером. Миханов же, казалось, видел что-то глубже, что-то, что ускользало от самого Мериона. Эта двойственность восприятия его самого — как героя и как просто хорошего человека — создавала внутреннее напряжение. Он чувствовал, что стоит на пороге чего-то важного, но путь к этому «чему-то» был окутан туманом неопределённости. И этот туман, как ни странно, начинал его пугать больше, чем любая физическая угроза.

Пройдя в библиотеку, Мерион увидел сидящего за столом Диму, читавшего, откинувшись на стуле, Джорджа Оруэлла, «Скотный двор». Одет он был сегодня в вишнёвую рубашку с длинными рукавами и широкие чёрные штаны. Книгу он читал одним глазом — правым, который обычно был скрыт за чёрной повязкой, в то время как сейчас повязка скрывала левый глаз. Этот глаз, в отличие от левого, был жёлтым и неестественно подсвечивался. Нельзя было точно сказать, читал ли Дима или просто просматривал содержимое книги, так как его глаз ездил по строкам слишком быстро, а перелистывал он страницы каждые десять секунд.

Это, как Мерион предполагал, говорило о том, что Куртукод имел превосходную реакцию, а также обладал отличной концентрацией. Даже когда он — Мерион — прошёлся довольно громкими шагами к своей любимой полке «Магические справочники», Дима не обратил на это никакого внимания, продолжая читать книгу с непроницаемостью, которая в группе Мериона была присуща ему одному.

Дима ни с кем не общался. Во всяком случае, Мерион этого не видел. Он ни с кем не разговаривает, ни на кого не смотрит, но при этом не пропускает ни одного занятия и принимает активное участие во всех практических работах, делая огромные успехи, особенно на уроках Гер-Саньча, когда дело касается контроля маны.

Мерион даже подозревал, что талант Димы к управлению энергией превосходил навыки самого Мериона, так как он без особых усилий осваивал то, что Мерион либо уже умел, либо

сам только учился, хотя предельно понимал принцип, благодаря опыту. Не было ничего, что Дима и Мерион не освоили на уроках Остроаяна: хождение по стенам и жидкостям; усиление действий; повторение действий; интроспекция — навык черпать ману из сетей вручную; отход нервных окончаний; мягкое прикосновение и так далее. Пожалуй, эти двое были единственными, кто научился всему, что преподавал Гер-Саньч на данный момент.

Мерион, подойдя к полке, осторожно вытянул с неё увесистый том в кожаном переплёте, его пальцы привычно скользнули по тиснёным узорам. Он знал, что Дима, несмотря на свою кажущуюся отстранённость, всегда был в курсе происходящего. Возможно, его необычайная способность к концентрации позволяла ему одновременно обрабатывать информацию из множества источников, даже когда он погружался в чтение. Мерион не мог не восхищаться этой чертой, ведь сам он часто отвлекался на посторонние звуки или движения, даже в тишине библиотеки. Этот человек был загадкой, молчаливым вихрем, который появлялся, впитывал знания, демонстрировал поразительные результаты и исчезал, оставляя после себя лишь вопросы.

Он помнил, как однажды Гер-Саньч, пораженный скоростью, с которой Дима освоил сложнейшую технику перенаправления маны, в шутку назвал его «ходячей библиотекой». Тогда Дима лишь слегка наклонил голову, не произнеся ни слова, но Мерион заметил, как уголок его губ едва заметно дрогнул. Возможно, это была улыбка, или просто игра света. С Димой никогда нельзя было быть уверенным.

Мерион направился к свободному столу, расположенному в дальнем углу библиотеки, подальше от Куртукода, но всё же в пределах видимости. Он не хотел мешать, но и не мог оторвать взгляд от этой странной, притягательной фигуры. В его молчании, в его сосредоточенности было что-то первобытное, что-то, что выходило за рамки обычного человеческого понимания. Казалось, Дима не просто учился, он *впитывал* знания, становясь их частью.

Мерион открыл свой том, погружаясь в изучение древних заклинаний, но часть его сознания продолжала следить за Димой, хоть взгляд его шёл по последней строке книги, на которой он остановился. Он пытался разгадать его тайну, понять, что движет этим человеком, который, казалось, жил в своём собственном мире, мире, где законы обыденности не имели власти.

— Не имели власти? — раздался грубоватый, насмешливый голос Димы.

Мерион в удивлении поднял голову, глянув в его сторону. «Телепатия?» — раздался воинственный голос в голове Мериона. Глаз Димы, как-то ну уж совсем магически сверкнув жёлтым светом, остановился на нём. Вернее, на его книге.

Дима усмехнулся с самодовольным видом и встал из-за стола, закрыв книгу и плавно положив её обложкой вниз, проведя по переплёту рукой и ей же пригладив свои золотистые волосы назад. Он пошёл в сторону Мериона, сунув руки в карманы, после того как перетащил чёрную повязку на правый глаз, обнажив левый — светло-голубой. Подойдя к Мериону, Куртукод ткнул пальцем в книгу.

— Маги девятнадцатого века ещё как имели власть над стихией огня, — объяснил он, тыкая в строку, на которой задержал взгляд Мерион. — Просто они боялись ей пользоваться после того, как Десдерев сжёг дотла половину нижегородской губернии. История об этом, разумеется, умалчивает. Маги того века смогли быстро её восстановить под руководством и с помощью некого Фатана Климагнита, пришедшего, как он говорил, с Дальнего Востока.

«Когда пришло время брать под контроль магию природы, — а точнее, магию стихии, — выдающиеся элементоиспытатели российского сообщества магов стали шаг за шагом открывать и вводить новые техники магии стихий, начиная от воды и заканчивая молнией. Однако маги так и не смогли поработить стихию огня. Из-за своей наиболее агрессивной природы, не имеющей спокойного состояния, маги девятнадцатого века над ней не имели власти.»

Так значилось в книге.

Мерион, ошеломлённый, смотрел на Диму. Не только его слова, но и сам факт того, что Дима, казалось, прочитал его мысли, а затем указал на конкретную строку в книге, которую Мерион держал в руках, был поразителен. Он чувствовал, как по его спине пробежал холодок. «Как он это сделал?» — пронеслось в голове Мериона, и он невольно сжал переплёт книги.

Дима, словно прочитав и этот вопрос, лишь усмехнулся: его светло-голубой глаз блеснул ещё ярче.

— Я был знаком с историком, изучавшим подобные вопросы, — говорил Дима. — Он сумел раскопать те факты, которые никогда не напишут в таких... — он с издёвкой взглянул сначала на Мериона, потом на книгу, — «детских книжках».

Отвернувшись, Куртукод отошёл от Мериона и снова сел за свой стол, но уже не открывая книгу. Вместо этого он взял со стола небольшой, искусно вырезанный из дерева предмет, который Мерион ранее не заметил, напоминающий стилизованную птицу, и начал задумчиво вертеть его в руках.

Мерион же, пытаясь осмыслить произошедшее, снова опустил взгляд на книгу. Слова Димы о Десдереве и Фатане Климагните эхом отдавались в его сознании, накладываясь на текст, который он только что читал. «История об этом, разумеется, умалчивает», — повторил он про себя фразу Димы. И действительно, в его учебниках по истории магии не было ни слова о сожжённой губернии или о загадочном Климагните. Это было не просто упущение, это было целенаправленное сокрытие.

Он перечитал абзац ещё раз, теперь уже с новым пониманием. «Маги девятнадцатого века над ней не имели власти», — значилось в книге. Но Дима поправил: «Ещё как имели власть». Разница была колоссальной. Если маги действительно обладали такой силой, но боялись ею пользоваться, это меняло всю картину. Это означало, что их неспособность «поработить» стихию огня была не следствием отсутствия силы, а результатом страха, травмы, коллективной памяти о катастрофе.

В этот же день, а точнее, вечер, Мерион, вернувшись домой, заметил около двери странный чемодан. Он был чёрным с серебристой окантовкой по углам и изгибам. Взяв его в руки, Мерион удивился: он был лёгок даже для пустого чемодана, и ведь при всём этом в нём явно что-то было. Мерион потряс им и почувствовал, что там что-то падает, но звука не было от слова совсем. Войдя в свою комнату, он раскрыл чемодан. Мёртвую тишину заполнил громкий и при этом глухой шелест больших пакетов-слайдеров с застёжкой-молнией, в которых была упакована одежда. Неужели, форма?

Раскрыв пакеты, Мерион убедился в том, что это была его индивидуальная форма. На вид она была точь-в-точь как его нынешняя, но на ощупь куда мягче и приятнее, словно Мерион рукой трогал облако. Мерион, в котором всё сильнее пробуждался интерес, поспешно переоделся. Визуально он никак не поменялся, но ощущения кардинально отличались. Мерион почти не чувствовал одежду, из-за чего у него складывалось ощущение, будто он голый. На фоне этих вещей, нижнее бельё и носки будто давили до крови. В порыве впечатления Мерион подпрыгнул, прокрутился и совершил пару летящих ударов ногой по воздуху. Такое чувство, будто даже воздух был тяжелее.

«Уж что, что, а одежду здесь делать умеют», — подумал Мерион. Ни один шёлк на Касле не был таким лёгким, будто бы неосвязаемым, и при этом ещё и стильным.

В чемодане также лежал ещё один пакет. В нём была обувь. Необычная обувь. Выглядело, как чёрные балетки. Также в пакете лежала рекомендация: «Носить без носков!» Так Мерион и поступил. Надев эту обувь, он вышел на улицу. Сама обувь была, так же, как одежда, невероятно лёгкой. От неё чувствовалась только тончайшая подошва. Через неё Мерион мог ощутить

любой изгиб на поверхности, по которой ходит, но при этом земля под обувью словно сама подстраивалась под изгиб ноги. Невероятные ощущения. Побегав и попрыгав, Мерион в этом только сильнее убедился.

Он взглянул на небо, покрывшееся звёздами. Настолько чистого ночного неба он не видел ещё нигде на Земле. Каждая точка света казалась бриллиантом, вкрапленным в бархатную черноту, и от этого зрелища захватывало дух.

В эту самую минуту Мерион понимал, что он был готов к завтрашнему «Турниру могучих магов». Он знал, что ему по силам победить в нём, ведь его магия была достаточно сильна для этого, но он, Мерион, не должен был допускать свою победу. Но и проиграть с первого удара он тоже не мог, ведь сражаться он будет со своей лучшей подругой.

И в этом тихом, звёздном уединении он чувствовал, как эта готовность укрепляется, становясь не просто решением, а неотъемлемой частью его самого. И Мерион сделал свой выбор. Он знает, как ему необходимо поступить, чтобы не сойти со своего пути, который он выбрал...

Глава седьмая

Гениальное поражение

Встав ранним утром, а именно в четыре часа, Мерион полностью подготовился к предстоящему поражению. За утро он намеренно потратил кучу маны, чтобы ослабнуть физически. Он был намерен бить в полную силу, чтобы ни один «сенсор» не смог обвинить его, Мериона, в том, что он сдерживается. Поэтому он принял решение эту самую полную силу сократить.

Помимо траты маны, он до и после пробуждения ничего не съел, что заметно снизило его когнитивные функции и физический потенциал.

Его движения были замедленными, мысли путались, а привычная острота восприятия притупилась. Каждый шаг давался с трудом, словно он ташил за собой невидимый груз. Зеркало отражало бледное, осунувшееся лицо с тёмными кругами под глазами, но Мерион лишь усмехнулся этому зрелищу. Это было именно то, что ему нужно. Чем более жалким он будет выглядеть, тем меньше подозрений вызовет его «неожиданное» поражение. Он даже не стал приводить в порядок свои растрёпанные волосы, позволяя им торчать во все стороны, добавляя образу неряшливости.

Он вышел из своего дома, пошатываясь, и направился к академии. Каждый шаг отдавался тупой болью в висках, а желудок сводило от голода. Но Мерион игнорировал эти ощущения, сосредоточившись на своей цели. Он должен был выглядеть убедительно, чтобы никто не усомнился в его искренности. Никто не должен был догадаться, что за этим поражением скрывается не слабость, а хладнокровный расчёт. Он был готов к тому, что его будут жалеть, осуждать, возможно, даже смеяться над ним. Но это была цена, которую он был готов заплатить за свою свободу. Свободу от ожиданий, от бремени непобедимости, от постоянного давления. Сегодня он сбросит этот груз, пусть и таким необычным способом.

Зайдя в огромную прихожую, Мерион был слегка ошеломлён тем, что она была полностью забита студентами, жаждущими битвы между себе подобными. Глупо было, конечно, ожидать другого, однако во впечатлении Мериона укрепились, будто этот зал настолько огромен, что даже если вся академия соберётся в нём, стены останутся нетронутыми.

Толпа гудела, словно растревоженный улей, и каждый звук, каждый вздох казался Мериону усиленным, искажённым. Он чувствовал на себе десятки взглядов, оценивающих, любопытных, предвкушающих. Некоторые были полны сочувствия, другие — презрения, но большинство просто жаждало зрелища. Он знал, что его нынешнее состояние — идеальная приманка для таких глаз. Чем больше они видели его слабость, тем сильнее будет их удивление, когда эта слабость окажется лишь маской. Нет, ну о чём он только думает?

Пробравшись сквозь толпу, — Мерион пытался проходить как можно более незаметно, — он увидел троицу людей в строгих деловых костюмах, стоящих у подножия огромной лестницы, раздваивающейся по пути на второй и нижний этажи. Это были две девушки и один парень. У девушки посередине был в руках планшет.

— Прошу прощения, — сказал Мерион, подойдя к девушке с планшетом. — Дело в том, что я — участник. Куда мне идти?

— Спускайтесь ниже, — вежливо сказала девушка, указывая на одну из боковых лестниц вниз. — По пути к арене будет разветвление. Вам — направо. Дальше по коридору будет дверь, мимо не пройдёте. Заходите в неё.

Мерион поблагодарил и пошёл к лестнице.

Спуск по ступеням казался бесконечным, каждый шаг отдавался эхом как в его голове, так и в самом деле, смешиваясь с затихающим гулом толпы. Его собственное тело, казалось, было чужим, непослушным инструментом, который он вынужден был использовать для величайшей актёрской игры. Боль в висках пульсировала в такт его сердцу, а пустота в желудке становилась всё более ощутимой. Но это было лишь фоновым шумом, отвлекающим, но не способным заглушить главную мелодию — мелодию его тщательно продуманного плана.

Достигнув разветвления, Мерион, как ему и было сказано, пошёл направо и оказался в более узком коридоре. Воздух здесь был плотнее, пропитанный запахом пота, адреналина и чего-то ещё, неуловимого, но волнующего. Мерион почувствовал, как напряжение нарастает, как будто он сам становился частью этого предвкушения. Он знал, что сейчас его будут оценивать ещё более пристально. Каждый его жест, каждый взгляд — всё будет подвергнуто анализу. И это было именно то, что ему нужно. Пусть они видят его таким — слабым, уязвимым, почти сломленным. Пусть они готовятся к триумфу, к лёгкому, предсказуемому исходу.

Миновав два поворота направо, Мерион оказался у железной двери, стоявшей в углублении стены коридора, ведущем прямо на арену. Отсюда её можно было разглядеть лишь в качестве светлого пятна, ведь сам коридор был очень тёмным.

Зайдя внутрь, Мерион вошёл в отделение для мальчиков. Это была белая комната, обставленная по одной стороне шкапами, а по другой — умывальниками и зеркалами. По середине же комнаты стояли в два ряда скамьи, на одной из которых сидел Семён.

Он был одет в белую майку без рукавов и чёрные свободные штаны. В области живота было хаотичным образом повязано множество широких кожаных ремней, на плече сидел такой же кожаный наплечник с меховой подкладкой, прикреплённый ремнём, идущим над другим плечом и под мышкой, а ладони и запястья, игнорируя пальцы, были обвязаны белыми спортивными бинтами. На его ногах были высокие чёрные ботинки на шнурках. Похоже это и был его костюм.

Увидев Мериона, Семён тут же встал и подошёл к нему для рукопожатия.

— А ты что тут делаешь? — удивился Мерион неожиданному присутствию гиганта.

— Как что? Я же тоже участвую, — пояснил Семён.

Мерион совсем забыл об этом. Он издал протяжный, стыдливый звук и хлопнул себя по лбу.

— Чё-то ты какой-то вообще... не такой, — подметил великан. — Нервничаешь, небось. Мерион слегка кивнул. Он, разумеется, нервничал, но не от того, что его могут покалечить.

— Да ты не бойся, — стал успокаивать Семён Мериона, похлопав по плечу. — Думаю, Ника не станет тебя сильно шинковать.

Мерион поднял взгляд на Семёна.

— А ты знаешь её технику? — спросил Мерион.

— Знаю, — ответил Семён. — Но не скажу. Это нечестно.

— Да я и не... — начал Мерион и вздохнул. — Впрочем, ладно.

Мерион был счастлив увидеть в такую минуту своего друга, ведь один бы он здесь точно сошёл с ума. Весь его боевой настрой исчез, будто его и не было вовсе. Уверенность в своём поражении в бою сменилась на страх поражения своей стратегией. Его пугали сразу два варианта событий: тот, в котором он *переоценит* силу Ники и победит её, навредив не только сохранению своей тайны и, соответственно, пути к цели, но и благосостоянию Ники; а также тот вариант, в котором Мерион *недооценит* силу своей противницы, и Ника выбьет из Мериона дурь с первого же удара, тем самым не только опозорив его на широкую публику, но и обрека на собственное разочарование, а может, и презрение в его адрес.

Семён, увидев будто сквозь самого Мериона его страхи и переживания, не стал ничего говорить, а лишь тепло улыбнулся, безмолвно говоря: «Всё будет хорошо». Мериону было трудно в это поверить, но раз это говорит Семён, значит, наверняка так оно и будет. Всё-таки, как бы грозно он ни выглядел, по мудрости он мало чем уступает Миханову, что Мерион заметил за месяц их общения.

Просидев в комнате около получаса, хотя, по ощущениям, прошла целая вечность, в комнату вошёл Джейсон Строк. В этот раз его волосы, всё ещё жёсткие и сальные, были завязаны в хвост, острыми пиками торчавший чуть выше затылка. На его лице всё так же красовались синяки под глазами и плохо выбритые борода и усы, только теперь они не были скрыты космами падающих на лицо прядей. На его лице играла ухмылка, такая же, как и при его первом появлении.

— Как себя чувствуете? — спросил он своим хриплым голосом. — Готовы?

Мерион и Семён лишь кивнули. Строк выдохнул.

— Хорошо, — ответил он. — Примерно через пятнадцать минут с арены донесётся голос ведущего. Как только его услышите, ты, Мерион, пойдёшь к выходу на арену, а ты, Семён, — на смотровую площадку сверху, — Строк указал на ещё одну дверь в раздевалке, стоящую напротив той, из которой он вышел.

— Ясно, — утвердил Семён после того, как взглянул на дверь, кивнув вдобавок.

— Отлично, — утвердил куратор воодушевлённо и хлопнул в ладоши. — Слушайте и будьте готовы. Я побежал.

С этими словами куратор вышел за дверь. Мерион и Семён, ничего не говоря, лишь переглянулись, после чего стали ждать.

Минуты долго тянулись, словно вязкая жидкость. Каждая из них не отдаляла, а лишь приближала бой, в котором Мерион должен был себя нужным образом показать. Когда оставалось пять минут, счёт перешёл на секунды. Обстановка в комнате накалялась. В комнате не стало жарче, но внутри Мериона всё кипело.

— Дамы и господа! Добро пожаловать на ежегодный «Турнир могучих магов»! — глухо, но чётко донеслось сквозь стены звонким голосом.

Вот оно. Знак. Мерион взглянул на Семёна. Тот взглянул на него. Оба, будто стоворившись, одновременно кивнули друг другу и встали, направившись каждый по разным сторонам и выйдя в разные двери так же одновременно. В лицо Мериона ударил поток свежего прохладного воздуха. После светлой раздевалки, тёмный коридор показался ещё темнее. Или же это у Мериона от волнения потемнело в глазах.

Повернувшись вправо на девяносто градусов, Мерион направился к выходу на арену.

— Сегодня мы открываем ежегодное эпичнейшее событие! — всё не умолкал голос. По всей видимости, это был Атлас. Впрочем, Мерион не знал наверняка, ведь слышал он его в последний раз месяц назад. — Событие, в котором отобранные маги сойдутся в битве и решат, кто из них — сильнейший!

Мерион остановился у белой линии, проведённой мелом на полу от стены до стены. Он не знал, что нужно так поступить, но что-то ему подсказывало, что не стоило появляться на публике до тех пор, пока его не объявят.

На обоих стенах справа и слева от Мериона был выгравирован простой рисунок огня. Это наверняка что-то значит.

— С этого момента мы начинаем первый тур! В нём нам покажут себя новоиспечённые маги, только начавшие свой путь и ищущие своё предназначение!

Живот Мериона, то ли от голода, то ли от волнения, то ли от всего разом, будто крючком подцепили и стали тянуть в непонятном восприятии направлении: вперёд или назад, влево или вправо, вверх или вниз, а может, и вообще внутрь самого Мериона. Сознание Мериона

поплыло. Ощущение было, будто ещё чуть-чуть, и он перестанет различать образы в пространстве. Однако Мерион был совершенно невозмутим, будто и не было ощущения, словно он вот-вот провалится в пропасть без всякой возможности подняться.

— Поприветствуем же наших первокурсников! — донёсся словно из далёкого и незнакомого мира громкий голос, вернув Мериону ощущение бытия. — Из «Врат пламени»... — Мерион понял, что речь идёт о его выходе. Сквозь силу он переступил белую черту с таким впечатлением, будто назад он больше не вернётся. — ...выходит человек, чей род славится тем, что сквозь века собирал, хранил и накапливал манускрипты о магии, что даёт ему безоговорочное преимущество в знании маны и её секретов! Человек, который своими знаниями о мане поразил даже нашего преподавателя по «Метафизике», пресловутом тем, что знал больше всех о строении энергии, дарованной каждому из нас! Человек, который ошеломил прочих своими необычайными навыками контроля маны! Встречайте! МИХАИЛ ВОРОХОВ!!!

Свет, разлившийся по арене, ослепил Мериона, однако он не посмел и на миг прищурить глаза. Его затопили крики и аплодисменты всех, находившихся в зале: студенты и преподаватели, подростки и взрослые, большие и маленькие, парни и девушки. Куда бы Мерион ни посмотрел, везде были лица, в которых смешались восторг и кровожадность. Это не могло не пугать и не воодушевлять одновременно.

Сама арена была огромна, как футбольное поле. Её размеры просто не могли не поражать. Стены аспидного цвета, уходящие ввысь под трибуны, казались непроницаемыми, словно высеченные из цельного куска обсидиана, отражая яркий свет, пробивающийся сверху. Здесь не было места для жалости или колебаний, только для чистого, первобытного инстинкта выживания. Каждый шаг по высланному плотным слоем песка полу заглушался. Воздух был плотным, насыщенным ожиданием, словно перед грозой, и казалось, что сама земля затаила дыхание. Неужели всё это пространство выделено под битву? Это лишь означало, что бойцы могут себя никак не сдерживать в схватке.

Подняв голову, Мерион убедился в том, что голос принадлежал директору. В его руках не было микрофона. Его голос был усилен магически, как на поступлении, только теперь в разы сильнее.

— В это же время из «Врат бури» выходит девушка, в скорости и бойкости которой нет равных! Её поступь легка, словно танец ветра, а глаза сверкают решимостью, подобно молниям, рассекающим грозное небо! Она несёт в себе отголоски стихий, что бушевали за завесой реальности, и каждый её шаг наполнен силой, способной изменить ход событий! Воздух вокруг неё трепещет, а тени, что следуют за ней, кажутся живыми, готовыми броситься в бой по первому её знаку! Поприветствуйте! НИКА ХВОСТЕНКО!!!

На том конце арены появилась Ника. Её наряд не мог не поразить Мериона: чёрного цвета кожаная куртка с металлическими шипами на плечах и вокруг концов рукавов и хаотично вышитыми жутко реалистичными белыми молниями; свободные, белые, будто бы бумажные штаны; такая же белая футболка под кожанкой; чёрные, подстать куртке, высокие ботинки под штанами, прямо как у Семёна; и так же, как у Семёна, руки были перевязаны бинтами.

В её лице читалась отвага. По щёкам расплзлась жадная до крови и боли улыбка, оголяя белоснежные зубы, готовые в любой момент окраситься в красный. В её глазах играла первобытная агрессия. От девушки, которая рукоплескала от того, что она с Мерионом в паре выйдет на первое сражение, не осталось и следа. Теперь это была волчица, которая будто бы знала, что перед ней стоит совсем обессиленное травоядное, не способное ни убежать, ни спрятаться.

— Бойцы! Подойдите к кругу! — объявил директор.

Мерион и Ника послушно проследовали к окружности тёмно-серого цвета, стоящей в центре арены. Её диаметр был около пяти метров. Когда эти двое оказались по её краям, со своего места прыгнул Атлас, приземлившись в центр круга и, отпружинив ногами, принял

расслабленное положение, держа руки в карманах и глядя перед собой с блаженным видом, не удостоив при этом своим взглядом ни Нику, ни Мериона.

— Правила просты, — заявил тихим, но слышным для бойцов голосом Атлас, похожий на то, будто он хочет сделать им обоим крайне запретное предложение. — Дерёмся в полную силу. Побеждает тот, кто в конце поединка будет способен стоять на ногах и осознавать происходящее. Это ясно?

Оба кивнули. Лица обоих различались: Мерион был крайне серьёзен, а Ника, было ощущение, вот-вот облизнёт губы. Они смотрели друг на друга, точно так же не одарив директора даже намёком на взгляд.

— Да начнётся турнир, — тихо проговорил Атлас так, что слышать его могли только Мерион и Ника.

Директор оттолкнулся от пола, вспорхнув и приземлившись на своё прежнее место.

— ДА НАЧНЁТСЯ ТУРНИР!!! — уже оглушительно повторил он теперь на всю публику.

Это было знаком. Сигналом для начала поединка, который так долго, но сильно истощал сознание Мериона.

Оба бойца разошлись по разным концам арены. Не сговариваясь, они отошли на одинаковое количество шагов и одинаковое расстояние, не смотря на разную длину ног, оказавшись одновременно на одинаковом расстоянии от круга. Точно такая же синхронизация, как и с Семёном, которая работала, — Мерион был уверен в этом, — лишь с близкими ему людьми, одной из ближайших из которых удалось стать Нике за какой-то месяц учёбы в одной группе с ним и какую-то пару недель общения.

И вот, они стоят по разные стороны, вот-вот обруша друг на друга всю мощь, которая была им доступна, приняв боевые стойки. Ника выставила одну ногу вперёд, оперев на неё всё тело, а другую поставив назад, придав положение полушага. Корпус её был развёрнут в противоположную сторону, выставив руки перед собой так, будто опираясь об стол. Это была очень странная стойка. Подобных ей Мерион ещё никогда не видел. Однако она придавала ощущение, будто Ника стала шире в плечах.

Мерион же решил играть по тем же правилам: он встал в стойку, которую уже почти позабыл, — настолько давно он её использовал. Он выставил ноги вдоль, на одну линию, а корпус поставил прямо. Он поднял одну руку вверх, согнув её в локте так, что ладонь, лениво висящая с постепенно возвышающимися пальцами от мизинца до указательного, была расположена чуть выше головы. Вторую же ладонь он приставил, чуть не прикасаясь, к началу рёбер сбоку от корпуса. Такая стойка была плоха для нападения, но идеальна для контратаки, позволяя мгновенно парировать наступление врага, обернув его же удар против него. Мерион назвал эту стойку «Гокаборос», но если назвать её по-земному, то это будет звучать как «Пасть каймана».

Однако эта стойка оказалась бесполезна, и Мерион это осознал поздно.

Не успел он ничего осознать, как вдруг Ника, стоявшая от Мериона на расстоянии около тридцати метров, моментально оказалась рядом с ним, чуть не впритык, лицом к лицу. Её лик совершенно поменялся: из безумного азарта выражение лица сменилось на абсолютную непроницаемость. Лишь выпученные большие глаза давали понять, что она — не каменная статуя. Они горели не голубым, что свойственно магам, а ярко-белым, будто две большие лампы, искрясь маленькими такими же белыми разрядами молний, исходя из зрачков и заходя за виски, шевеля торчащие волосинки.

Не поняв даже, что происходит, Мерион получил невероятно мощный удар в челюсть, отправивший его в полёт до самой стены арены, чуть не впечатав его. Пока он летел, его тело, совершенно утратив управление над конечностями, обмякши, кувыркалось, задевая пол и поднимая песчаные облака в виде шлейфа.

Упав на пол, Мерион оказался в полном шоке. Он и так собирался принять первый удар, но Ника решила всё за него. Мерион хотел отодвинуть нервные окончания от места удара, но не успел. Удар был настолько болезненным, что Мерион полностью потерял контроль над собственным разумом, уступив место боли, причинённой этим неожиданно сильным ударом. Её техника, её быстрота — это было просто невероятно.

Однако Мерион не позволил себе забыться в боли и начал вставать, опираясь на руки, постепенно приводя в движение как тело, так и мозг. Встав уже полностью, Мерион взглянул на Нику, которая стояла там, где только что стоял он, перед тем, как поймать этот удар. Как же далеко его отбросило. На её лице действительно уже не было кровожадности. Теперь она приняла выражение полной серьёзности, и даже начала стоять с высокомерной уверенностью.

— Лучше не вставай, — сказала она тихо, но Мерион смог её услышать, даже несмотря на расстояние. — Тебе же хуже будет.

Толпа завывала от такого поворота событий. Первый же удар вывел из строя одного из бойцов, но тот смог встать на ноги, чтобы продолжать сражаться.

— А я рискну, — отдышавшись, ответил ей Мерион в том же тоне.

И Ника, видимо, расслышав его, понеслась на Мериона вновь, но теперь он был готов. Пока он вставал, он незаметно налил кулаки и ступни теми остатками маны, которые припас специально для боя. Нельзя было проиграть всухую. Нужно было показать зрелище, которое так хотела Ника.

Оказавшись уже рядом с ним, Ника замахнулась для ещё одного удара, но Мерион в последний момент отпрыгнул вверх по диагонали. Всё-таки, скорости реакции и силы у него стало гораздо меньше, но на то и был расчёт. Нужно было уравнивать шансы между ним и Никой, и Мерион был близок к пониманию того, что у него это получилось идеально.

Ника, либо не сразу поняв, что не попала, либо не сумев затормозить, врезалась в стену спиной, выставив руки. Мерион же приземлился. Настало его время улыбаться. Теперь он был не только уверен, что всё идёт по плану, но и был способен получать удовольствие от битвы. Тот азарт, который почему-то потеряла Ника, теперь приобрёл Мерион.

Он понял, что, несмотря на свою высокую, буквально молниеносную скорость, ей не доставало манёвренности и скорости реакции, чтобы самой справиться со своей скоростью. Это было ему только на руку. Мерион совсем забыл о голоде, а руки и колени перестали дрожать от недостатка маны. Его мышцы наливались горячей кровью бешено качающего её сердца. Кислород поступал в его мозг непрерывным и мощным потоком, ускоряя его анализ и когнитивные функции, утраченные из-за голодной ночи.

Как Мерион и ожидал, Ника оттолкнулась от стены, но не в Мериона, а в другую стену, от неё — в третью и так далее. Она так летала по всей арене, мелькая белыми линиями. Мерион чувствовал её и прекрасно знал, что она нападёт не в лоб, не со спины, а с левого бока. В этот раз Мериону удалось поймать её удар. Даже в этом состоянии его силовая мощь превосходила её. И резким движением Мерион отпустил руку Ники, совершив сильный удар кулаком ей в живот, от чего Ника аж подлетела. Из её рта обильно полилась слюна, а из поражённого места разошлась ударная волна. А после этого Мерион совершил мелкий отшаг, встав к ней боком, пока она была в воздухе, и ударил тыльной стороной ладони по её щеке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.